

ХЕЛЫГЕ СВАРЕ

HELGE SVARE

VENNSKAP

Pax Forlag
Oslo

ХЕЛЬГЕ СВАРЕ

ФИЛОСОФИЯ
ДРУЖБЫ

Перевод с норвежского И. Вороновой

Прогресс-Традиция
Москва

ББК 87.774

УДК 18

С 24

*Издание осуществлено при содействии
норвежского фонда NORLA*

Сваре Х.

С 24   Философия дружбы / Пер. с норв. И. Вороновой. –
М.: Прогресс-Традиция, 2010. – 256 с.

ISBN 978-5-89826-344-7

Знаем ли мы в действительности, что такое дружба? Одинаково ли люди понимают это слово или каждый вкладывает в него особый смысл? Что значат для нас наши друзья? Умеем ли мы дружить и возможно ли сохранить друзей на всю жизнь? Какую ценность имеет дружба в современном обществе и насколько большое значение ей придается? Это далеко не полный перечень вопросов, которыми задается норвежский философ Хельге Сваре в своей книге «Философия дружбы».

Взяв за основу учение о дружбе Аристотеля, автор применяет античные понятия к современности и пишет о различных формах дружбы, таких, как «полезная дружба», «дружба ради удовольствия» и «благая дружба», которой придается особое значение. И это не удивительно, ведь именно благая дружба делает нашу жизнь лучше, помогает нам реализовать себя и достичь счастья.

УДК 18

ББК 87.774

На переплете: Константин Брынкуши. «Поцелуй»

© Pax Forlag A/S, Oslo 2004

© И. Воронова, перевод, 2008

© Г.К. Ваншенкина, оформление, 2011

© Прогресс-Традиция, 2011

ISBN 978-5-89826-344-7

Содержание

ДРУЗЬЯ НА ВСЮ ЖИЗНЬ	8
ЧТО ТАКОЕ ДРУГ?	17
Взаимная симпатия	21
Выбор	23
Совместная жизнь	29
Равноценность	33
Полезная дружба и дружба ради удовольствия	36
Благая дружба	41
Дружба, которая делает нас хорошими	47
Полезные друзья и друзья ради удовольствия – тоже друзья	52
Восхищение, уважение и любовь	55
Лицом к лицу и бок о бок	58
ИЗ ИСТОРИИ ДРУЖБЫ	64
Образец дружбы в античной Греции	68
В жизни и смерти	71
В саду Эпикура	75
Дружба в Древнем Риме	77
За средневековыми монастырскими стенами	81
Все превосходящая радость	88

Среди рыцарей и дев	92
Монтень и эпоха Возрождения.....	96
Женская дружба в XVII и XVIII веках	101
Мечта о родственной душе – романтическая дружба.....	106
Делить дом и постель	112
Подозрительный взгляд.....	118
Дружба и брак	121
Одиночество в большом городе.....	127
Эксперты сердца	130
Дружба сегодня.....	134
 ЕЩЕ О ДРУЖБЕ И БЛАГОЙ ЖИЗНИ	141
Счастье	143
Дружеские услуги	147
Быть дома	153
Приключения.....	158
Идентичность личности	162
Я и ты	167
Этика благой жизни	172
Встречаться как друзья	177
Общество друзей.....	181
Добрая беседа.....	185
 ИСКУССТВО ДРУЖБЫ.....	191
В правильном месте и в правильное время	195
Проявить инициативу.....	198
Первое впечатление	200
Уметь слушать	204
Дружеская критика.....	208
Время, которое занимает дружба	213

Хорошая основа	215
Традиции и ритуалы	222
Кризисы и изменения	224
Дружба в компаниях	228
Будто складывать костер	231
ИСТОЧНИКИ И ПРЕДЛОЖЕНИЯ	
К ДАЛЬНЕЙШЕМУ ЧТЕНИЮ	235
К главе «Что такое друг?»	238
К главе «Из истории дружбы»	239
К главе «Еще о дружбе и благой жизни»	242
К главе «Искусство дружбы»	243
СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ	245

ДРУЗЬЯ НА ВСЮ ЖИЗНЬ

Любовь по своей природе преходяща. Искать секрет, как сделать ее величиной постоянной, – то же самое, что заниматься поисками философского камня или панацеи от всех бед. А если бы нам и посчастливилось отыскать его, это было бы также бесполезно или даже опасно для человечества. Священными узами общества является дружба.

Мэри Уолстонкрафт.

Примите участие в небольшом эксперименте: составьте список имен тех, кого вы считаете своими друзьями. Укажите всех, с кем вы, по вашим ощущениям, находитесь в дружеских отношениях. Затем присмотритесь к этим именам внимательнее и спросите себя, какого рода дружба связывает вас с каждым из них по отдельности.

Как вы дружите? Почему вы считаете его или ее своим другом? Что означает для вас дружба? И какую роль играет она в вашей жизни?

Так можно размышлять о дружбе. И подобным образом люди размышляли на протяжении более двух тысяч лет. В настоящей книге я разовью некоторые из этих мыслей и задамся вопросом: а что, собственно, такое дружба? Дружба – это одно понятие или же их несколько? И можно ли сделать что-то для того, чтобы стать лучшим (чем вы есть) другом?

Друзья – часть нашей жизни от ее начала и до самого конца. Моего первого друга звали Хансманн, и я восхищался им больше всего на свете. Он был мой ровесник, но крупнее и сильнее, чем я, и постоянно производил на меня впечатление тем, что ломал разные вещи. Позднее я обратил внимание на Метте из соседнего дома. Нас объединила любовь к рассказам и сказкам, троллям и игрушечным зверям.

Насколько я помню, ребенком я редко бывал один. Изменение произошло в подростковом возрасте; тогда я много времени проводил наедине с самим собой. В послеобеденное время я часто посещал библиотеку, основательно изучая полки не только с романами, но и с книгами по религии, философии и политике. Я читал Киелланда, Бьернебё и Хоеля, позднее – «Божественную комедию»

Данте и политические записки Розы Люксембург. Книги стали моими самыми близкими друзьями и продолжают оставаться ими по сегодняшний день. И поскольку чтение является важной частью моей жизни, я высоко ценю время, которое могу проводить в одиночестве. Время, дающее мне свободу читать и размышлять. Но я также помню ту радость, которую испытывал, подружившись в старших классах школы с моим первым другом, который любил книги почти также сильно, как и я. В течение целого года мы каждый день вместе возвращались домой из школы. По вечерам я проезжал на велосипеде два километра до его дома, и мы сидели в его комнате и болтали до глубокой ночи. Мы вели долгие разговоры на серьезные темы, которые занимали нас обоих. Он был умен и любознателен, умел слушать и призывал меня высказывать и обосновывать мои мысли.

С тех пор друзья появлялись и исчезали. В моей жизни были периоды, когда я большую часть времени проводил в одиночестве, и времена, когда рядом было много друзей. Возможно, такое чередование присуще жизни каждого человека? Оно снова и снова напоминало мне о том, как важна дружба. Тоска из-за отсутствия друзей, которую я порой ощущал, и радость от общения с друзьями, которые у меня были и есть, постоянно напоминают мне о значении дружбы.

В то же время меня удивляет, насколько редко дружбу обсуждают. Люди часто говорят о друзьях и о том, чем они занимаются: «У Бенте новая работа, а Трульс вроде бы ремонтирует ванную». Но самому феномену дружбы уделяют мало внимания. Это становится особенно заметно в сравнении с тем неимоверным интересом, который в наши дни вызывают другие отношения между людьми, а именно – романтическая любовь. Романтическая любовь культивируется в романах, новеллах, журналах и фильмах. Она послужила источником появления многочисленных брошюр и статей о том, как найти партнера, как строить отношения с ним, как справляться с конфликтами, возникающими в отношениях с партнером, и как пережить горе, вызванное разрывом этих отношений. Когда любовные отношения находятся под угрозой, друзья и коллеги всегда готовы дать совет, поделиться своими размышлениями и мыслями о том, что было неправильно и что нужно делать. Романтическая любовь является темой бесконечных размышлений, волнений и теорий.

В последние годы картина тем не менее изменилась. Все чаще мы читаем о дружбе в газетах и журналах. Возросло число фильмов и телесериалов, где дружеские отношения являются главной темой. Наиболее известен американский сериал «Друзья на всю жизнь». Другие примеры последних

лет – «Сейнфельд», «Секс в большом городе» и австралийский сериал «Наши маленькие секреты». Речь в них идет также и о влюбленности, и о любви. Все действующие лица периодически влюбляются, а порой даже обзаводятся на некоторое время любимыми. Но в основном все коллизии рассматриваются с точки зрения друзей. Доминируют в этих сериалах друзья и дружба между ними, и именно дружеские отношения являются основой сюжета.

Такое фокусирование телесериалов на дружбе отражает действительность, в которой все больше людей в течение того или иного промежутка времени живут одни, без близких членов семьи. Это делает дружеские отношения более важными, нежели раньше. Многие также указывает на то, что сегодня у нас больше друзей, чем раньше, и что друзья больше для нас значат. В 1980 году 27 процентов населения Норвегии ответили, что у них нет близкого друга. Спустя менее чем 20 лет, в 1998 году, этот процент уменьшился до 16¹. Тем не менее сам феномен дружбы по-прежнему мало обсуждается. Друзья в телесериалах тоже не тратят времени на разговоры о дружбе. Она просто существует, как само собой разумеющееся обрамление действия.

---

¹ Данные Центрального статистического бюро, опубликованные в газете «Афтенпостен» 19 января 2003 года.

Быть может, это молчание указывает на то, что дружба не терпит пристального внимания? Итальянский философ Франческо Альберони утверждает следующее: дружба – это то, что спонтанно возникает между людьми, которые друг другу нравятся и друг друга уважают. Это феномен, поднимающий нас над обыденностью. В то же время дружба предусматривает невинную наивность. Она не терпит жесткого анализа. Возможно, немногословность в том, что касается дружбы, объясняется также распространенным в нашей части земного шара мифом о том, что дружба – это «не-что, что просто случается». Мы не можем ни управлять ею, ни повлиять на нее. Поэтому нет и причины говорить или размышлять о дружбе. Третьей причиной такого молчания может быть культурологическая недооценка дружбы, существующая в нашей части мира где-то с XIX века. С раннего детства нас учат тому, что романтическая любовь, а позднее брак – это главное в жизни. Именно это цель жизни, и в этом мы реализуемся как люди. Дружба – это всего лишь что-то дополнительное, к чему мы прибегаем, пока ждем большой любви, или после того, как она пройдет.

Я не считаю, что все человеческие отношения должны проясняться и подробно анализироваться. Но может оказаться полезным уделить больше внимания дружбе. Нам не обязательно говорить

о ней все время. Но мы можем с пользой для себя больше размышлять, рассуждать, читать или писать о ней. Таким образом, мы также можем способствовать созданию более богатого языка о дружбе. Легко не замечать того, чему нет названия. Дружба слишком важна для того, чтобы стать незаметной.

Размышляя о дружбе, мы можем в большей степени осознать важность ее роли в нашей жизни. Это может привести к тому, что мы будем больше ценить дружбу. Или даже научимся дружить крепче, чем раньше. Альберони, конечно, прав в том, что дружба возникает спонтанно. Но возможно также научиться дружить по-настоящему, культивируя и развивая дружеские отношения.

Со времен Античности и до XIX века дружба была важной темой в философии – мы находим весомые размышления о дружбе у таких мыслителей, как Аристотель, Цицерон, Фома Аквинский, Фрэнсис Бэкон, Иммануил Кант и ряда других. С рубежа XIX–XX веков за философами последовали социологи, психологи и историки, а в течение XX века было издано много академических исследований о дружбе. В моих размышлениях о ней учитываются работы как по философии, так и по психологии, истории и социологии.

Что же в таком случае представляет собой эта книга? Это всего лишь описание некоторых суще-

ственных черт дружбы, а вовсе не исчерпывающая философская ее трактовка. В книге рассказывается о том, чем была дружба для людей в разные времена, но это ни в коем случае не история дружбы. Книга указывает на различные психологические и социологические аспекты дружбы, но не является психологической или социологической трактовкой дружбы. Это просто книга о дружбе, в которой я привожу различные точки зрения, а также мой собственный жизненный опыт для создания образа дружбы и обсуждения некоторых ее аспектов, которые со временем становятся для меня все важнее. Мы попробуем найти ответы на вопросы, что такое дружба, что могут значить для нас друзья и можно ли стать лучшим другом, чем мы есть.

Во время моих исследований некоторые книги явились для меня особенными источниками вдохновения. Среди них – обсуждение дружбы Аристотелем в «Никомаховой этике» и более современное классическое произведение Франческо Альберони «Дружба». Третий текст, много для меня значивший и фактически послуживший толчком всему этому проекту, – попытка немецкого философа Харальда Лемке сформулировать современное философское понятие дружбы нашего времени в книге «Дружба. Философское эссе».

Зачем еще одна книга о дружбе? Дружба – это неисчерпаемая тема, потребность размышления

над которой возникает постоянно. Каждое новое исследование может дать новую точку зрения, новый взгляд и возможность иного понимания. Старые тексты о дружбе критикуют за то, что в них создается слишком высокий образ дружбы. И хотя я ценю и Аристотеля, и Альберони, но эта критика относится и к ним. Сам я считаю, что дружба – это что-то очень хорошее, и в то же время простое и доступное большинству из нас.

Подобная книга располагает к использованию автором своего личного опыта. В то же время любое обращение к собственным переживаниям в книгах вызывает особенные сложности. Нельзя допустить, чтобы повествование стало слишком уж личным. Поэтому я использовал примеры из собственной жизни только для иллюстрации наиболее общих аспектов. Большинство имен изменено. И я пытался писать так, чтобы тем, кого я упоминаю, наши общие воспоминания были приятны.

ЧТО ТАКОЕ ДРУГ?

«Я хорошо помню мою первую лучшую подругу. Ее звали Йоханна, и когда она переехала, я испытала настоящее горе, сродни любовной потере. Ведь мы были так привязаны друг к другу»¹, – делится своим переживанием одна женщина в газетном интервью. Мужчина, рассказывающий, что он пригласил на тридцатилетие сто своих самых близких друзей, вряд ли испытывает такую же глубокую привязанность ко всем своим друзьям. С некоторыми из гостей он, возможно, едва знаком.

Эти примеры напоминают нам о том, что известно всем: друзья бывают разные, а слово «друг» может иметь много значений. Другом может быть и тот, с кем ты иногда договариваешься встретиться, и тот, с кем видишься часто. Это может быть коллега,

---

¹ Дагбладет // 2003. 1 февр.

с которым тебе приятно вместе обедать, товарищ по тренировкам, с которым ты пьешь пиво после занятий спортом, или старый школьный друг, с которым ты когда-то проводил много времени, а теперь иногда получаешь от него открытки по почте. С одними друзьями ты встречаешься в компании на вечеринках или в кафе, с другими – наедине. Порой дружба длится всю жизнь, а порой – лишь короткий промежуток времени. С одними друзьями ты обсуждаешь музыку, политику, литературу или телепрограммы, с другими – делишься своими самыми сокровенными мыслями.

Иногда друг является также членом семьи, соседом или коллегой по работе, а иногда вас не связывают с ним никакие иные узы, кроме самой дружбы. Иногда друзья исчезают – и ты этого не замечаешь, а иногда кажется, что твоя жизнь закончилась, когда не стало друга. Бывает дружба, основанная на разуме, а бывает – на чувствах, почти романтическая дружба. Немецкое слово *Freund* (друг) может обозначать как дружеские, так и романтические отношения. Норвежское (и русское. – *Перев.*) слово тоже иногда оказывается неоднозначным. Когда мы говорим о новом друге Кари, мы понимаем, что он нечто большее, чем обычный друг: он возлюбленный Кари.

Пожалуй, большинство людей, использующих слово «друг», отдают себе отчет в многозначности

этого слова. Это становится очевидным, когда нас просят поразмышлять о том, что такое друг. «Друзья бывают разные», – отвечаем мы и подчеркиваем тем самым, что не все друзья одинаково важны. Одни друзья оказываются большими, или лучшими, друзьями, чем другие. Они нам ближе, значат для нас больше, дружба с ними – крепче. Может случиться, что после таких размышлений мы будем более осторожно использовать слово «друг». Мы начнем делать различие между настоящими друзьями, с одной стороны, и разнообразными знакомыми – с другой. «Она просто знакомая, – говорим мы, – она, в сущности, никакой не друг». Или: «Он старый школьный товарищ, но мы никогда не были друзьями». Молодой человек в одном телеинтервью рассказывал, как имел обыкновение слоняться вместе с друзьями по трущобам южноамериканского города, в котором жил. И тут же, подумав, он пожаловался, что у него нет друзей. Мальчики, с которыми он проводил время, собственно, не были друзьями, они просто часто встречались.

Означает ли это, что менее значимые знакомые, которых мы тоже называли друзьями, вовсе не являются таковыми? Давайте рассмотрим несколько возможных ответов на этот вопрос. Мы можем ориентироваться на использование слова — если кто-то называет кого-то другом,

значит, он и есть друг, и отношения, существующие между этими людьми, — дружба вне зависимости от того, соответствует ли это восприятию данного слова другими или нет. Мы также можем включить такие слова, как товарищ, приятель и соответствующие им обозначения в определение дружеских отношений. Мы могли бы также причислить к друзьям всех тех, к кому мы испытываем дружеские чувства. Это дало бы нам широкое понятие о дружбе, заключающее в себе возможность охватить практически всех людей, кроме тех, к кому мы испытываем открытую вражду.

Проблематичность такого подхода заключается в том, что тема становится настолько широкой, что ее сложно обсуждать. Альтернативой является ограничительный подход — называть дружбой те отношения, которые соответствуют определенным требованиям, например, тому, чтобы эти отношения были по настоящему доверительными. Или мы могли бы сказать, что дружба бывает разной, но наиболее интересно было бы сосредоточиться именно на такой дружбе. Мой подход в этой книге наиболее близок к последнему определению. Я не хочу закрывать глаза на многообразие форм дружеских отношений, но в основном сфокусирую внимание на отношениях, которые буду называть доброй (или хорошей) дружбой.

ВЗАИМНАЯ СИМПАТИЯ

Что отличает добрую дружбу? Первое, на что мы обратим внимание, – это счастье. Добрая дружба делает нашу жизнь счастливее. Общение с хорошими друзьями приносит нам радость и вдохновение, поднимает настроение и придает силы.

Конечно, дружба не единственный вид человеческих отношений, который делает нас счастливыми. Любовь ласковой матери или отца делает счастливым маленького ребенка. Позднее влюбленность может швырнуть нас в настоящий ураган счастья. Человек может быть счастлив и оттого, что на работе он окружен хорошими людьми, хотя и не считает их друзьями. Что же тогда отличает дружбу? Этот вопрос обсуждался многими философами, и не только ими. И хотя ответы различаются, в них можно особо выделить следующее: симпатию, взаимность, выбор, совместную деятельность и равные ценности. Друг — это тот, кто нравится тебе и кому нравишься ты. Друг — это тот, кого ты выбираешь себе в друзья. Дружба должна быть очевидной для обеих сторон и выражаться, как правило, в той или иной совместной деятельности. И отношения между друзьями должны быть равными, лишенными соперничества и притеснения.

Впрочем, это не является исчерпывающим определением. Скорее всего, такое определение и невозможно. Дружба, по всей вероятности, относится к тем понятиям, которые, по утверждению философа Людвига Витгенштейна, не могут быть определены перечислением общих признаков. В то же время сложно рассуждать о чем-то не имеющем ограничений. Те пункты, которые только что были названы, могут послужить началом ограничения понятия дружбы.

Возможно, слово «симпатия» слишком общо и неточно. И давайте примем утверждение, что симпатия – или то чувство, которое мы будем так называть, – не обязательно должна быть очень сильной. Не обязательно, чтобы все твои друзья нравились тебе одинаково сильно, но минимальная симпатия все же должна быть, прежде чем ты сможешь назвать кого-то другом. Дружба также не всегда должна характеризоваться только хорошими чувствами. Ты можешь и досадовать на друга, тебя могут раздражать определенные стороны его характера, ты также можешь рассердиться или обидеться на то, что он делает или говорит. Но за всем этим должно присутствовать приятие тобой этого человека. В нем должно быть что-то, что тебе нравится или что ты ценишь. Ты должен желать ему добра. Когда это исчезает, дружба заканчивается.

И симпатия должна быть двусторонней. Как бы тебе кто-то ни нравился, это вряд ли поможет, если не нравишься ты. Так что симпатии самой по себе еще не достаточно для того, чтобы установились дружеские отношения. Ты можешь испытывать симпатию к целому ряду людей: к продавщице в газетном киоске, футбольному тренеру своей дочери и к секретарше на работе. Ты можешь испытывать симпатию к людям, с которыми никогда не встречался: к политику, которого видел в теледебатах, или к актеру, интервью с которым читал в газете. Но этой симпатии недостаточно для того, чтобы подружиться. Дружба требует взаимной симпатии.

ВЫБОР

Но и одной взаимной симпатии самой по себе не достаточно. Мы каждый день встречаем людей, которые нам нравятся и которые, как нам кажется, симпатизируют нам. Но это не делает нас друзьями. Мы, вероятно, и могли бы ими стать, но не становимся. Чтобы это произошло, нужно еще что-то. Нужно, чтобы мы оба решили стать друзьями.

Согласно Альберони, это решение является самым существенным в понятии дружбы, но одновременно и тем, что сложнее всего описать,

проанализировать или соотнести с какой-либо теорией. Кое-что мы тем не менее можем сказать. Это решение предполагает наличие определенных чувств: прежде чем мы выберем кого-то в друзья, этот человек должен нам понравиться. Из этого вытекают два важных вывода: мы не можем выбрать в друзья любого человека. Также невозможно заставить других подружиться с нами.

Многие философы и социологи подчеркивают добровольность как наиболее существенный признак дружбы. Дружба — это отношения, которые отдельно взятый человек сам выбирает. Многие отношения не таковы. В тот момент, когда ты появляешься на свет в определенной семье, тебе уже дано, кто твои родители, братья, сестры, дяди, тети, бабушки и дедушки. Ты их не выбираешь. Они уже существуют как данность, как часть семьи, в которой ты рожден. Другие отношения являются следствием того или иного выбора, предпринятого тобой, но сами по себе они тобой не выбираются. Это касается среди прочего отношений, которые возникают у тебя с людьми в силу того, что они являются твоими соседями или коллегами. Стоит тебе поселиться где-то, как в тот же момент ты приобретаешь соседей, так же как коллеги появляются у тебя вместе с рабочим местом. Таким образом, между тобой и этими людьми завязываются отношения, которые ты не выбирал

напрямую. Дружба не такова. Она возникает благодаря твоему самостоятельному выбору. Выбор друга свободен и индивидуален.

Мысль о добровольности, без сомнения, указывает на нечто очень важное в понятии дружбы. Но это не означает, что мы свободно можем выбирать в друзья кого угодно. Этот выбор предполагает наличие определенных чувств. А чувства не поддаются команде. Тем самым дружба напоминает влюбленность. Влюбленность тоже не поддается приказам. Она просто возникает. Мир полон красивых, привлекательных и приятных людей, но мы не влюбляемся во всех сразу. Влюбленность возникает, когда кто-то особо затрагивает нас, часто неожиданно и внезапно. Мы вдруг видим этого человека иначе, не так, как раньше. Возможно, мы видим что-то, чего никто, кроме нас, не замечает. Мы обнаруживаем нечто, что делает другого человека особенным, единственным и неповторимым.

Является ли также источником возникновения дружбы тот факт, что мы увидели нечто в другом человеке, что восхищает и очаровывает нас? Может быть, именно это пробуждает в нас симпатию, которая позднее дает нам возможность выбрать этого человека в друзья? Зависит ли это от того, какой это человек? От того, как он говорит и что делает? От дружелюбия, которое он проявляет и которое затрагивает нас особенным образом?

Или дело просто-напросто в том, что он видит нас так, как никто другой? Многие описывают начало дружбы, ссылаясь на что-то из вышеперечисленного. Это может напоминать влюбленность. Правда, чувства при этом не так сильны и не так драматичны.

Альберони называет это встречей. Встречей, во время которой два человека вдруг видят друг друга, и то, что они видят, захватывает их. Когда происходит такая встреча и стороны взаимно выбирают друг друга, то возникает дружба. Это может случиться, когда ты встречаешь кого-то впервые или после того, как ты уже некоторое время знаком с человеком. Последнее не означает, что дружба по своей природе возникает постепенно, благодаря тому, что мы сначала знакомимся, потом встречаемся и что-то делаем вместе и в конце концов становимся друзьями. Во-первых, дружба возникает не из любого знакомства. Мы также не обязательно становимся друзьями с теми, с кем больше всего общаемся, даже если они нам нравятся, а мы нравимся им. У тебя могут быть хорошие отношения в течение всей жизни со многими людьми — соседями, коллегами и родственниками, — но они все же не становятся твоими друзьями. Если же это и происходит, то, скорее, неожиданно. Как будто ты вдруг видишь человека в новом свете. В этом смысле возникновение дружбы всегда является

сюрпризом, пишет Альберони. Начало дружбы всегда дисконтинуально, как разрыв или прыжок.

Мне кажется, что Альберони прав. Но мне также кажется, что американский философ Элизабет Телфер верно подмечает, что сложно сказать, когда точно возникает дружба. Иногда нам нужно время, чтобы созреть для выбора. Позднее нам не всегда легко определить, когда именно решение было принято или что именно и в какой момент привело нас к определенному выбору. Возможно, выбор происходит, когда уверенность в нем становится сильнее, чем наши сомнения. Но сказать, когда точно это происходит, сложно. Это характерно для многих важных ситуаций, требующих выбора. Возможно, это касается и выбора друзей. Или, может быть, выбор друзей можно описать при помощи понятия Жан-Поля Сартра о пререфлексивном выборе. Это выбор, который происходит без четкого и ясного взвешивания различных альтернатив. Выбор не предпринимается бессознательно, но мы делаем его спонтанно, не размышляя о нем. В то же время он воплощает в себе наши желания и ценности. Мы увидели нечто, что мы ценим и к чему стремимся.

Необходимо упомянуть и последний, очень важный аспект дружбы. Выбор, с которого начинается дружба, не может делаться молча. Обе стороны должны сигнализировать о нем друг другу.

Только после того, как это произойдет и обе стороны признают данную ситуацию, дружба становится фактом. На практике это происходит тогда, когда друзья начинают что-то вместе делать. Одно дело — захотеть, чтобы кто-то стал твоим другом, другое дело — проявить инициативу к действиям, которые укрепят дружбу. Иногда это требует храбрости, ведь заранее неизвестно, как отреагирует другая сторона. На кону стоит немало — ведь ты рискуешь оказаться отвергнутым, разочарованным и оскорбленным.

Писатель Туре Ренберг описывает подобную ситуацию в своем романе о семнадцатилетнем Ярле. В школе тот познакомился с Ингве, который только что переехал в их город. После того как они пару раз пообщались друг с другом, Ярле решает без предупреждения отправиться к Ингве в гости:

Я позвонил. [...] Я начал потеть. Я понял, что не имею ни малейшего понятия о том, что мне говорить, что делать, когда кто-нибудь откроет дверь.

Отправившись с неожиданным визитом к человеку, которого еще не очень хорошо знает, Ярле рискует. Он не знает, как его встретят. Будет прием радушным или сдержанным? Будут ему рады или его отвергнут? Это не зависит от него. Другая сторона решает, как отреагировать на его инициативу. Но Ярле справляется со своим волнением и звонит в дверь.

СОВМЕСТНАЯ ЖИЗНЬ

В восемнадцать лет я уехал из дома в художественную школу-интернат. Я приехал туда, где никогда раньше не был и где никого не знал. Другие ученики были в такой же ситуации: никто не был друг с другом знаком и все были настроены на то, чтобы завести новых друзей. Тем не менее я помню страх, который чувствовал в первый день. Я был худеньким мальчиком с длинными волосами и большими круглыми очками. После нескольких минут волнения мое внимание в толпе учеников привлек один мальчик. Он был на голову выше меня, и у него были четко очерченные и асимметричные черты лица. Мы разговорились, его звали Андерс, и в течение учебного года, а также последующих лет он стал одним из моих самых близких друзей.

Что лежало в основе нашей дружбы? Как она возникла? Что нас связало? Может быть, то, как он со мной заговорил? Может быть, то, что он говорил и какие слова при этом выбирал, сигнализировало о его открытости и пытливости его ума? Может быть, то, как он меня слушал, дало мне особое ощущение того, что меня признают и принимают всерьез. Возможно что-то в этом роде. Во всяком случае, уже с самого первого дня я счи-

тал его своим другом. Нечто похожее произошло и с четырьмя-пятью другими ребятами. Они стали моими ближайшими друзьями в течение учебного года и в течение многих последующих лет.

Этот опыт, полученный в школе-интернате (а у всех, наверное, есть похожий опыт), является определяющим. В школе было более ста учеников. Я виделся с ними ежедневно целый учебный год. Мы встречались на лекциях, во время еды, мы вместе проводили вечера. Большинство из них были приятными людьми. Скорее всего, и они считали меня приятным. Но лишь немногие стали моими друзьями. Для дружбы нужно нечто большее, чем взаимная симпатия. Она предполагает еще и то, что Альберони называет встречей и выбором. Также необходим тот или иной общий вид деятельности.

Я начал интенсивно общаться с моими новыми друзьями. Я с ними регулярно встречался, как по отдельности, так и со всеми вместе. Когда у меня было свободное время, я отправлялся на поиски кого-нибудь из них, а найдя, как правило, отправлялся с другом на кухню, где мы болтали за чашкой чая. Одну девочку я чаще всего заставлял в комнате ручного труда. В то время как она ткала, я сидел рядом на полу, и так мы разговаривали друг с другом, пока челнок ходил туда-сюда в ее руках. Вместе с другими мы организовали «общество ночных

про-гулок и дискуссий» и часами бродили в ночной темноте в любую погоду, от резкого ветра и дождя до морозных ясных зимних ночей, обсуждая большие и маленькие жизненные вопросы.

Всегда ли дружба требует того, чтобы люди регулярно что-то вместе делали? Я не уверен в этом. Бывает, что хорошие друзья по каким-либо причинам не встречаются часто. Одной из причин может быть то, что они живут далеко друг от друга. У меня самого есть друзья, которые живут в других странах. Некоторых я не видел много лет. Тем не менее мы друзья, и когда мы встречаемся после долгой разлуки, с нами происходит нечто необыкновенное, что, наверное, бывает только с хорошими друзьями, — наше общение и наши разговоры продолжают так, будто мы расстались вчера.

Согласно Альберони, причиной этого является то, что дружба состоит из встреч, по своей основной структуре похожих на ту первую встречу, с которой началась дружба. Когда друзья встречаются после короткой или долгой разлуки, они ощущают то же самое, что испытали при первой встрече. Вид или присутствие друга вновь пробуждает нечто в душе каждой стороны, и они тут же восстанавливают ту связь, которая была между ними, когда они виделись в последний раз. Неважно, как долго длилась разлука; это не имеет значения до тех пор, пока прерванный контакт восстанавливается.

Именно это мы переживаем порой, встречаясь со старыми друзьями. Поскольку мы остаемся самими собой, то те условия, которые способствовали нашему контакту при первой встрече, тоже на месте.

В таком случае, дружба не зависит от регулярной совместной деятельности. Однако друзья, как правило, хотят вместе проводить свободное время. Они хотят этого потому, что высоко ценят общение друг с другом и им его не хватает, если они долго не видятся. По той же причине дружба может оказаться под угрозой, если один из друзей не считает нужным тратить много времени на другого. Тот, кого игнорируют, может подумать, что другая сторона больше не заинтересована во встречах с ним, что он больше не важен для друга. В свою очередь, это может подавить его желание продолжать дружбу. Таким образом, недостаточная совместная деятельность все-таки может разрушить дружеские отношения.

Нам с Андерсом это совсем не угрожало. Весь учебный год и в течение многих последующих лет (мы оба потом учились в Осло) мы регулярно встречались, чтобы поговорить друг с другом. Он много читал, выписывал массу журналов — от сельскохозяйственных журналов до «Самтиден»¹. Нам всег-

---

¹ «Самтиден» (по-норвежски «современность») — норвежский литературный журнал. — Прим. перев.

да было о чем поговорить. И каждая наша встреча была настоящей встречей в альбероньевском смысле слова. Мы виделись, и все, что говорилось одним, всегда с интересом встречалось другим. Наши разговоры были необыкновенными, как всегда бывает с хорошими друзьями: они придавали нам сил и энергии. После бесед с Андерсом лично я всегда ощущал прилив бодрости и новых сил и испытывал чувство удовлетворения. И совсем недавно, когда после долгой разлуки мы встретились вновь, уже через нескольких секунд мне показалось, что наш разговор словно не прерывался.

РАВНОЦЕННОСТЬ

Китайский философ Конфуций (ок. 551–479 г. до н. э.) оперирует пятью формами человеческих отношений: отношения между государем и подданными, между отцом и сыном, между мужчиной и женщиной, между старшими и младшими братьями и сестрами и, наконец, между друзьями. В китайском обществе, в котором жил Конфуций, отношения между людьми отличала строгая иерархия, то есть это были отношения между вышестоящими и нижестоящими. Единственным исключением была дружба. Это были отношения между равноценными людьми.

Если обратить внимание на тех, что становятся друзьями, то мы обнаружим, что они часто похожи друг на друга в том, что касается происхождения и социального статуса. Если же различия между ними увеличиваются, например, из-за того, что один из них зарабатывает больше другого, то дружба может оказаться под угрозой. Это доказывает, что равноценность очень важна в дружеских отношениях. Но дружба также способна нейтрализовать разницу и, несмотря на различия, создать равноценные отношения. Первым указал на это Аристотель (384–322 гг. до н. э.), считавший что даже между свободным человеком и рабом (а во времена Аристотеля в социальном плане их разделяла пропасть) возможна дружба.

Социальный антрополог Роберт Брейн изучал народность бангва в Камеруне. Культуру бангва отличали сильные классовые различия и дискриминация женщин. Так, мужчинам разрешалось ходить в одежде, женщины, напротив, ходили голыми и, встречаясь с мужчинами, должны были в знак уважения кланяться до земли. Но и для бангва дружба была очень важна. Каждый новорожденный ребенок уже при рождении наделялся другом, и эти дружеские отношения играли важную роль как в личном, так и в социальном плане. Друг, которым

наделялся новорожденный, выбирался из детей, рожденных в то же время. Это означало, что сын вождя мог получить в друзья сына раба. Между мужчиной и женщиной тоже могла существовать близкая и личная дружба. В рамках этих дружеских отношений упразднялись строгие социальные правила, действовавшие в обществе во всем остальном. Когда женщина была вместе со своим другом-мужчиной, она разгибала спину и могла разговаривать, шутить и смеяться. Вне дружеских отношений раб оставался рабом, а женщина — женщиной. Но в тот момент, когда они встречались как друзья, бангва словно выходила за пределы существовавших в обществе строгих рамок. Дружба была островком свободы, где люди могли встречаться друг с другом независимо от половых и классовых различий. Дружба была местом, где они встречались как равноценные стороны, а не как богатый и бедный или могущественный и слабый.

Мысль о равноценности содержит в себе также идеал свободы и самоопределения. В идеале друзья должны быть независимыми, и им не следует скрыто или явно и пользоваться властью, чтобы добиться своего. Нет гарантии, что любая дружба действительно такова. В рамках многих дружеских отношений может проявиться и элемент властности, благодаря которому одна

сторона будет использовать и тиранить другую – особенно это касается дружбы между детьми. В то же время интересно наблюдать, как нас сердят подобные отношения и как легко мы приходим к выводу о том, что такая дружба — *ненастоящая*.

ПОЛЕЗНАЯ ДРУЖБА
И ДРУЖБА
РАДИ УДОВОЛЬСТВИЯ

Первое основательное философское обсуждение понятия дружбы мы находим у Аристотеля. Он делает различие между тремя основными типами дружбы. Различие заключается в том, что лежит в ее основе и что дает ей жизнь. Это могут быть удовольствие, польза или благо.

Дружба ради удовольствия и полезная дружба похожи друг на друга, и, возможно, по сути они являются не чем иным, как вариациями на одну и ту же тему, указывал Аристотель. Дружба ради удовольствия заключается и поддерживается потому, что приносит нам радость и хорошее настроение. Полезная дружба заключается и поддерживается, поскольку приносит нам пользу. Полезным другом в наше время может быть тот человек, с которым ты хочешь быть накоротке,

поскольку он может помочь тебе устроиться на работу или получить выгодный контракт. Или это может быть кто-то пользующийся популярностью, и ты надеешься, что благодаря вашей дружбе часть популярности перекинется на тебя. Двое друзей, занимающиеся вместе спортом – ведь заниматься вместе с кем-то намного приятней, чем одному, – могут послужить примером дружбы, которую Аристотель называет дружбой ради удовольствия. Другой пример – женщина, привлекающая к себе друзей своим заразительно хорошим настроением, или мужчина, приобретающий друзей благодаря своему остроумию. То, что заставляет множество друзей виться вокруг них, – это радость, которую они испытывают, находясь рядом.

Аристотель несомненно прав, полагая что полезная дружба и дружба ради удовольствия имеют много общего. Английский философ Иеремия Бентам (1748–1832) определял пользу как нечто приносящее удовольствие. В итоге мы считаем что-то полезным, поскольку оно приносит нам удовольствие, утверждал он. Согласно этому определению, полезная дружба и дружба ради удовольствия совпадают. Но возможно и более узкое определение пользы – как чего-то, что напрямую связано с материальными благами, в то время как удовольствие больше ассоциируется

с ощущением личной радости. В этом случае дружеские отношения, которые устанавливаются исключительно в надежде на экономическую выгоду, – это пример полезной дружбы. Но находиться рядом с таким полезным другом не всегда приятно. Человек без средств и социального статуса, имеющий друзей благодаря своему хорошему настроению, может, с другой стороны, послужить примером дружбы ради удовольствия. Его друзья не получают никаких материальных преимуществ от этой дружбы. Единственное, что их связывает, – это радость общения друг с другом.

Радость общения, согласно Аристотелю, присуща большинству типов дружеских отношений, не только дружбе ради удовольствия. И то, что дружба приносит (или, по крайней мере, может принести) пользу, также не характеризует только полезную дружбу. Дружба ради пользы или удовольствия характеризуется в первую очередь тем, что желание получить пользу или удовольствие является основной причиной возникновения и существования дружбы. По этой же причине подобные дружеские отношения так ненадежны. Они в любой момент могут прекратиться.

Что касается полезной дружбы, то причина такой ненадежности кроется в том, что мотивация дружбы заключается не в самих отношениях,

а в выгоде, которую они приносят. Когда дружба больше не может принести пользы или мешает большей выгоде, то мало что может удерживать стороны вместе. Если ты дружишь с коллегой потому, что это дает тебе преимущества, и встречаешь кого-то, дружба с кем, как тебе кажется, может принести еще больше преимуществ, то, по логике полезной дружбы, наиболее полезным было бы отдать предпочтение новому знакомству.

Нечто в этом роде относится и к дружбе ради удовольствия. Тот, кто заводит дружбу ради удовольствия, делает это не ради дружбы, но ради ощущений, которые, как он надеется, эти дружеские отношения ему принесут. И в рамках дружбы ради удовольствия имеет смысл продолжать отношения лишь до тех пор, пока это желание удовлетворяется. Человек, постоянно находящийся в депрессии и жалующийся на жизнь, плохой кандидат в друзья ради удовольствия. По логике дружбы ради удовольствия предпочтение отдается людям, способным поднять настроение. Тот, кто больше не удовлетворяет данному требованию, рискует быть заменен другим. Французский философ эпохи Возрождения Мишель де Монтень (1533–1592) очень точно описывает это:

К обеду я скорее приглашу человека умного и острого на язык, чем замкнутого. [...] В постель с

собой я скорее возьму человека красивого, чем доброго, а если целью является веселая беседа, то я скорее выберу находчивого, чем медлительного.

Чтобы заострить это высказывание, мы могли бы сказать, что в рамках дружбы ради пользы или удовольствия мы обращаемся с друзьями, как с внешними благами или вещами, не имеющими собственной ценности. Они имеют ценность, поскольку удовлетворяют наши потребности. Они являются средством, которое мы используем, чтобы чего-то достичь. Это не означает, что подобная дружба эгоистична — в том смысле, что одна сторона использует другую, а вторая сторона ничего не получает от этих отношений. И для полезной дружбы, и для дружбы ради удовольствия типично то, что обеим сторонам отношения приносят выгоду или радость. Здесь также требуется взаимность. И пока в отношениях есть это равновесие, стороны могут быть связаны сильными узами. Но эти узы могут быстро порваться. По мнению Аристотеля, такая дружба быстро возникает и так же быстро исчезает.

Дружба ради пользы или удовольствия характеризуется также высоким риском возникновения кризисов. Дружба строится на подразумеваемом соглашении о том, что она должна приносить сторонам взаимную выгоду или удовольствие.

Когда одна из сторон чувствует, что это соглашение не выполняется, она испытывает разочарование точно так же, как человек разочаровывается, когда заказанный товар не поставляется в оговоренное время или не обладает ожидаемыми качествами. Во время таких кризисов проявляется бессердечность подобных отношений, пишет немецкий философ Харальд Лемке. Каждая сторона ожидает или требует от другой стороны того, чего сама она больше не хочет давать. Если такой кризис длится долго, то дружба закончится, а обе стороны окажутся обиженными.

БЛАГАЯ ДРУЖБА

Благая дружба отличается от двух предыдущих видов дружбы тем, что она не основывается на желании получить выгоду или удовольствие. Согласно Аристотелю, благая дружба возникает, когда два человека заключают равноправный союз, чтобы вместе создать форму жизни лучше той, которую люди в состоянии создать в одиночку. Целью является не польза или радость, но благая жизнь, то есть такая хорошая жизнь, которой можно жить только вместе с другими людьми.

На первый взгляд может показаться неясным, в чем разница между полезной дружбой, дружбой ради удовольствий и тем, что Аристотель называет

благой дружбой. Благая, или добрая, дружба предполагает, что друзья помогают друг другу, когда в этом есть нужда. Поэтому хорошие друзья часто оказывают друг другу такие же услуги, какие связывают полезных друзей. И поскольку хорошим друзьям хорошо в обществе друг друга, они часто испытывают радость от общения друг с другом, подобно людям, связанным дружбой ради удовольствия. Характерной чертой доброй дружбы может быть ее продолжительность. Добрая дружба длится долго, чего часто не хватает другим видам дружбы. Но дружба ради пользы или удовольствия тоже может в некоторых случаях длиться долго, порой всю жизнь. Это не означает, что благая дружба не отличается от других. Внешней отличительной чертой доброй дружбы является то, что хорошие друзья отдают предпочтение дружбе и тогда, когда ей что-то мешает. Благая дружба также более устойчива к кризисам. Она больше выдерживает, так как строится на более прочном фундаменте, чем другие типы дружбы.

Чтобы понять, что это за фундамент, нам следует более глубоко заглянуть в понятие дружбы и рассмотреть мотивы установления благой дружбы. Это не польза и не удовольствие, но желание создать благую жизнь и знание того, что добрая дружба является частью такой жизни. Но не является ли это всего лишь новой формой эгоизма,

основанного на пользе? Не используем ли мы по-прежнему наших друзей в качестве инструмента для достижения чего-то, что в конечном счете касается нашего собственного благополучия? Согласно Аристотелю, это не так.

Чтобы понять это, мы должны взглянуть на более частные рассуждения Аристотеля о благой жизни. По его мнению, каждый человек рождается с определенными способностями и склонностями. Целью является наиболее гармоничное развитие этих способностей. Если человеку удастся достичь этого, возникает особое чувство счастья. Это чувство счастья глубже и продолжительней, чем те короткие мгновения наслаждения или радости, которые мы испытываем от приобретения новой вещи, от вкусной еды или от просмотра хорошей пьесы в театре. Это счастье происходит от самореализации. Это не преходящее чувство счастья, это — состояние счастья.

В то же время это состояние, которое особым образом связано с деятельностью, утверждает Аристотель. И признаком самореализации человека является его особая деятельность. Род деятельности варьируется в зависимости от способностей человека. Человек, склонный к музицированию, испытывает счастье, играя на флейте. Человек философского склада ума счастлив, когда может размышлять в тишине. В итоге мы могли бы

сказать, что, согласно Аристотелю, счастье — это когда человеку удастся развить и реализовать свои способности и склонности. Но в первую очередь речь идет о том, чтобы человеку состояться как таковому, то есть развить в себе наиболее человеческие стороны.

Этого можно достичь только вместе с другими людьми, считает Аристотель. Человек от природы — социальное животное и может развиваться как человек только в сообществе с другими людьми. И больше всего нашему человеческому совершенствованию способствуют отношения благой дружбы. Общение с добрыми друзьями приносит нам особую форму счастья, связанного с тем, что во время этого общения мы, как никогда, реализуем лучшее, что в нас есть. В то время как воздух и еда необходимы для нашего биологического выживания, дружба необходима нам для того, чтобы мы могли прожить полноценную жизнь в более глубоком смысле слова.

В наше время принято думать, что человек, преследующий свою цель, зачастую оказывается в конфликте с обществом. Цель, о которой Аристотель говорит в своем учении о благой жизни, не такова. Аристотель не видит никакой угрозы в том, что люди развивают свои способности и склонности. Совсем наоборот. Только так отдельный человек может стать членом общества,

способным принести пользу человеческому обществу. В то же время только так отдельный человек может прожить полноценную жизнь. Лишь во взаимодействии с другими людьми мы можем реализовать все стороны своей человеческой природы. И лишь так можно достичь наиболее полного счастья. А больше всего нам помогает в этом добрая дружба.

Полезные друзья или друзья ради удовольствия встречаются потому, что им не хватает чего-то, и они надеются, что другая сторона им это даст. У добрых друзей не так. Добрый друг радикально отличается от ищущего выгоды человека, который понял, что зависит от других и который поэтому цинично рассчитывает на наименьший вклад в сообщество, но, по возможности, наибольшее использование его услуг. Благая дружба предполагает, что люди встречаются с желанием создать что-нибудь вместе. Обе стороны вкладывают в дружбу то, что могут. И обе стороны знают: то благо, к которому они стремятся, может быть создано только общими усилиями. У них один и тот же проект, и они оба одинаково сильно заинтересованы в его успехе. Благодаря этому появляется особая общность, утверждает Аристотель. Будто исчезают границы между моим и твоим. Стороны соединяет сильная и бескорыстная любовь. Каждый считает другого своим вторым я.

Эта мысль лежит в основе на первый взгляд странного утверждения Аристотеля о том, что хорошим друзьям не нужна справедливость. Идеал справедливости оказывается необходимым, когда встречаются стороны с разными интересами. Он предписывает, что ни одна из сторон не должна обогатиться за счет другой стороны. Но угроза незаконного обогащения существует в том случае, если один видит в другом человека, интересы которого отличны от его собственных. Но хороший друг — не такой человек. Он наше второе я. Мы радуемся, когда он радуется, и страдаем, когда он страдает. Мы проигрываем, когда проигрывает он, и выигрываем, когда он выигрывает. Поэтому мы ничего не теряем, когда даем ему то, что является нашим. Мы обогащаемся так же, как и он.

По Аристотелю, для возникновения благой дружбы необходимо довольно многое. Во-первых, такая дружба может возникнуть только между хорошими людьми. Необходимо, чтобы стороны развили в себе соответствующие добродетели, в том числе душевный покой, великодушие, щедрость и верность. А чтобы узнать человека и убедиться в том, что он действительно обладает этими добродетелями, нужно время. Это ограничивает возможное количество добрых друзей. Далее благая дружба предполагает, что друзья часто встречаются и проводят вместе время. Благая дружба означа-

ет, что люди живут вместе, пишет Аристотель. Это не означает, что друзья должны жить под одной крышей. Но хорошие друзья следят за жизнью друг друга. Все вместе взятое едва ли дает возможность иметь больше, чем несколько хороших друзей в аристотелевском понимании слова. Но когда такие друзья появляются, они создают наилучшее обрамление *благой жизни*.

ДРУЖБА, КОТОРАЯ ДЕЛАЕТ НАС ХОРОШИМИ

Являются ли типы дружбы Аристотеля взаимноисключающими, то есть всегда ли дружбу можно отнести к одному — и только к одному — из трех вышеназванных типов дружбы? Наверное, Аристотель настаивал бы на этом. И иногда это, возможно, так и есть. Но так же как большинство людей являются сложными и неоднозначными личностями, так и большинство дружеских отношений могут заключать в себе как элементы дружбы ради пользы или удовольствий, так и элементы благой дружбы. Возможно, роль того или иного элемента в дружбе может со временем увеличиваться или уменьшаться.

Как мы можем использовать данное знание? Можно использовать понятия Аристотеля в

качестве карты, с которой мы сверяемся, определяя положение наших различных дружеских отношений: что это за дружба? Полезная дружба или дружба ради удовольствия или в ней больше черт благой дружбы? Таким образом, аристотелевские понятия могут помочь нам лучше осознать, какого рода дружеские отношения у нас есть и в какую сторону они развиваются.

Но результат не обязательно всегда будет однозначным. Я попытался применить критерии Аристотеля к дружеским отношениям моей юности. Как много в них было различных типов дружбы? Ответить сложно. Мы просто-напросто стали друзьями. И мне сложно определить — почему? Потому ли, что мы находили в этом пользу, или потому, что это приносило нам радость, или мы были хорошими друзьями в аристотелевском понимании? Когда я вспоминаю прошлое, то не думаю ни о пользе, ни об удовольствии, ни о благе. Я просто думаю о моих друзьях. Я мысленно представляю их и вспоминаю наши разговоры, прогулки и все, что мы пережили вместе. Такие размышления очень важны. Это напоминает нам, что действительность, как правило, выходит за рамки наших теорий и что дружба — это прежде всего люди, а не типы дружеских отношений.

Были ли мои дружеские отношения тем, что Аристотель называет благой дружбой? Если я отве-

чу утвердительно, это будет подразумевать, что я и мои друзья были хорошими людьми в аристотелевском смысле слова. Не знаю, являлись ли мы таковыми. Но одно я знаю наверняка: эти дружеские отношения сделали меня лучше. Они придали мне уверенности и доверия к самому себе. Они открыли мне новые перспективы и заронили новые мысли. И они научили меня стараться быть для моих друзей тем же, чем и они были для меня.

Это открывает нам новую возможность рассмотреть взаимосвязь между дружбой и благом. Когда Аристотель обсуждает эту взаимосвязь, то кажется, что человек должен быть хорошим до того, как он сможет установить благую дружбу. Но дружба может быть благой и потому, что она способствует преобразению людей, делает их лучше, чем они были прежде. Эта мысль, впрочем, не совсем чужда Аристотелю. Благая дружба положительно влияет на нас, утверждает он. Это утверждение частично основывается на аристотелевской мысли о том, что только вместе с другими людьми мы можем развить определенные основополагающие стороны в самих себе. Аристотель также указывает на то, что хорошие друзья находятся в особом положении, поскольку они нам очень близки. С хорошими друзьями мы можем говорить обо всем. Мы можем просить их о совете и помощи. Мы можем также брать за образец разумные

действия друзей. Вместе с друзьями мы и думаем, и поступаем лучше, пишет Аристотель. «Общение с друзьями помогает молодому человеку избежать ошибок. А зрелого человека оно побуждает к хорошим поступкам».

Возможно, нам стоит придать особое значение этой стороне благой дружбы. В этом случае благая дружба окажется не редкой, а обычной формой дружбы: благая дружба — это любая дружба, которая хотя бы ненадолго помогает нам стать лучше. Благая дружба пробуждает в нас желание показать себя с лучшей стороны и тем самым облегчает нам исполнение этого желания, поскольку побуждает нас хотеть этого. Речь идет не о том, чтобы заставить себя казаться умным, веселым и благополучным, чтобы быть признанным. Речь идет не о том, чтобы играть какую-либо роль или притворяться. Я имею в виду желание, исходящее из глубины сердца, переполняющее тебя своей силой и побуждающее выявить самое лучшее в самом себе ради друга, потому что он твой друг, потому что он — тот, кто он есть, и потому что *такова дружба*.

Большинство моих друзей оказывало на меня такое воздействие. И это объясняет, почему дружеские отношения давали мне ощущение счастья. Это счастье связано с ощущением того, что ты в еще большей степени становишься человеком.

Это счастье сродни той радости, которую испытываешь, когда что-то у тебя получается, когда тебе удастся справиться с чем-то. Однако это чувство счастья еще глубже, поскольку оно связано с самым человеческим, что в нас есть.

Понятие Аристотеля о благой дружбе, как мы его здесь обрисовали, представляет дружбу как нечто большее, нежели поверхностные отношения взаимного обмена. Дружба изображается как форма жизни, при которой мы можем реализовать себя и жить полноценной жизнью, не гонясь за чем-то большим или за чем-то другим. Эта мысль очень важна. Мы являемся частью культуры, где мощные силы задействованы для того, чтобы пробудить в нас чувство неудовлетворенности. Реклама, находящаяся на службе у экономики, влияет на нас, рассказывая о том, чего нам не хватает, и показывая, что счастье всегда там, где нас нет. Может, счастье найдется на далеком тропическом острове? Выходит, жизнь здесь и сейчас в лучшем случае — время ожидания, которое мы можем употребить на работу и откладывание денег на поездку туда, где есть счастье, или на покупку чего-то нового? Ведь покупка (новой одежды, мебели или даже новой квартиры) так же, как и путешествие, может дать нам трепетное чувство новой жизни. Но опять-таки речь здесь идет о том счастье, которое можно только купить.

Аристотель создает другой образ счастья. Счастье дружбы — счастье, которое есть здесь и сейчас. И для того чтобы его испытать, не нужны большие расходы. И это не какая-нибудь жалкая замена настоящего счастья, которое можно купить. Совсем наоборот, именно в дружбе можно найти подлинное счастье. И нам не стоит гоняться за ним по всему миру. Оно существует посреди будничной жизни. И оно доступно каждому.

ПОЛЕЗНЫЕ ДРУЗЬЯ И
ДРУЗЬЯ РАДИ УДОВОЛЬСТВИЯ —
ТОЖЕ ДРУЗЬЯ

Из теории Аристотеля о дружбе мы могли бы сделать вывод, что дружба ради пользы или удовольствия — это неполноценные формы дружеских отношений, которых следует избегать. Стремиться следует к тому, чтобы все дружеские отношения являлись благой дружбой. Если человек обнаруживает, что его отношения с кем-то похожи на дружбу ради пользы или удовольствия, значит, что-то не так либо с самим человеком, либо с его другом, либо с их дружбой.

Так считали многие. Особенно доставалось полезной дружбе. Георг Шоттель описывал таких друзей как «мух, слетающих на кухню, когда

они чувствуют запах еды, и улетающих прочь, как только еды не станет. Эти отношения не глубже, чем дружба лисы с курами или кошки с мясом», – пишет он. Нужно ли нам стараться избегать этих видов дружбы? Из теории Аристотеля это вовсе не следует. Ничто в ней не говорит о том, что все дружеские отношения должны быть благими в аристотелевском смысле слова. Скорей, наоборот. Установление такой дружбы требует большой затраты сил и времени – во всяком случае, если дружба должна удовлетворять всем поставленным условиям. И такую дружбу можно завести лишь с несколькими людьми. Полезную же дружбу или дружбу ради удовольствия можно водить со многими. Тот, кто хочет иметь много друзей, не должен поэтому исключать такие отношения. Правда, дружба ради пользы или удовольствия несет в себе определенный риск, и Аристотель указывает нам на это. Но до тех пор, пока мы сознаем этот риск и не ждем от таких отношений больше, чем они могут нам предложить, в них есть, возможно, своя определенная ценность.

Многие из тех, с кем я говорил, выражали мнение, что общение с людьми, которых не очень хорошо знаешь, но с которыми можно встречаться и веселиться вместе, может быть избавлением от обыденности. Проблемы возникают, когда кто-то требует от такой дружбы ради удовольствия,

чтобы она была чем-то большим, чем она является на самом деле. Но так со всем в этой жизни. Все должно восприниматься таким, каково оно на самом деле. Если ожидания больше, чем то, что может быть предложено, наступает разочарование. Но если этого избегать, то дружба ради удовольствия может оказаться хорошей.

Немецкий философ Харальд Лемке защищает полезную дружбу и дружбу ради удовольствия. Лемке исходит из того, что дружба — это отношения, которые особым образом заключают в себе свободу. Каждый человек сам, и никто другой, выбирает, кому он хочет быть другом. В обществе, где индивидуальная свобода почитается основополагающей ценностью, это придает дружбе уникальный статус. Это также объясняет тот факт, что в жизни многих людей друзья играют гораздо более важную роль, чем, например, семья. Причина как раз в том, что друзья выбираются, а мать, отец, братья и сестры — нет. Поэтому дружба более, чем какие-либо другие отношения, подходит для того, чтобы быть ядром индивидуального жизненного проекта человека. Она становится тем пространством, где человек может реализовать себя как свободный индивид, самостоятельно создающий свою жизнь.

В этом также заключается свобода выбирать, какого рода дружбу человек хочет завести.

Существует много возможностей. Требовать, чтобы все дружеские отношения были одного типа — например, чтобы они были прочными и доверительными, длящимися всю жизнь, — означает незаконное посягательство на ту самую свободу, которую мы признаем за другими и требуем для себя. Иногда мы, вполне вероятно, и не хотим ничего другого, кроме того, что нам могут предложить полезные друзья или друзья ради удовольствия. Свобода означает также возможность отказаться от дружбы. И такое решение тоже заслуживает уважения.

ВОСХИЩЕНИЕ,
УВАЖЕНИЕ И ЛЮБОВЬ

Как нам назвать те чувства, которые связывают друзей? Является ли слово «симпатия» наиболее подходящим или в дружбе присутствуют и другие чувства? Порой я чувствую, что «симпатия» — слишком слабое слово для того, чтобы описать те чувства, которые я испытываю по отношению к моим друзьям. «Восхищение» подходит больше. Тот человек, которым я восхищаюсь, становится моим другом. Здесь есть несколько аспектов. Частично речь идет об интенсивности и энергии. Восхищение — это чувство, которое пере-

полняет тебя и возвышает. Но в слове есть также и элемент оценки. Ты восхищаешься потому, что обнаружил нечто ценное.

А что, собственно, вызывает восхищение в дружбе? Вряд ли это какие-либо внешние признаки, например фигура или одежда, власть или статус. Это, скорее, внутренние качества, такие, как щедрость, умение слушать и проявлять внимание. Ум, чувство юмора и самоирония — тоже важные качества, а также целостность натуры. «Если из дружбы уберешь уважение, то потеряешь самое ценное», — пишет древнеримский философ Цицерон (106–43 до н. э.). «Мы не выбираем в друзья людей, которым мы не выказываем уважения», — утверждает Альберони. Исследования, основанные на интервью с различными людьми, показали, что дружба оказывается под угрозой, если одна из сторон совершает что-то, что другая считает морально неприемлемым. Одна женщина призналась, что порвала с другом, когда тот записался в политическую партию, которую она осуждала.

В связи с дружбой также упоминается слово «любовь». Потеряв друга, многие испытали сильное переживание, равное утрате любви. Это свидетельствует об интенсивности связывающих друзей чувств. Но что, собственно, означает, когда говорят, что дружба основывается на любви? Дело в том, что слово «любовь», так же как и слово «дружба»,

может иметь несколько значений. Английский поэт и философ К. С. Льюис (1898–1963) выделяет четыре формы любви. Первую он называет аффектацией. Это простая, но основополагающая форма притяжения, которая может возникнуть между любыми людьми, независимо от семейного положения, половой принадлежности и разницы в возрасте. Сюда относится симпатия, которую мы испытываем, например, к пожилой соседке или друзьям наших детей. Вторая форма любви — эрос, страстная, чувственная любовь. Ее мы найдем у двух влюбленных. Третья форма любви связана с заботой о ком-то и включает в себе сильную тягу к бескорыстию. Ее, например, испытывает отец, который делает все для своего ребенка, не требуя ничего взамен. На греческом она называется агапэ. Особой, четвертой формой любви, по Льюису, является дружба, несущая в себе феномен человеческой избыточности и основывающаяся на свободе выбора.

Альберони особенно занимают различия между дружбой и эротической любовью. В то время как двое влюбленных хотят быть вместе каждое мгновение, желая чуть ли не слиться воедино, и считают любую разлуку невыносимой, дружба терпит расстояние. У друзей нет желания быть вместе постоянно. Дружба по природе своей эпизодична, утверждает Альберони. Это означает, что помимо

отношений друг с другом друзья могут иметь собственные интересы и дружить с другими людьми.

Мысль Альберони хорошо соответствует сегодняшним представлениям большинства о дружбе и любви: в дружбе нет эротики. И если в дружбе присутствуют элементы любви, то вовсе не той, которую мы встречаем у влюбленных, и не роман-тической любви. Вопрос заключается в том, не слишком ли далеко заходит Льюис, разделяя дружбу и те чувства, которые он называет аффектацией и агапэ. Дружба не может возникнуть, если друзья не чувствуют притяжения друг к другу. Друзья также часто готовы многое сделать, чтобы помочь или порадовать друг друга. В этом случае дружеская любовь сродни той, которую Льюис называет агапэ.

ЛИЦОМ К ЛИЦУ И
БОК О БОК

Когда Аристотель делает различие между дружбой ради пользы, удовольствия и блага, он рассматривает основания для заключения дружбы. Возможно также использовать другие критерии для различия между разными типами дружбы. Мы можем, например, вывести различия из того, чем мы обычно занимаемся вместе с друзьями.

Это даст нам такие категории, как «товарищи по занятиям спортом», «приятели по выпивке», «друзья по прогулкам» и «друзья-собеседники». Проблема, конечно, заключается в том, что мы часто занимаемся разными вещами с одними и теми же друзьями. Другая возможность — различать друзей по степени их близости. «Друзья — как круги на воде, — заметил один молодой человек в газетном интервью. — В центре есть место для двух-трех. [...] Во внешних кругах помещается много поверхностных отношений»¹.

Психологи и социологи, изучавшие дружбу, считают, что существует разница между мужской и женской дружбой. Мужская дружба — это так называемая дружба «бок о бок», женщины же дружат «лицом к лицу». Мужчины встречаются для того, чтобы сделать что-то вместе, например сыграть в футбол, поехать на охоту или выпить пива в баре. Выражение «бок о бок» подразумевает также, что друзья-мужчины разговаривают друг с другом не о самих себе, а о чем-то другом, напримерофутболе,машинахилиполитике.То,что они в переносном смысле стоят бок о бок, означает, что их внимание направлено на что-то вовне, а не на самих себя. Женщины, наоборот, обычно встречаются лицом к лицу. Они разговаривают

---

¹ Афтенпостен // 2003. 19 янв.

о самих себе и друг о друге. Наиболее важным в женской дружбе является доверительность отношений, позволяющая делиться друг с другом секретами и делать друг другу признания.

Некоторые исследователи пытались отнести эти различия к мужской и женской анатомии. Канадский антрополог Лайонел Тайгер в 60-х годах XX века утверждал, что различия объясняются тем, что мужчины с древних времен были вынуждены объединяться друг с другом ради защиты женщин и детей племени от диких животных и других опасностей. У мужчин, наиболее способны к такому объединению, было больше шансов победить в борьбе за выживание. Это должно было бы означать, что мужчины генетически предрасположены к тому, чтобы делать что-то вместе. Это также должно было бы значить, что мужчины от природы способней к сотрудничеству в группах.

Однако исторические и социоантропологические исследования, скорее, демонстрируют неубедительность теории о биологической основе мужской и женской дружбы. Если мы сравним различные культуры, то не найдем одного определенного образца мужской или женской дружбы. А если такие образцы находятся, то они скорее оказываются результатом исторических и общественных отношений, а не биологических особен-

ностей. Критически настроенные исследователи также указывают на то, что и в нашей собственной культуре существуют большие различия между тем, как дружат мужчины и женщины. Женские дружеские отношения вовсе не одинаковы, также как и мужские. Кроме того, роли полов, как мужского, так и женского, быстро меняются. Это означает, что мужчины и женщины все больше походят друг на друга и в дружбе тоже.

Это не означает, что два вышеупомянутых образца дружбы устарели. Но, вероятно, нам следует рассматривать их как общие образцы дружбы, относящиеся ко всем людям, а не к определенному полу. Это образцы, по которым мы в той или иной степени можем строить свои дружеские отношения, независимо от того, мужчины мы или женщины, а в зависимости от того, кто мы есть и чего мы хотим.

То же самое касается разницы, которую социологи нашли между дружбой представителей рабочего класса и дружбой представителей среднего класса. Для рабочего класса типичны встречи с друзьями вне дома, в общественных местах (в связи с работой, спортом, профсоюзной жизнью) или в местном баре. И если люди становились друзьями при определенных обстоятельствах, то они редко встречались по другому поводу. Друзья общались на работе или в баре,

но только не дома. У среднего класса, наоборот, дружба была более динамична. Она поддерживалась независимо от того, при каких обстоятельствах возникала. Например, двое друзей, познакомившихся в университете, в дальнейшем продолжали встречаться и при совсем других обстоятельствах, в том числе и дома друг у друга.

Эти образцы дружбы, конечно же, не являлись единственно возможными, и представители одного класса дружили не только таким образом. А сегодня — в еще меньшей степени. Наверное, нам опять следует считать эти два образца существующими возможностями развития отношений, которым мы можем следовать в большей или меньшей степени независимо от нашего происхождения. Большинству из нас присущи дружеские отношения обоих видов. С кем-то мы в основном встречаемся при определенных обстоятельствах, например в том или ином объединении или союзе, членами которого мы являемся. Встречи с другими происходят при других обстоятельствах, например дома.

К социологическим исследованиям дружбы, как и к прочим подобным исследованиям, следует относиться критически. В лучшем случае они улавливают основные закономерности, но не всегда подмечают исключения. В то же время эти исследования рассказывают нам о чем-то очень

важном, а именно о том, что дружба является не только результатом свободного, индивидуального выбора. Общество, в котором мы живем, и то место, которое мы в нем занимаем, оказывает влияние на то, как мы дружим. Когда я вспоминаю о том, как и с кем я дружил, то убеждаюсь, что это в некоторой степени определяется тем, каков я сам. Будучи человеком тихим и немного замкнутым, я всегда предпочитал встречаться с друзьями наедине, а не в компаниях. А благодаря своему интересу к книгам и философии я часто подбирал друзей с соответствующими увлечениями. На способ моих дружеских отношений также повлияло то, что я вырос в небольшом городе в семье типичных представителей среднего класса. У нас дома хватало места для того, чтобы я мог находиться наедине со своими друзьями, меня поощряли в чтении, а когда я подрос, то легко смог найти приятелей с похожими интересами. Если бы я рос в рабочей семье в тесной наемной квартирке, расположенной на перенаселенной городской улице лет сто тому назад, большая часть из всего перечисленного была бы невозможна. Таким образом, общество и исторические условия формируют личность.

ИЗ ИСТОРИИ ДРУЖБЫ

В первой и второй книгах Самуила¹ в Ветхом Завете есть история о Давиде и Ионафане. Давид — мальчик из простой семьи, пришедший на службу к царю. Ионафан — сын царя. Ионафан сразу же привязался к Давиду. Он полюбил его «как собственную душу», повествует текст. Они заключают дружественный союз, и в знак своей дружбы Ионафан отдает Давиду свою одежду, свой меч, лук и пояс. Он обещает: «Чего желает душа твоя, я сделаю для тебя». Позднее, когда Давид вынужден покинуть страну, они целуются на прощанье и плачут. А когда Давид получает известие о смерти друга, он разрывает на себе одежду и горюет. Свои чувства он выражает в песне к погибшему другу:

---

¹ В православной традиции — Первая и Вторая книги Царств. — Прим. перев.

Скорблю о тебе, брат мой Ионафан;
ты был очень дорог для меня;
любовь твоя была для меня превыше
любви женской.

Рассмотреть дружбу как исторический феномен интересно по нескольким причинам. Предположение, лежащее в основе многих исторических изысканий, заключается в том, что человеческие отношения, в том числе и дружеские, изменяются вместе с общественными условиями. Изучение изменения этих процессов может, во-первых, дать нам более широкое представление о многообразии форм дружбы, а во-вторых, показать, как современные общественные отношения влияют на нашу дружбу. Третьей причиной изучения истории дружбы является то, что старые истории о дружбе до сих пор способны увлечь нас. Они могут отражать наши отношения, иногда мы даже можем узнать в них себя, ну а если этого не происходит, то все равно интересно посмотреть, как сильно мы отличаемся от тех, кто жил раньше нас.

Некоторые историки придают большое значение тем немалым различиям, которые, по их мнению, существуют между дружескими отношениями нашего времени и прежних времен, и приходят к выводу, что той дружбы, которую мы знаем сегодня, в предыдущие исторические эпохи не было. Возможно, в этом что-то есть. Может стать,

что в каждом обществе возникают особые условия, которые придают человеческим взаимоотношениям определенную форму, отличную от всех остальных. Может быть, ни в одной предшествующей культуре люди не испытывали то чувство дружбы, которое мы испытываем сегодня. В то же время не следует преувеличивать эти различия. У некоторых человеческих взаимоотношений есть основополагающие черты, которые выходят за пределы отдельного исторического периода и формы общества. Я бы хотел привести некоторые аргументы в пользу того, что дружба является одним из таких взаимоотношений.

Тот, кто хочет написать полную историю дружбы, помимо общих исторических процессов должен учитывать много различных факторов, таких, как национальные и культурные особенности, пол и социальный класс. Например, если мы обратимся к Древней Греции, то увидим, что мужчины из высшего общества организовывали свои дружеские отношения совсем не так, как это делали бедные люди или рабы. Само собой разумеется, что исчерпывающее описание истории дружбы было бы очень объемным. Я ограничусь лишь несколькими картинками из истории развития дружеских отношений в европейской части мира, от античной Греции, сквозь Средневековье и до наших дней. Эта история, как ее до

сих пор излагали, касается в основном мужской дружбы в высших слоях общества. В письмах, стихах, повествованиях и философских трактатах мы встречаем образцы мужской дружбы. Прежде всего это говорит о том, насколько сильно мужчины доминировали в культуре и обществе. Возможность заниматься литературными изысканиями, писательской и философской деятельностью, как правило, была привилегией мужчин, принадлежавших к элите. Наиболее естественным для них было выбирать друзей из той же среды. И когда они писали о дружеских отношениях, их больше всего занимала именно такая дружба. Так же как и во всеобщей истории, так и в истории дружбы бедняки и женщины зачастую оказывались невидимыми. Но все же не совсем. В Древней Греции мы находим стихи, приписываемые поэтессе Сапфо и характеризующие дружбу и любовь женщин. О женском обществе говорится также в древнегреческих драмах и в римской литературе. Мы можем предположить, что средневековые женские монастыри являлись плодородной почвой для возникновения женской дружбы. Начиная с эпохи Возрождения и далее мы также находим свидетельства женской дружбы в письмах, романах и философских эссе.

ОБРАЗЕЦ ДРУЖБЫ В АНТИЧНОЙ ГРЕЦИИ

Одним из главных признаков современной жизни является то, что друзей выбирают, исходя из личной приязни. Мать, отец, брат, сестра, родственница, коллега или соседка не становятся нам друзьями автоматически. Чтобы стать друзьями, недостаточно вместе жить или проводить друг с другом много времени. Дружба — это нечто большее. Она требует взаимной симпатии и индивидуального выбора.

Всегда ли существовала такая дружба или она появилась в более поздние времена? Как насчет Древней Греции? Некоторые историки утверждают, что греческая культура не знала дружбы в той форме, которая известна нам. Слово, обозначающее на древнегреческом «друг», *philos* (во множественном числе *philoí*), можно было применить по отношению ко всем близким людям — от соседей и сограждан до близких и дальних родственников. Традиции и обычаи требовали также определенного поведения по отношению к этим людям. Существовали нормы поведения, предписывающие, как можно вести себя с *philos*, а как — нельзя. Кроме того, во многом заранее было определено, кто человеку является *philos*. Такие отношения

мало напоминают современную дружбу. Нормы, регулировавшие отношения внутри этого типа дружбы, больше похожи на сегодняшние неписанные правила вежливого поведения по отношению к соседям, родственникам или коллегам. Например, обмен приветствиями с соседями, случайно встреченными на улице, или предоставление крова родственнику, приехавшему в гости.

То же самое касается и двух других греческих слов, обозначающих дружбу. Слово «*xenos*» часто переводится как друг-гость. *Xenos* — это посторонний, по отношению к которому у человека есть обязательства, например, потому что он является знакомым родственников. Наиболее подходящий перевод слова *betairoi* — по-видимому, товарищ. Когда это слово используется по отношению к мужчинам, оно часто означает отношения между членами одной группы, например солдат одного военного подразделения, или даже людей, принадлежащих к одной народности. В шестой песне «Илиады», греческого героического эпоса, мы видим, как действовали отношения первого, упомянутого в этом абзаце типа: два воина, встретившихся для битвы друг с другом, выясняют, что когда-то их деды дружили. Это налагает на них определенные обязательства. Они складывают оружие и заключают мир. Нельзя сражаться с тем, кто для тебя *xenos*. Но эти воины не сами

выбрали друг друга в друзья. Это обычаи требуют от них заключения мира. История ничего не говорит о том, какие чувства они в глубине души испытывают друг к другу.

Существовавшие в то время общественные отношения также являются аргументом в пользу того, что древним грекам была незнакома дружба в той форме, которая существует сегодня. Условия жизни были ненадежными. Семья и друзья не только обеспечивали социальные потребности человека, но и поддерживали его материально, помогали выбиться в люди и становились на его сторону в конфликтах. В подобном обществе человеческие взаимоотношения легко приобретают характер полезной в понимании Аристотеля дружбы. Человек устанавливает отношения с другими людьми, поскольку это в его интересах. В основе лежит молчаливое соглашение: если ты поможешь мне, когда на кону стоят мои интересы, то в соответствующей ситуации я поддержу тебя. В какой степени эти отношения строятся на глубоких дружеских чувствах — не имеет значения.

Означает ли это, что древние греки не знали дружбы, подразумевающей близкие и личные отношения, основанные на дружеских чувствах и индивидуальном выборе? С таким выводом нам не следует торопиться.

В «Илиаде» рассказывается история дружбы Ахиллеса и Патрокла. Они вместе росли и держались друг друга, став взрослыми. В девятой песне «Илиады» мы застаем друзей в жилище Ахиллеса. Ахиллес играет на лире, а Патрокл сидит у его ног и слушает. Когда неожиданно приходят гости, друзья вместе подают им еду. Патрокл достает хлеб и питье, а Ахиллес готовит мясо. Когда Ахиллес позднее узнает, что друг пал в битве за Троию, его покрывает «мрачное облако скорби». В отчаянии он начинает втирать в лицо горсть земли и рвать на себе волосы. В ночь перед сожжением Патрокла на погребальном костре тот является Ахиллесу во сне. Он просит, чтобы его кости были похоронены вместе с костями Ахиллеса, когда придет и его черед: «Вместе пусть лягут, как вместе от юности мы возражали». Ахиллес, не колеблясь, обещает это другу. Само погребение свидетельствует о чувствах Ахиллеса к умершему другу. Сложенный костер покрывают жертвами богам: заколотыми овцами и коровами, собаками и лошадьми, кувшинами меда и елей. Все это венчают тела двенадцати славных троянских юношей, убитых в бою.

История Ахиллеса и Патрокла является одной из наиболее известных историй о дружбе времен Античности, но не единственной. Сохранился целый ряд историй о древних греках, на всю жизнь связанных друг с другом сильными узами дружбы: Орест и Пилад, Тесей и Пирит, Геракл и Иолай. Если рассказы об этих дружеских отношениях характеризуют общество, в рамках которого они возникли и рассказывались, то это лишний аргумент в пользу того, что грекам были знакомы близкие дружеские отношения, основанные на личном выборе. Возьмем, к примеру, повесть об Ахиллесе и Патрокле. Отношения между ними обозначаются греческим словом *hetairos*, которое в данном случае можно перевести как «соратник». Но отношения Ахиллеса и Патрокла гораздо глубже. Очень немногие товарищи Ахиллеса по оружию в «Илиаде» зовутся по именам. Патрокл зовется по имени, поскольку его отношения с Ахиллесом особенны. Это явственно следует из текста. Раз за разом описывается особая близость друзей, как, например, в сцене, где Ахиллес играет на лире. Двое друзей удалились от других воинов в жилище Ахиллеса. Они хотят побыть одни. В «Илиаде» Ахиллесу также предоставляется возможность открыто заявить о своей дружбе с Патроком, например когда он рассказывает матери о смерти друга: «Его из друзей всех больше любил я; им, как моею главой, дорожил!»

Философия Аристотеля также свидетельствует, что дружба для древних греков была чем-то большим, чем просто отношениями, основанными на традициях, обычаях или пользе. Аристотель не скрывает, что многие дружеские отношения основаны на соображениях выгоды. Но есть и такие друзья, которые встречаются друг с другом лишь потому, что это их радует. И в дружбе, которую Аристотель называет благой, личные качества друзей имеют особое значение.

Между «Илиадой» и записями Аристотеля много сотен лет. И конечно, достоверность их рассказов о дружбе в Древней Греции может быть предметом обсуждения. А в подобной дискуссии нужно еще принимать во внимание соображения принадлежности людей к определенному полу и классу. В то время как в «Илиаде» речь идет о жизни благородных воинов верхушки общества, Аристотель обращается к классу свободных греков в греческих городах-государствах. Нет также никаких сомнений в том, что историки правы, подчеркивая огромную разницу между древнегреческим обществом и общественными отношениями нашего времени и утверждая, что эта разница также влияет на то, как люди дружат между собой. Тем не менее мало что указывает на то, что грекам была неизвестна личная дружба, основанная на самостоятельном выборе. Может быть, соседи,

друзья и созданные на практической выгоде альянсы были важнее, чем сегодня. Но греки, несомненно, были способны и на другую дружбу.

Какого рода дружба существовала между женщинами в Древней Греции? Об этом мы знаем немного, но кое-что все же известно. В одной из пьес Аристофана мы встречаем женщину, рано утром отправляющуюся из дому, потому что за ней послала рожаящая подруга. Это говорит о том, что женщины могли общаться вне дома и что у них была возможность посещать других женщин и заводить с ними дружеские отношения. Интересную картину женской дружбы передает также среда, существовавшая вокруг поэтессы Сапфо на острове Лесбос в северной части Эгейского моря примерно за 600 лет до нашей эры. Сапфо родилась в обеспеченной греческой семье. Она руководила школой для незамужних женщин, где обучали пению, композиции и декламации. Школа была также культовым сообществом женщин, поклонявшихся девяти музам, богине Афродите и богу Эросу. Сапфо считалась хорошим учителем и великим поэтом. Платон объявил ее десятой музой, в дополнение к девяти традиционным. Хотя сохранилась только часть ее лирики, сегодня она считается одним из ведущих поэтов Античности. В ее стихотворениях описывается близкая душевная привязанность между женщи-

нами. Немало толков о том, в какой именно среде жила Сапфо. Было ли это сугубо образовательное заведение для молодых девушек или женская общность в более широком смысле слова? Также неясно, представляет ли эта среда греческое общество в целом. Возможно, отношения на Лесбосе были свободнее, чем в других местах.

В САДУ ЭПИКУРА

Среди философских школ, занимавшихся вопросом дружбы, особое место занимает Эпикур и его сторонники. В 306 году до нашей эры греческий философ купил дом, окруженный зеленью, чтобы жить там вместе со своими друзьями. Он попытался построить свободную, равноправную, счастливую и не в последнюю очередь демократическую модель жизни. Наверное, мы можем назвать дом Эпикура первой в мире коллективной общиной. По сравнению с античным обществом эпикурейский стиль жизни представлял радикально иную форму жизни. В то время как греческое общество в целом характеризовалось классовыми различиями, рабством и угнетением женщин, дом Эпикура был открыт для всех: рабов, приезжих, не имеющих прав на гражданство, женщин

и граждан-мужчин. К общине присоединялись и целые семьи. Управление коллективом переходило от одного к другому. Мужчины и женщины, богатые и бедные принимали на себя главенство по очереди, среди прочих, повествует история, и гетера Леонтион.

Общежитие Эпикура заслуживает места в истории дружбы потому, что именно дружба была задумана тем принципом, на котором должна была основываться община. «Друг – это тот, кого я люблю как себя», – пишет Эпикур и тем подхватывает мысль, известную нам от Аристотеля. Между этой мыслью и радикальным обществом эпикурейского коллектива есть четкая взаимосвязь. Среди хороших друзей нет начальников и подчиненных, так же как и в эпикурейском сообществе. Все здесь находились на одинаковом счету, во всяком случае – в идеале.

Эпикур известен как радикальный гедонист, то есть тот, кто превыше всего ставит индивидуальное наслаждение. Многие думают, что гедонизм несет в себе сильный эгоизм и приводит к жизни, сфокусированной на самоутверждении человека за счет других людей. Значение же, которое Эпикур придавал дружбе, показывает, что это не совсем верно. Чтобы жить лучше, человек должен общаться с другими людьми; никто в мире не может жить один. Это пони-

мают все, утверждал он. Поэтому к дружбе нас побуждает разум. Мы хотим иметь друзей, поскольку дружба предоставляет нам более постоянную форму общности, позволяя чувствовать себя в безопасности. Кроме того, Эпикур считал, что общение с друзьями укрепляет душу.

ДРУЖБА В ДРЕВНЕМ РИМЕ

В последние века до нашей эры выросшая Римская империя стала самым большим государством Средиземноморья. Римское общество в еще большей степени, чем греческое, отличалось классовыми различиями и большой разницей между бедными и богатыми. Важным социальным институтом были отношения между патроном и его клиентом. Патроном был обеспеченный человек, наделенный политической властью, связывающий себя обязательствами с группой клиентов — людей, которым он предлагал различные услуги в обмен на их поддержку в политических распрях, на которые было так богато римское общество. Было важно иметь союзников. Чем больше людей на твоей стороне, тем больше возможность обеспечить свои интересы. В конечном счете речь шла о выживании в обществе, где человеческая жизнь имела

мало ценности и где отдельный человек без поддержки не мог чувствовать себя в безопасности.

Дискуссия историков о дружбе в Римской империи частично протекала в том же русле, что и обсуждение античной Греции: существовали ли в Древнем Риме дружба, основанная на личном выборе, близких отношениях и бескорыстных чувствах, или же в ходу были только связи между союзниками и партнерами, основанные на соображениях выгоды? Древнеримское слово «amicitia», которое можно перевести и как «друзья» и как «дружба», использовалось в том случае, когда речь шла о политических соратниках и других людях, с которыми человек устанавливал отношения, желая извлечь из них дивиденды. Значит ли это, что римляне поддерживали только такую дружбу, основанную на пользе? И опять же нам следует опасаться поспешных выводов. Есть все основания утверждать, что наряду с полезной дружбой существовала также и дружба иного рода. Мы можем увидеть это, если обратимся к философской дискуссии о дружбе того времени.

Одним из тех, кто обсуждал эту тему, был философ и государственный деятель Цицерон. Трактат «О дружбе. (Лелий)» написан им как диалог между пожилым римлянином Лелием и его сыновьями. В диалоге Лелий вспоминает своего покойного друга Сципиона, с которым они прежде вместе жили.

Друзья держались рядом в походах, путешествиях, совместно проводили время в деревне. Лелий вспоминает, что со Сципионом он мог говорить обо всем. К нему он обращался за советом и в личных делах. Вместе с ним он отдыхал, у него он находил ободрение и поддержку.

В диалоге Лелий называет Сципиона хорошим другом, в отличие от всех тех, кто притворяется друзьями ради достижения какой-то цели или получения какой-то выгоды. Цицерон хорошо был знаком с этим типом дружбы. В письме к другу Аттику он описывает, как каждое утро его дом наполняется людьми, пришедшими поздороваться с ним, и рассказывает, что ежедневно по пути в Форум за ним следует толпа людей, надеющихся что-то на этом выгадать. Будучи реалистом, Цицерон, похоже, принимает дружбу такого рода. В древнеримском обществе было необходимо иметь огромное количество связей с дружественно настроенными союзниками. Но он также поясняет, что эти отношения принадлежат к общественной сфере жизни. «Они предстают во всем блеске в Форуме, – пишет он другу Аттику, – но в конце дня мы скучаем по дружбе иного рода».

Еще сильнее сетует на поверхностные дружеские отношения философ Сенека (4 г. до н. э. – 65 г. н. э.). В трактате «Скорбь по утраченным друзьям» он жалуется на тех, кто толпится около лю-

дей, имеющих деньги и власть, но только пока они могут чего-то достичь этим. В глазах Сенеки такие друзья в хорошую погоду, которые всегда с тобой, пока дела идут хорошо, и которые покидают тебя, как только тебе угрожает ненастье, мало чего стоят.

И Цицерон, и Сенека ищут род дружбы, отличный от той, которую мы находим в отношениях различных союзников. Очевидно, что для Цицерона таким другом был Аттик. «В толпе, следующей за мной на улице, нет никого, с кем бы я мог свободно шутить», – жалуется он другу. И не скрывает, что отсутствие друга ему тягостно: «Я видел, как ты переживаешь из-за моих проблем и радуешься, когда дела мои идут хорошо. <...> Теперь, когда тебя нет рядом, я скучаю не только по твоим добрым советам, но прежде всего по разговорам с тобой, которые являются для меня наибольшим источником радости в наших отношениях».

То, что Цицерон и Сенека рассказывают нам о дружбе во времена Древнего Рима, может обсуждаться. Можно утверждать, что они оба являются поборниками оппозиционной философской культуры, которая не обязательно представляет остальную часть общества. Но Цицерон и Сенека не единственные, кто ищет дружбы, более глубокой, чем альянсы, основывающиеся на практической выгоде. Создается впечатление, что в древнеримской культуре тема дружбы

и интерес к различию между поверхностной, или фальшивой, дружбой, с одной стороны, и подлинной, глубокой личной дружбой, с другой стороны, привлекали общее внимание. Многие римляне, очевидно, мечтали о более искренней и честной жизни, чем та, которую они видели вокруг себя. Многие считали добрую дружбу частью такой жизни.

ЗА СРЕДНЕВЕКОВЫМИ МОНАСТЫРСКИМИ СТЕНАМИ

По всей Европе есть большие соборы и монастыри, напоминающие нам о сильном положении церкви в Средние века, то есть приблизительно в период с 400 по 1400 год. Именно внутри церковных институтов — кафедральных школ, монастырей, а позднее университетов — сохранялось искусство чтения и письма. Средневековая философская и литературная деятельность также в основном существовала в рамках церкви. Внутри церкви создавались сильные мужские коллективы. Только мужчины имели доступ в кафедральные школы и университеты. Исключением были монастыри. Женские монастыри давали женщинам доступ к книжным наукам. Там же у них была возможность устанавливать

тот тип дружеских отношений, который в остальном обществе существовал только для мужчин.

Христианская дискуссия о дружбе по большей части фокусируется на трех основных пунктах: дружба с Богом, дружба братьев и сестер в монастырских общинах и личная дружба двух индивидов. В восточном монастырском движении, в котором идеализировалась жизнь наедине с Богом, многие решались покинуть семью и друзей ради жизни в пустыне. Целью являлась такая жизнь, при которой человек с наименьшими помехами мог поклоняться Богу. Этот идеал характеризовал и более позднее восточное монастырское движение. Такой стиль жизни в чистом виде придавал не большое значение личной дружбе.

В западной части северной Африки, в Италии, а позднее и в остальной части Западной Европы изоляции придавалось уже не такое значение. Августинская традиция способствовала здесь более позитивной оценке человеческой общности. Августин (354—430), один из важнейших отцов церкви, высоко ценил дружбу и после того, как стал христианином. Первый созданный им монастырь был общежитием друзей, съехавшихся вместе для того, чтобы иметь возможность поддерживать и развивать свою дружбу в рамках христианства. Однако это не означает, что близкая дружба не считалась проблематичной в западных

монастырях. Проблема близкой дружбы двух людей заключалась в том, что благодаря ей у друзей могли возникнуть чувства, вступающие в конфликт с лояльностью по отношению к монастырю как сообществу, а также в том, что эта дружба могла вызвать ревность тех, кто оставался за ее пределами. Решением проблемы стало выдвижение идеи о коллективной дружбе — *familiaris*, — распространявшейся на всех жителей монастыря. В «Послании к Кастору, епископу Аптскому, о правилах общежительных монастырей» Иоанна Кассиана, которое среди прочих вдохновило создателей правил бенедиктинских монастырей, четко выражено предупреждение против личной дружбы: необходимо внимательно следить за общением братьев, особенно самых молодых. И нужно стараться препятствовать тому, чтобы двое монахов оставались наедине даже на минуту. Это не мешало возникновению близкой, личной дружбы парами. Напротив, средневековым монастырям была хорошо известна именно такая дружба.

Многие различные источники вдохновляли христианские размышления о дружбе. В Ветхом Завете особенно важна история о Давиде и Ионафане, а также притчи Соломоновы. В Новом Завете источником вдохновения является дружба Христа и апостолов, а также высказывание Христа в Евангелии от Иоанна, в котором он призывает

учеников любить друг друга так же, как он любил их, и характеризует их отношения как дружбу, говоря: «Я сказал вам все, что слышал от Отца Моего». Активно использовалась и античная философия. Важную роль играли трактаты Цицерона о дружбе. У Амвросия (340—397), учителя Августина, мы также находим идею о том, что у двух близких друзей одна общая душа — это выражение изначально использовал древнеримский писатель Гораций (65—8 гг. до н. э.), описывая свои отношения с другом и товарищем по перу Вергилием (70—19 гг. до н. э.). Корни этой идеи произрастают и из «Пира» Платона. Вообще многое в античной традиции позволяло объединить себя с христианским идеалом дружбы. В то же время христианские размышления о дружбе носили радикально иной контекст. Для христианина отношение к Богу затмевало все остальные связи. Целью было одно: чтобы в конечном счете все деяния человека служили этому отношению. Это означает, что для христианина дружба была чем-то большим, чем сугубо человеческими взаимоотношениями. Она, по крайней мере в идеале, была духовной общностью, укрепленной Божественной любовью. Подобный союз заключался для того, чтобы наилучшим образом совместно направить внимание на Бога. Это касалось как общности двух близких друзей, так и большей группы. И это имело

ценность лишь до тех пор, пока это действительно было духовной общностью, способствующей развитию религиозной жизни.

В свете этого мы и должны понимать средневековую идею дружбы. Давайте возьмем в качестве примера открытость дружеских отношений. В дружбе должна быть полная открытость, требует, например, Амвросий, и это требование повторяется целым рядом более поздних писателей. Официальным обоснованием было не сегодняшнее утверждение о том, что открытость отношений дает друзьям чувство общности. Открытость была средством выявления и борьбы с греховными мыслями и чувствами, которые могли бы помешать подлинной любви к Богу. Друг был не только доверителем. Он был еще и *custos animi*, стражем души. Требование открытости должно пониматься как требование признания, что сродни традиции исповеди, которая позднее была введена в качестве неотъемлемой части религиозной жизни.

Целый ряд сохранившихся писем иллюстрируют средневековую дружбу, придавая ей конкретный характер и лицо. Письма рассказывают нам о друзьях, составлявших духовную общность, а также о сильных личных и порой пылких узах, возникавших между отдельными людьми. Примером является письмо монаха Ноткера Заики (840—912) своему бывшему студенту. Ноткер жил в бенедик-

тинском монастыре в Санкт-Галлене на территории нынешней Швейцарии, где он был учителем. Среди его учеников был молодой человек по имени Саломон, который, по всей видимости, стал ему близким другом. После того как Саломон покинул монастырь ради мирской карьеры, Ноткер пишет другу о своей тоске по нему. Его речь драматична и полна чувств. Он представляет себе, как стоит у постели друга и как «она увлажняется его слезами». Сохранился ряд писем и стихотворений периода 980—1050 годов из монастыря у озера Тегернзее в Баварии. Среди них и письмо монаха Фроумунда к своему бывшему ученику: «Приветствую тебя, брат, любовь к тебе так сладка для меня. Ты мне слаще, чем вкус меда...» Средневековый философ Ансельм (1033—1109) после смерти своего друга Осберна написал целый ряд писем, в которых выражает свою скорбь по поводу кончины друга. Другие его письма позволяют нам понять чувства, которые он испытывает к другу Морису, покинувшему Бекский монастырь в Нормандии, где тогда находился Ансельм, и уехавшему в монастырь в Кентербери. Из писем видно, что друзья скучают друг по другу и хотят увидеться вновь. Ансельм уверяет друга, что благодаря разлуке он любит его не меньше, а даже больше.

Вряд ли мы можем считать, что эти письма и стихи раскрывают нам всю истину о средневеко-

вой дружбе. Как и сегодня, в Средневековье существовали языковые условности и образцы-клише. Обращение «дорогая тетя» в начале современного письма вовсе не означает, что пишущий так уж любит свою родственницу, – просто сейчас так принято начинать письма. Так же и пылкие выражения во многих старинных письмах не обязательно свидетельствуют о том, что авторы писем вкладывали в них свои искренние чувства. В то же время сложно поверить, что дошедшие до нас стихи и письма содержат лишь пустые фразы. И какое бы значение мы им ни придавали, они говорят о чем-то очень важном. А именно о том, что людей занимало понятие дружбы и они тратили время на то, чтобы писать и размышлять о нем. Нередко тексты свидетельствуют о подлинных чувствах, ибо даже заключенное между строк по сей день производит впечатление на читателя.

Иногда авторами писем являлись и женщины. Пример тому – переписка между Адамом, аббатом в монастыре Персень во Франции, и Агнес, монашкой, а позднее аббатисой женского монастыря. Их переписка в основном посвящена религиозным вопросам, но свидетельствует также и о личных чувствах. «Если бы у меня были крылья ветра, я бы чаще посещал тебя», — пишет Адам в одном из писем, а когда Агнес заболевает, он сильно переживает по этому поводу. Монах и отшельник из

Англии Ричард Ролл (умер в 1349 году) пишет, что самыми лучшими дружескими переживаниями в его жизни была дружба с женщинами. Мы можем предположить, что в стенах женских монастырей возникала близкая дружба и между женщинами, как в мужских монастырях — между мужчинами.

ВСЕ
ПРЕВОСХОДЯЩАЯ РАДОСТЬ

В середине XII века дружба становилась все более важной темой для размышлений, особенно в Северной Франции, у таких мыслителей, как Петр из Целлы, Бернар Клервоский и Николя из Монтъерамей. Наиболее смелые и оригинальные мысли о дружбе мы, однако, находим у Элреда из Риво (ок. 1110—1167). В более поздние времена его признают одним из главных мыслителей расцвета Средневековья, писавших о дружбе. При жизни он считался противоречивой личностью, и у него были как восторженные сторонники, так и жесткие критики.

В 24 года Элред обосновался в цистерцианском монастыре Риво в Йоркшире на севере Англии, где позднее стал аббатом. О дружбе он пишет в двух книгах: в «*Speculum caritatis*» («Зерцало милосердия»), примерно в 1140 году, и в «*De spiritali*

amicitia» («Духовная дружба»), примерно в 1160 году. Важным источником вдохновения для него была классическая книга Цицерона о дружбе. Работая над своей второй книгой, Элред хотел создать произведение, которое имело бы такое же значение в христианской культуре, какое книга Цицерона имела в Античности.

Как и Цицерон, Элред считает дружбу естественной частью полноценной человеческой жизни. Для христианина дружба кроме того является обрамлением его духовной жизни. Эти мысли были хорошо известны в Средние века. Особенным творчеством Элреда делает энергичность, с которой он рассуждает о дружбе, и то, как он открыто приводит в пример собственный опыт. Его бескомпромиссную защиту близкой дружбы двух индивидов многие считали опасным радикализмом. Защита же Элреда вдохновлена христианским неоплатонизмом, утверждавшим, что все хорошее в этом мире в конечном счете исходит от Бога. Это означает, что всякая хорошая вещь заключает в себе частицу Божественного блага и может напоминать нам о Творце. Это касается и дружбы двух людей. Близкая личная дружба может быть предвкушением Божественного блага. Посредством дружбы друзья могут приблизиться к Богу, чтобы под конец объединиться в нем.

Одним из первых друзей Элреда в монастыре был его ровесник Симон. Монастырский устав налагал ограничения на разговоры монахов друг с другом. Но молчание не помешало возникновению дружбы между ними. «Выражение его лица, то, как он ходил, и его молчание привлекало меня, — пишет Элред. — Ибо лицо его было чисто, поступь — достойна, речь — весома, а в его молчании не было горечи». Что означает такое внимание к физическому присутствию друга? Согласно Элреду, физическая сторона жизни заключала в себе силу привлечь внимание к Богу. Как Платон в «Пире», а позднее и неоплатоники, он утверждает, что существует связь между физической и духовной красотой, а также добротой. Поэтому даже отношения, основанные на физическом притяжении, могут оказаться шагом на пути к Богу.

Когда Элред стал аббатом, он мог свободно выбирать собеседника. Таким образом, у него появилась возможность завести близкую дружбу со многими братьями в монастыре. В «Духовной дружбе» он описывает счастье, которое ему приносят друзья:

Третьего дня, когда я бродил по монастырю, я увидел братьев, сидящих вместе... В толпе братьев я не нашел ни одного, которого бы я не любил,

и ни одного, во взаимной любви которого я не был бы уверен. И меня наполнила радость, превосходящая все в этом мире.

Не все в монастыре одинаково высоко ценили то, как Элред лелеял дружбу. И при его жизни, и после его смерти высказывалась критика его предпочтения отдельных монахов. Защищая близкую личную дружбу, Элред бросал вызов общепринятой идее о том, что ко всем в монастыре следует относиться одинаково. И примерно в то же время, когда Элред писал свои книги, в других монастырях ужесточалась дисциплина, ограничивающая возможность монахов общаться друг с другом наедине — тенденция, которая со временем становилась все сильнее.

Франциск Сальский (1567—1622), автор книги «Наставление в благочестивой жизни», одной из наиболее читаемых после Библии книг в католической церкви, — недвусмысленно предостерегает от того, что он называет особенной дружбой.

Если это предостережение и не было прямой реакцией на творчество Элреда, то оно, без сомнения, являлось реакцией на дружбу такого толка, сторонником которой Элред являлся. Поэтому мы не можем сказать, что Элред — типичный представитель средневековой философской мысли. Ведь, озвучивая типичные тенденции своего времени, он идет дальше других. А если его произ-

ведения и вызывали восхищение, то они, в свою очередь, вызывали и беспокойство. Последнее сохранилось надолго: католический историк Брайан Патрик Мак-Гуайр свидетельствует, что даже в 1950 году в одном американском монастыре молодым послушникам было запрещено читать «Духовную дружбу» Элреда.

СРЕДИ РЫЦАРЕЙ И ДЕВ

Средневековая Европа была феодальным обществом, в котором князь управлял своей землей при помощи вассалов и рыцарей. Это время характеризовалось жестокими конфликтами из-за ресурсов. Князь мог чувствовать себя в безопасности только в том случае, если его подданные были целиком и полностью лояльны по отношению к нему. Это было фундаментом той особенной культуры, которая появилась в рамках феодального общества, где честь, лояльность и дружба являлись основными ценностями. То, что этим ценностям придавалось большое значение, не означает, что они всегда воплощались в жизнь. Но общество строилось на хрупком равновесии власти, которое предполагало это, и эти качества культивировались и превозносились в стихах, песнях и сказаниях.

Повествование того времени о Ланселоте Озёрном среди прочего является и историей о дружбе. Эта история была записана по-французски в начале XIII века анонимным автором, но, относясь к большому циклу легенд о короле Артуре и рыцарях Круглого стола, известных в XII веке, содержит в себе его элементы. Называется повествование «Ланселот Озёрный», поскольку Ланселот рос у Девы Озера в заколдованном дворце, являвшемся окружающему миру в виде озера.

В повествовании мы находим также историю о дружбе прекрасной Гвиневры и одной из ее придворных дам. В отсутствие мужей они составляют друг другу компанию и обмениваются мыслями, мечтами и переживаниями. Но большее внимание все же уделяется дружбе молодых рыцарей Ланселота и Галехота. Они встречаются во время большой битвы, где сражаются по разные стороны. Во время сражения Галехот замечает Ланселота, и однажды вечером он приезжает к нему с предложением дружбы. Он приглашает Ланселота вернуться с ним в его палатку и заночевать там. В палатке все накрыто для праздничной трапезы. Ланселот ложиться спать, а Галехот всю ночь бодрствует, прислушиваясь к его дыханию. На следующий день он просит Ланселота остаться у него в качестве друга. «Никто никогда не полюбит тебя так сильно, как я», — уверяет он. Ланселот принимает

его дружбу, но с одним условием: Галехот должен отказаться от борьбы с королем, которому служит Ланселот. Галехот делает то, о чем просит Ланселот, и все новые пожелания Ланселота тоже немедленно исполняются. «Я делаю так, потому что ты просишь меня об этом, — говорит Галехот. — Ничто из содеянного мной не будет мне в тягость, пока я знаю, что ты этого хочешь».

Галехот предстает в истории бескорыстным человеком, который, движимый любовью, отказывается от всего ради друга. Он не только отказывается от власти и почестей, но и, увидев, что Ланселот влюблен в прекрасную Гвиневер, делает все, чтобы помочь двум любящим встретиться. При этом Галехот понимает, что рискует потерять друга. Так оно и происходит. Некоторое время друзья живут и сражаются вместе, но затем Ланселот решает покинуть друга ради Гвиневер, и Галехот умирает от горя. Поэтому с точки зрения дружбы история о Ланселоте и Галехоте трагична. Ланселот, правда, утверждает, что любит друга сильнее, чем какого-либо другого мужчину, но любовь к Гвиневер побеждает. Тем не менее дружба Ланселота и Галехота является одним из образцов большой дружбы в литературе. И прежде всего отношение Галехота к Ланселоту иллюстрирует собой многие классические идеалы дружбы. Галехот не только делает для друга все, что в его силах. Ради него он даже готов

отказаться от всего, чем владеет. «Если бы весь мир был моим, я бы отдал его тебе», — говорит он. В то же время это не воспринимается им как жертва. Сознание того, что тот, кто получает этот дар, — его друг, позволяет ему отдавать, испытывая радость. Эта история дает нам понимание истинной природы дружбы. Она создает общность, в которой исчезает различие между «моим» и «твоим». Галехот отдает Ланселоту самого себя, он предан ему, что называется, душой и телом. И у него нет желаний, отличных от желаний друга. Они хотят теперь одного и того же. Ланселот стал для Галехота тем, что Аристотель называет вторым Я.

Эта история может также послужить иллюстрацией тезиса Аристотеля о том, что дружба делает неуместной идею о справедливости. С внешней точки зрения Галехот отдает намного больше, чем получает взамен от Ланселота. Таким образом, эта дружба выглядит несимметричной и несправедливой. Но Галехот воспринимает это иначе — во всяком случае, в начале повествования. Все, что он отдает, он отдает с радостью. Поэтому ничего и не требует взамен. Благодаря радости, которую он испытывает, отдавая, он не воспринимает этот дар как потерю, требующую компенсации.

Средневековым читателем отношения Ланселота и Галехота должны были восприниматься как пример идеальной дружбы. Другой вопрос —

многие ли следовали примеру бескорыстия Галехота? Дружба этих двух рыцарей в первую очередь принадлежит миру литературы. Но ни один рассказ не может быть оторван от времени, в которое он сочинен. Повесть о Ланселоте и Галехоте — это часть средневековой истории дружбы в силу того, что она является образом, который был знаком многим современникам и с которым они могли себя соотносить.

МОНТЕНЬ И ЭПОХА ВОЗРОЖДЕНИЯ

Возрождение явилось разрывом со средневековой культурой и формой общества. Возникла новая живая городская культура, и люди стали придавать значение индивидуальным жизненным проявлениям. Согласно историку Брайану Патрику Мак-Гуайру, это означало так же и то, что дружеские отношения людей стали более искренними — во всяком случае, среди культурной элиты. Один из самых известных текстов о дружбе этого периода написан французским дворянином, философом и писателем Мишелем де Монтенем (1553—1592). Он написал серию эссе — опытов — на разные темы. Стиль эссе очень достоверный, и личный опыт переплетается

в них с философскими размышлениями. Это касается и его эссе о дружбе.

Эссе повествует о дружбе Монтеня с Этьеном дела Боэси¹, с которым он познакомился, будучи уже взрослым. Встреча стала началом интенсивной дружбы, длившейся всю жизнь. Их обоих будто захватила своеобразная сила. Монтеню казалось, что они «слились воедино» и образовали «одну личность с единой волей». Оба с головой ушли в эту общность. В рамках подобной дружбы услугу другу оказывает не дающий, пишет Монтень. Щедр тот, кто принимает дар, давая другому возможность дарить. Он предоставляет другу возможность сделать то, чего тот хочет больше всего на свете, а именно поделиться всем со своим другом.

Часто подчеркивается, что Возрождение было временем, когда человеческий индивидуум представлял таким уверенным в себе, как никогда в предыдущие времена, и когда уникальность личности, ее отличие от всех остальных, впервые в истории человечества почиталась как высшая ценность. Это хорошо соотносится с тем образом дружбы, который создает Монтень: «Если кто-нибудь спросит, что же это было, что привлекло нас друг в друга, то я не смогу ответить ничего другого, кроме

---

¹ Этьен де ла Боэси (или Боэти) (1530–1563) – французский философ-гуманист и писатель.

как что “я был я, а он был он”», – пишет он. Да и сама их дружба не имела образцов. «У нашей дружки не было никакой иной модели, чем она сама, и ее можно сравнивать только с ней самой», – считает Монтень. Можно спорить, насколько он прав, но невозможно не признать, что в этом высказывании выражается идея Ренессанса об уникальности человеческой личности, свободно создающей свой собственный мир без оглядки на старые традиции. Отсутствие объективной причины того, что он выбрал в друзья именно Этьена де ла Боэси, также соответствует этому образцу. Монтень выбрал его не потому, что тот обладал тем или иным качеством. И не потому, что он был образованным человеком, дворянином и французом. Выбор пал на него, поскольку он тот, кто он есть. Его выбрали в друзья в качестве уникальной личности, индивида, не похожего на всех остальных.

Когда мы используем подобные тексты в качестве исторических источников, то есть как основание для попытки сказать что-нибудь об исторической эпохе, мы всегда должны задаваться вопросом, в какой степени или каким образом данный текст отражает этот период истории. Вероятно, Монтеня можно считать представителем нового, сфокусированного на человеческом индивидууме мировоззрения, характерного для Ренессанса; это выражается также в том, как он

строит свои дружеские отношения. Совсем другой вопрос, является ли эта дружба репрезентативной в том смысле, что многие люди воспринимали свою дружбу так, как это описывает Монтень. Об этом мы знаем немного, но, вероятно, поспешные выводы неуместны.

Многое делает Монтеня нетипичным для своего времени. Он принадлежал к небольшой группе состоятельных людей, которым хватало времени для научных изысканий. И он был необыкновенно талантлив. Он также был особенным в силу неординарности своей личности. Все это, без сомнения, повлияло на то, как он дружил и размышлял о дружбе.

А как дружило большинство других людей? По мнению историка Лоуренса Стоуна, общество времен Ренессанса отличалось жестокостью и большим количеством непредсказуемых вербальных нападков и случайного насилия. Общая атмосфера отличалась ярым нетерпением. Люди легко «взрывались», и были широко распространены убийства из-за оскорбления чести, которые часто наносились бездумными высказываниями или под воздействием алкоголя. Для теплых, личных чувств оставалось немного места. Письма и дневниковые записи с XV по XVIII век, скорее, подтверждают, что дружеские отношения в это время были весьма прохладными и безличными.

В XVIII веке настали новые времена. В Европе появляются сильные национальные государства, отношения в обществе становятся более надежными и хорошо организованными, а во Франции возникает идея универсальных прав человека. Многие философы XVIII века приводят аргументы в пользу новых условий для дружбы. Адам Смит (1723—1790), который в основном известен как основатель экономического либерализма, написал также морально-философское произведение, которое пользовалось большой популярностью. В книге «Теория нравственных чувств» он указывает на то, что безопасность отдельного человека в современном обществе гарантируется государством. Ему не нужно искать поддержки семьи и друзей или заключать альянсы только для того, чтобы обеспечить себе безопасность. Человек теперь может свободно выбирать себе в друзья тех, кто ему нравится. Жан-Жак Руссо (1712—1778) чувствует ту же свободу, когда он пишет в «Эмиле»¹: «Связующими нитями моих знакомств будут исключительно взаимное притяжение, общие вкусы и подходящие черты характера...»

Опять же можно поспорить о том, в какой степени понимание этих философов соответствует фактическим отношениям и условиям. Как мы

---

¹ Роман Ж.-Ж. Руссо «Эмил, или О воспитании» (1762).

уже заметили и как мы еще увидим, существуют примеры близкой, личной и крепкой дружбы, основанной на взаимной симпатии — во всяком случае в некоторых слоях общества, — и до XVIII века. Но мы можем предположить, что вместе с общим ростом благосостояния в XVIII веке и в связи с тем, что общество стало более безопасным, возможность такой дружбы распространяется и на более широкие слои населения.

ЖЕНСКАЯ ДРУЖБА В XVII И XVIII ВЕКАХ

Во Франции XVII века было принято, чтобы молодые девушки до замужества жили и воспитывались в монастырях. На этом примере легко понять, как отличались представители разных полов. Мужчина и женщина жили каждый в своем мире. Поэтому большинство людей искало друзей среди представителей своего пола. Браки также не могли изменить этого. Большинство браков заключалось из практических или экономических соображений, а не по любви. Чаще всего мужей и жен для своих детей выбирали родители. Разница в возрасте могла быть очень большой. Довольно широко были распространены браки между семнадцати-,

восемнадцатилетними девушками и мужчинами шестидесятилетнего возраста.

В таком браке сложно было возникнуть любви и дружбе. Для многих браков были характерны прохладные и отдаленные отношения. В высших слоях общества супруги порой подолгу не виделись; некоторые встречались лишь во время приемов или когда семья должна была входить в свет. Это также способствовало укреплению дружбы между представителями одного пола: если брак не мог дать душевной близости и тепла, их приходилось искать в другом месте, например у друзей. Это касалось как мужчин, так и женщин. Последним фактором, укрепившим тенденцию подбора друзей среди своего пола, было то, что мужчины все больше и больше были склонны считать женщин интеллектуально неполноценными. Для многих мужчин было проблематично признать, что женщина может являться равноценным партнером в дружеском союзе.

Были созданы все условия для возникновения пылкой дружбы. В отношениях хороших друзей могли быть такие близость и доверительность, которые словно было найти где-либо еще. В 1691 году мадам де Лафайетт (1634—1693), известная в свое время писательница, пишет своей

подруге, мадам де Севинье (1626–1696)¹: «Верь мне, ты — тот человек, которого я любила в этом мире больше всех». За мадам де Лафайетт следует целый ряд других женщин. Кэтрин Филипс² (1631–1664) признается, как много для нее значат отношения с подругой, когда пишет: «Я стремлюсь к тебе с таким нетерпением, какое сложно себе представить...»

Опять же у нас есть все причины обратить внимание на общественный класс. Все женщины, которых мы здесь встречаем, были образованными и начитанными, а многие из них и сами писали книги. Они были подвержены влиянию тех же идей, которые повлияли и на мужскую дружбу. Центральной была идея дружбы двух душ, возвышающейся над тривиальностью мира.

Близкая дружба между женщинами не только принималась, но и признавалась чем-то благородным. Писатель Томас Хейвуд (ок. 1575 — ок. 1650) указывал, что любовь между женщинами «помогает подчеркнуть женскую прелесть и честь». Хейвуд сам использует в качестве примера дружбу двух женщин, чтобы создать образ благородных дру-

---

¹ Мадам де Севинье — французская писательница, автор «Писем», самого знаменитого в истории французской литературы эпистолярного произведения.

² Кэтрин Филипс — английская поэтесса.

жеских отношений. Он пишет историю о двух монашках, разделявших комнату и постель. Когда одна из них находится при смерти, а другая по-прежнему здорова и сильна, то последняя просит Бога позволить ей умереть вместе со своей подругой. Это желание исполняется, и две женщины делят друг с другом могилу, так же как при жизни они делили постель. Заканчивая повествование, Хейвуд подчеркивает, что отношения этих двух женщин являются образцом любви и дружбы.

Сохранились и свидетельства крепкой женской дружбы времен XVIII века. Женщины начинали письма друг другу словами «мое сердце», «моя любовь» и «моя королева» и обещали друг другу вечную дружбу и верность. Одни отказывались идти на прием, если подруга была не приглашена, другие носили фотографию подруги в медальоне на груди. Руссо рисует портрет такой дружбы в романе «Юлия, или Новая Элоиза». Одна из героинь книги, Клара, собираясь выходить замуж, рассказывает будущему мужу, что он никогда не будет для нее так же важен, как подруга Юлия. И она долго сопротивляется замужеству, потому что, как она утверждает, ее любовь к подруге «гораздо лучше любви к мужчине». В конце концов она все же выходит замуж, но после смерти мужа хочет только одного: воссоединиться с подругой. «Самым главным в моей жизни была любовь

к тебе, — признается она. — С самого начала я отдала тебе свое сердце, и я жила лишь для того, чтобы быть твоим другом».

Одна из наиболее известных женских дружеских пар XVIII века — это Сара Понсонби и Элинор Батлер, принадлежавшие к ирландскому высшему обществу. В 1778 году девушки убежали из дома, чтобы найти место, где они смогли бы жить вместе. Они переоделись в мужскую одежду, чтобы остаться неузнанными, но скоро были найдены и возвращены домой в свои респектабельные семьи. Однако подруги не сдались. Они сбежали опять, и на этот раз семьи осознали, что остановить их невозможно. Девушки поселились в Уэльсе, где купили небольшой дом в Лланголлен-Вэйл. С течением времени они приобрели широкий круг знакомств среди художников, философов, политиков и поэтов.

В дневниках, которые они оставил после себя, мы можем прочесть, что они также делили друг с другом постель. «Я целый день лежала в постели из-за одной из моих ужасных мигреней, — пишет Элинор. — Моя Салли, моя нежная, теплая любовь лежала рядом со мной и обнимала мою голову». Окружающие восхищались ими как образцом хорошей дружбы. Местные газеты писали о двух ирландках, связанных узами романтической дружбы, а известные поэты, например

Уильям Вордсворт, писали поэтические восхваления их дружбе. Они также послужили моделью для целого ряда литературных изображений женской дружбы.

МЕЧТА О РОДСТВЕННОЙ ДУШЕ — РОМАНТИЧЕСКАЯ ДРУЖБА

В 1856 году, когда Бьёрнстjerne Бьёрнсону¹ (1832—1910) было 24 года, он познакомился с Клеменсом Петерсеном (1834—1918)², который был младше его на два года. В одном из писем первый пишет: «Никогда я не видел такого масштабного понятия дружбы, как у тебя. Мне приходится обращаться к истории литературы, чтобы найти нечто соответственное, но и там я не встречаю тех чувств, которые ты пробуждаешь в друге, и неважно — находишься ли ты рядом с ним или далеко за морем. Прекрасный человек с прекрасными способностями; мне бы хотелось, чтобы ты был сейчас здесь, со мной...»

Письмо показывает нам, что речь идет о сильных чувствах и что Бьёрнсон не боится признать-

---

¹ Бьёрнстjerne Бьёрнсон – норвежский писатель, лауреат Нобелевской премии по литературе 1903 г.

² Клеменс Петерсен – датский литературный критик.

ся в них. Письмо это не единственное в своем роде. Вместе с множеством других писем, повестей и литературных свидетельств этого периода оно показывает нам XIX век как время сильной и пылкой дружбы между людьми.

Это часто соотносится с культурно-исторической эпохой, называемой романтизмом. Для романтизма характерна высокая оценка субъективного восприятия действительности отдельным человеком и отвержение социальных условностей. Страсть и чувства превозносятся над холодным рассудком. В сфере человеческих взаимоотношений важную роль играет идея о дружбе-родстве душ. Вместе с другим человеком можно было испытать чувство целостности, которое невозможно достичь в одиночку. «Закон любви — это желание души достичь целостности, благодаря которому человек ищет в другом человеке то, чего не находит в самом себе», — пишет американская писательница Маргарет Фуллер (1810—1850) в середине XIX века. И такое единение душ становилось особенно возможным в обществе друзей.

Вероятно, идеи романтизма придали дружеским отношениям XIX века особую интенсивность, благодаря которой мы можем говорить о существовании отдельного вида дружбы в это время — о романтической дружбе. В то же время

существует и очевидная связь между дружбой в XIX веке и предыдущими историческими эпохами. Пылкие дружеские чувства знакомы нам по женской дружбе XVII—XVIII веков, по эссе Монтеня, по рыцарским романам, по средневековым письмам и стихам и по античному эпосу. С некоторыми оговорками поэтому можно сказать, что тысячелетний образец дружбы приобретает в XIX веке новое развитие. Романтическая дружба процветает как среди мужчин, так и среди женщин. В Норвегии мы находим хорошо документированный пример романтической дружбы в начале XIX века в отношениях Конрада Н. Шваха¹ и Морица К. Хансена². Они познакомились детьми. Швах так описывает их встречу: «Самым большим подарком, который принес мне 1814 год, была дружба с Морицем Хансеном. Как описано выше, мы познакомились еще мальчиками [...]. Летом 1814 года он стал студентом и членом Студенческого общества. Здесь вновь встретились и наши души и наши сердца. Мы хорошо узнали друг друга и научились

---

¹ Конрад Николай Швах (1793–1860) – норвежский писатель и юрист.

² Мориц Кристофер Хансен (1794–1842) – норвежский писатель, филолог и учитель, автор многочисленных романов, рассказов и учебников, в том числе первого норвежского романа и первого в мире детективного романа.

уважать и любить друг друга». Обстоятельства были таковы, что друзья большую часть жизни прожили вдали друг от друга — Швах в Арендале, а Хансен в Трондхейме. Но благодаря регулярной переписке дружба поддерживалась десятилетиями.

Яркой чертой дружбы Шваха и Хансена было сопереживание чувствам другого. «Твое ужасное положение огорчает меня, Швах, будто оно мое собственное положение», — пишет Хансен в 1820 году. Год спустя он посылает в Арендал письмо, где выражает радость от того, что другу хорошо: «Светлый тон всего твоего письма принес мне столь сильное сердечное удовольствие, что я подавился табаком». Такое же сильное впечатление произвела на Хансена болезнь жены Шваха, Анне Маргрете, в начале 30-годов: «Я разделяю твои волнения и страх по поводу состояния здоровья твоей любимой. Поскольку я знаю, что сам ты здоров, то вкладываю всю силу своих новогодних приветствий в по-братски горячее пожелание здоровья Анне». Всего несколько месяцев спустя он по тому же поводу сообщает, что слезы текут по его щекам, пока он пишет письмо.

Обращает на себя внимание тот язык, который Швах и Хансен используют, описывая свои отношения. Это кажется не только чуждым,

но и излишне экзальтированным и напыщенным. Сегодня никто не стал бы использовать такую речь для выражения своих чувств. Тем не менее ничто не указывает на то, что такая речь двоих друзей не заключает в себе подлинных чувств. И то, что может быть сложно понять эти чувства сегодня, говорит, наверное, в первую очередь о том, насколько изменилась эмоциональная атмосфера со времен XIX века, особенно в среде мужчин. Вообще в XIX веке люди были гораздо более открыты в выражении своих чувств. Например, плач мужчины вовсе не считался проявлением отсутствия мужественности, а, скорее, рассматривался как признак благородной души. Швах, не колеблясь, признается в своей чувствительности: «Когда я был ребенком, меня очень легко было растрогать до слез; и до сих пор слезы у меня всегда близко, особенно когда я должен прощаться с друзьями».

Часто подчеркивается, что романтическая дружба в XIX веке была характерна в основном для высших слоев общества. Но сохранившиеся письма показывают, что такая дружба не ограничивалась исключительно высшим классом. Например, в 1834 году двадцатитрехлетний фабричный рабочий Фостер Бил пишет письмо другу Бригхему Нимсу, работавшему учителем, и вспоминает событие предыдущего года, когда друг был

болен, а Бил за ним ухаживал: «Я надеюсь, ты не забыл, что в Бостоне в прошлом сентябре, когда ты сильно болел, я заботился о тебе, ухаживал за тобой и даже положил тебя в свою постель. Не мог бы ты быть так добр и написать мне...» Из переписки мы понимаем, что эти двое работали раньше в одном месте и проводили много времени друг с другом. Бил вспоминает среди прочего их прогулки: «Давай не будем забывать те счастливые часы, которые мы проводили у Г. Ньюкомбса, а также наши вечерние прогулки; в этой привилегии нам сейчас отказано, и мы на время разлучены, кто знает, как много времени пройдет, прежде чем мы вновь встретимся в этом мире...»

Мы, конечно, не можем делать однозначных выводов из одного лишь этого примера, но письмо показывает нам, что и среди рабочего класса существовали дружеские отношения, напоминающие романтическую дружбу. Дружба Била и Нимса была чем-то большим, чем поверхностное товарищество. Они вместе ходили на прогулки и вели разговоры, которые Бил вспоминает с радостью и которых ему не хватает. Они даже ухаживали друг за другом во время болезней.

Когда мы рассматриваем дружеские отношения предыдущих времен, то постоянно возникает вопрос, в какой степени эти отношения были гомосексуальными. Какого рода отношениями, собственно, была дружба Била и Нимса? И как насчет Хансена и Шваха и романтической дружбы XIX века? Эмоциональность речи, ласковость обращения и пылкость чувств придают этим отношениям форму, которую бы мы сегодня скорее назвали любовью, чем дружбой. Что нам, например, думать, когда Хансен обращается к другу Шваху следующим образом: «Любезный сердцу Швах, сладчайший друг, веселый певчий дрозд»?

Если обратиться к более ранним эпохам, то этот вопрос также окажется актуальным. Как расценивать пылкие чувства женской дружбы XVII—XVIII веков? Что делали подруги в Лланголлен-Вэйл в одной постели, когда у них не было мигрени? Альберони указывает на то, что дружеские отношения Монтеня больше похожи на гомосексуальную влюбленность, чем на дружбу. Почему Галехот ночью бодрствовал и прислушивался к дыханию Ланселота? И как насчет монахов в средневековых монастырях? Не были ли попытки

запретить двум монахам оставаться наедине на самом деле предприняты из боязни гомосексуализма? А Ахиллес и Патрокл? А Сапфо и ее женщины? Еще во времена Античности ходили слухи о том, что женщины вокруг Сапфо не только декламировали друг другу стихи.

Многое затрудняет ответы на эти вопросы. Первое затруднение касается самого вопроса, были ли эти дружеские отношения гомосексуальными. Что мы в данном случае подразумеваем под гомосексуализмом? Дело в том, что этот термин возник в истории Запада поздно. Историки относят его появление ко второй половине XIX века. Это происходит параллельно со все возрастающим волнением по поводу гомосексуальных действий, сочетавшимся с представлением о том, что те, кто совершает подобные действия, составляют особую группу людей, отличную от остальных. Мысль о том, что существуют люди, которые испытывают влечение исключительно к собственному полу, личность которых в основном определяется этим влечением, сформировало это понятие.

Сегодня мы точно знаем о существовании гомосексуализма. И четко представляем себе, чем характеризуются гомосексуальные личности: их привлекают люди одного с ними пола, их занимает внешность этих людей, и они влюбляются в них. Между двумя влюбленными друг в друга

гомосексуальными личностями возникают сильные, пылкие чувства, им нравится быть рядом друг с другом, они ласкают друг друга и часто спят в одной постели. И когда мы замечаем один из этих признаков, для нас загорается «сигнальная лампа» и мы думаем: а может, это гомосексуальные отношения? В середине XIX века все было не так, а тем более в более ранние времена. Сильные эмоциональные узы между друзьями считались нормой, даже когда они проявлялись в физической ласке. Спать в одной постели было в порядке вещей. Это происходило просто-напросто из практических соображений. Ученики пансионов часто спали вместе из экономии места. А в холодные ночи так было проще сохранять тепло. В гостиницах посторонние друг другу люди из тех же соображений спали ночью в одной кровати. Когда Авраам Линкольн уезжал из дома учиться, он снял полкомнаты и полкровати у будущего товарища по учебе, с которым еще даже не был знаком. Ни на что другое денег у него не было. Так же поступали и многие другие.

Это очень важно понимать, чтобы бездумно не проецировать наши сегодняшние представления и предрассудки на прошлое. Когда мы читаем, что двое друзей спали в одной постели, возможно даже обнявшись, то с точки зрения того времени это не было чем-то особенным. Это было обыч-

ным делом, так делали многие. И сильные эмоциональные узы между друзьями, сочетавшиеся с физической лаской, не казались чем-то подозрительным, а, наоборот, были знаком особенно хорошей дружбы. Поэтому также никто не подозревал Линкольна в гомосексуализме, когда он делил кровать со своим товарищем по учебе. И не многим приходило в голову подозревать двух подруг из Лланголлен-Вэйла в чем-то непристойном, когда они спали вместе. Последнее также связано с распространенным раньше представлением о том, что женщины могли быть сексуально активными только рядом с мужчинами. То, что у женщин могли быть сексуальные отношения друг с другом, считалось практически немыслимым. То же касается и близких отношений между мужчинами — должно было случиться что-то из ряда вон выходящее, чтобы их заподозрили в развратном поведении. Пока противоположное не было четко и недвусмысленно доказано, считалось само собой разумеющимся, что в подобных отношениях не было секса.

С сегодняшней точки зрения, человеческие отношения в XIX веке и в более ранних эпохах были окутаны невинностью. Мужчина или женщина, желавшие поцеловать или обнять близкого друга, могли не опасаться подозрительных взглядов. Мы можем предположить, что под прикры-

тием этой невинности было также относительно распространено и то, что мы бы назвали гомосексуальными действиями. Во всяком случае, не было недостатка возможностей для этого, поскольку очень многие делили друг с другом постель. Но опять же нам следует быть осторожными и не спешить с выводами. Мы практически ничего не знаем об этом, поскольку источники молчат. В «Илиаде» открыто рассказывается о пылких чувствах, которые Ахиллес и Патрокл питали друг к другу. Там также рассказывается, что они делили друг с другом жилище. Но нам не рассказывается, была между ними сексуальная связь или нет. Возможно, была. Культура Древней Греции известна своим либеральным отношением к гомосексуальному поведению, пока такое поведение не противоречило определенным основополагающим нормам. В гомосексуальные отношения могли вступать двое, один из которых должен был обладать более высоким социальным статусом. Типичными были подобные отношения между пожилыми молодым мужчиной. Обладаящий более высоким статусом был активной стороной в отношениях, и это не должно было мешать будущей женитьбе сторон. До тех пор пока эти правила соблюдались, гомосексуализм сам по себе не считался проблемой. Это также не связывалось

с определенной группой людей: это было чем-то, к чему все были склонны, от чего все могли получать радость, и чем-то, чем большинство людей могли бы заняться. В V веке до нашей эры не было необычным смотреть на Ахиллеса и Патрокла и как на друзей, и как на любовников. В «Илиаде» Патрокл описывается как *therapon* Ахиллеса, то есть некоторого рода слуга или подчиненный. Это означает, что два друга могли быть любовниками, не нарушая культурных норм. Но что касается самого первоисточника, текста «Илиады», то он молчит. Нет свидетельств тому и в большинстве других дружеских отношений, рассмотренных в этой главе.

У этого молчания может быть несколько объяснений. Одно из них — что пишущие просто не знали этого, другое — что они считали это не относящимся к делу. Но самый важный пункт остается неизменным: в то время и в той культуре не существовало никакой очевидной связи между теплыми и пылкими чувствами, ласками, телесным контактом, объяснениями в любви, с одной стороны, и гомосексуализмом, с другой стороны. Это означает, что дружбу могли отличать все эти признаки и никто бы в удивлении не приподнял бровь. Дружеские отношения умещали в себе гораздо больше чувств и форм выражений, чем сегодня.

ПОДОЗРИТЕЛЬНЫЙ ВЗГЛЯД

Ситуация радикально изменилась на рубеже XIX и XX веков. В психиатрии появилось представление о гомосексуальной личности и о гомосексуальности как о чем-то врожденном. В это же время создается образ такого человека. Образ мог варьироваться, но общий вывод ясен: признаки, которые раньше считались невинными и которые прежде не связывались с сексом, стали все больше и больше восприниматься с подозрением. Если теплые чувства и ласки друзей считались раньше выражением лояльности и преданности, то теперь они во все большей степени стали рассматриваться как симптомы сексуальных отклонений и мужчин, и женщин.

Вплоть до наших времен считается относительно невинным, если между женщинами существуют близкие отношения и если они проявляют нежность в отношении друг к другу. Подобное проявление чувств не противоречит идеалу женственности. Женщины ведь и должны проявлять заботу и нежность. Положение мужчин было сложнее из-за все более распространявшегося идеала сильного и скупого на проявления чувств мужчины. Этот идеал не нов. Но история, и особенно история мужской дружбы, показывает, что образ муж-

чины уместает в себе и другие стороны. С середины XIX века это более раннее представление о роли мужчины подверглось сильному воздействию нового времени. От мальчиков и мужчин все больше требовали сдержанности в проявлении своих чувств. В соответствии с идеальным образом мужчины, их все больше призывали тренировать свое тело. В то же время возрастала поляризация полов. Если какое-либо качество признавалось женским, например проявление чувств, то из этого делался вывод, что мужчина, обладающий этим качеством, — не мужественен, и наоборот. Неприятие женственности в мужчинах совпадало с неприятием гомосексуализма, что также отражается в ряде ранних теорий, относящихся к этой теме. Мужчина-гомосексуалист был мужчиной с женской природой. Быть homo означало быть femi.

Этого говорит о том, что рамки, в пределах которых могла проявляться мужская дружба, становились все более узкими. В общем и целом происходило сильное ограничение того, как мужчины могли общаться друг с другом. Телесный контакт стал табу. То же касалось выражений преданности и теплых чувств. Или точнее: эти проявления были переведены в сферу сексуальных отношений. Они оказались носителями потенциального сексуального значения. Что скрывалось за взглядом одного мужчины на другого? Что было в его взгляде? Как

он смотрел? Почему так долго задержал на нем взгляд? Нет ли здесь сексуального оттенка? В прежние времена подобным образом воспринимался взгляд женщины. Молодая женщина, желавшая сохранить свою репутацию, должна была опустить взгляд при встрече с мужчиной, в противном случае ее могли счесть легкодоступной. Теперь мужчины были вынуждены отводить взгляд. Мужчины научились избегать взгляда других мужчин. И это касалось не только незнакомых. «Мужчины не могут смотреть на мужчин, – утверждает некто Бент в интервью 70-х годов. – Мужчины не могут смотреть на мужчин, кроме как во время серьезных разговоров. Тогда они должны твердо смотреть в глаза друг другу. Если мужчина встретился взглядом с другим мужчиной, не заговорив с ним, то ему следует быстро отвести взгляд, не то его могут неправильно понять. В худшем случае подумают, что он гомосексуалист».

Между этой атмосферой подозрения и романтической дружбой XIX века — расстояние в океан. В 1848 году молодой инженер Джеймс Блейк мог спокойно спать в объятиях друга Вика и доверчиво писать о любви к другу в своем дневнике, не беспокоясь, что кто-то поднимет в удивлении бровь, прочитав это. Мы же, напротив, тут же задаемся вопросом: «Они гомосексуалисты?»

В конечном счете эта гомофобия угрожает самой идее дружбы, и особенно мужской. Американский

писатель Гор Видал рассказывает, что в первой половине XX века в США, когда он жил в школе-интернате, учителя предупреждали его, что не стоит заводить близкую дружбу с другими мальчиками. Все в школе было направлено на то, чтобы сделать мальчиков конкурентами, а не друзьями. В 70-е годы Стейн Рённов провел исследование-интервью среди норвежских мужчин, которое показало, что мужчины не только боятся открытости и близости: само слово «друг» оказалось дискредитировано. Когда Рённов сообщал тем, кого он интервьюировал, что хочет поговорить с ними о дружбе, многие неправильно понимали цели исследования и думали, что речь пойдет о гомосексуальных отношениях. В этом и других подобных исследованиях прослеживается тенденция, показывающая, что дружба между мужчинами стала проблематичной, что многие избегают ее, но в то же время им ее не хватает.

ДРУЖБА И БРАК

В одном из интервью вышеупомянутого исследования мужской дружбы некто Финн рассказывает, что у него нет друзей. «Но ведь у меня есть жена, — добавляет он. — У меня очень хорошие отношения с женой».

Это высказывание характерно для другой тенденции, повлиявшей на общепринятый образец дружбы на Западе в последние века, а именно: брак и романтическая любовь мужчины и женщины со все возрастающей степенью затмевали дружбу, оказываясь более важными человеческими отношениями. Идея романтической любви не нова. С рыцарских времен расцвета Средневековья эта идея восхвалялась и превозносилась в стихах, романах и песнях. История о Ланселоте Озёрном повествует не только о дружбе Ланселота и Галехота. В не меньшей, а даже в большей степени это история о всепоглощающей любви Ланселота и прекрасной Гвиневер. Но вплоть до XIX века было распространено мнение, что романтическая любовь не сочетается с браком. Истории о романтической любви были побегом от действительности, позволявшим погрузиться в мечтания, но никто не требовал, чтобы жизнь была такой, как в этих историях. Люди, конечно, могли и в жизни испытать малую долю того, о чем повествовали романы: тайную страсть, всепоглощающую любовь или бурную влюбленность. Но мысль о том, что длительная совместная жизнь мужчины и женщины должна была отличаться подобной пылкостью, не была распространена. Наоборот, брачный союз в основном считался практическим и деловым альянсом, а не личным эмоциональным едине-

нием. Среди бедных это было всего лишь способом организации работы.

В течение XIX века картина изменилась. Все больше укреплялось представление о том, что брак должен моделироваться по образу романтической любви. Мужу и жене не только надлежало быть партнерами в практических делах, но и следовало любить друг друга больше всего на свете. Жизнь должна была стать такой, как описано в романах. Романтическая любовь стала религией современной жизни.

То, что произошло, можно назвать переменной статуса дружбы и брака. Если раньше дружба стояла выше брака, то теперь брак поднялся и вытеснил дружбу. Раньше многие искали в дружбе утешения от браков без любви, в которых не было личных отношений. Теперь возникла идея того, что именно в браке заключены самые глубокие сердечные и личные узы. Только в браке человек может стать совершенно счастливым. Только в нем он может полностью реализовать себя как человек. Новая идеология брака переняла на себя также идеалы дружбы. Партнеры в браке должны были теперь не только любить друг друга больше всего на свете. Они не только должны были сотрудничать друг с другом в воспитании детей и других практических вопросах. Они также должны были быть лучшими друзьями.

Дружба в более традиционном понимании стала отныне чем-то, что в основном относилось к юности и молодости, чем-то, к чему можно прислониться в ожидании начала настоящей жизни. Ее продолжали высоко ценить, но, будучи связанной с юностью, дружба приобрела в людском восприятии некий оттенок незрелости. Так же как и сама юность, дружба стала чем-то, что нужно испытать и что является важным на пути к зрелой взрослой жизни, но что нужно пережить и впоследствии оставить позади. В 1889 году немецкий философ Фридрих Паульсен так формулирует эту мысль:

Молодой человек встречает единомышленников в своих путешествиях, в школе и в университете, и их сердца связываются пылкими узами. Они отдают себя друг другу и сливаются в единое целое, и, ведомые мощным стремлением, они пытаются подействовать своей личностью на личную жизнь другого, на его мысли и чувства. Но с возрастом стремление общаться с другими людьми уменьшается. Человек становится более сдержанным <...>. К этому приводит то, что жизнь все больше связывается различными обязанностями: профессия требует своего, следует заботиться о семье.

Это развитие касалось и мужчин, и женщин. Близкая дружба между молодыми женщинами

воспринималась как нечто прекрасное и развивающее. Это давало им социальные навыки, полезные для будущих семейных обязанностей. Но и для женщины наступало время, когда дружеские отношения уходили на второй план ради того, что являлось ее подлинной целью и счастьем — ради романтической любви к мужчине.

Существует много причин уже упомянутого изменения статуса. Одной из причин, которая не может нас не радовать, было все укрепляющееся равноправие мужчин и женщин, все больше позволявшее браку фактически стать дружбой равноценных сторон. Другой причиной явился общий рост благосостояния, давший и мужчинам и женщинам большую экономическую независимость, что позволило им выбирать супругов независимо от желаний родителей. Мы также не должны забывать о взрывной силе идеологии, заключавшейся в мощном фокусировании развлекательной индустрии на романтической любви. С начала XX века эта идея распространялась посредством романов, еженедельников и, наверное, особенно фильмов. Все это имело последствия для мужской и женской дружбы. И мужчины, и женщины подвергались давлению со стороны общественной культуры, требовавшей предпочтения любимых и супругов друзьям.

«Я все меньше и меньше виделся с друзьями. Я перестал ездить на вечеринки. Обычно два или три раза в неделю я играл в хоккей, а потом отправлялся в бар и находился там до поздней ночи. Она укротила меня. Сначала я просто решил уделять ей больше времени. Потом стал встречаться с ней два-три вечера в неделю, а другие вечера проводил с друзьями. Через некоторое время эта очередность нарушилась, а под конец я был с ней каждый вечер». Так рассказывает двадцатипятилетний конторский служащий, первые серьезные любовные отношения которого отодвинули на второй план его друзей. Он один из тридцати американских мужчин из-под Бостона, у которых в 80-х годах брали интервью с целью выяснить, как сильная идеология брака влияет на мужскую дружбу. Многие рассказывали похожие истории. До женитьбы у них было много друзей, в основном мужчин. Радикальные изменения происходили, когда появлялась первая любимая девушка. Их предпочтения оказывались совсем иными, не такими как прежде.

Интересной чертой этого описанного выше процесса является то, что друзья не только признают его, но и активно поддерживают, устранившись и переставая инициировать встречи с тем, у кого появилась девушка. Они считают само собой разумеющимся, что предпочтение отдается любимой

девушке. Один мужчина пожаловался, что в течение четырех месяцев после своего свадебного путешествия он ни звука не слышал от своих друзей. В конце концов он сам связался с тем, кто был его лучшим другом в компании, и спросил, почему тот ему больше не звонит. Друг ответил: «Ну, я не хотел навязываться».

Норвежское исследование 70-х годов рисует похожую картину. Опрошенные мужчины высказывают твердое мнение о том, что они хотят и чувствуют себя обязанными отдавать предпочтение жене и семье, а не друзьям. Один из опрошенных, Улав, осуждает мужчин, поступающих наоборот, считая, что это «очень плохо по отношению к тому, кто сидит дома».

ОДИНОЧЕСТВО В БОЛЬШОМ ГОРОДЕ

В «Манифесте коммунистической партии» Карл Маркс (1818–1883) выражает глубокое беспокойство по поводу того, что развивающийся капитализм разрушит все тесные человеческие связи, превратив их в сугубо обменные отношения. Это беспокойство эхом отдается во многом, что пишется о дружбе в конце XIX и начале XX веков. Типичный документ того времени — эссе «Боль-

шие города и духовная жизнь», написанное немецким философом и социологом Георгом Зиммелем в 1903 году. Автор описывает современного жителя большого города как нервного, равнодушного, лишенного корней и неспособного на глубокие чувства индивида, которого вынуждают развивать свой интеллект за счет иных человеческих качеств. Массовое производство стирает индивидуальные различия, в то время как постоянно сужающаяся специализация заставляет нас во все большей степени представлять фрагментарными личностями. Это также влияет на дружбу людей, утверждает автор. Вместо того чтобы видеть друг в друге цельную личность, мы основываем свои дружеские отношения на особых интересах, в которых проявляем лишь одну часть самих себя. Одна дружба строится на общем интересе к религии, политике или спорту, другая — на том, что люди родом из одного места или на чем-то подобном. В дополнение к этому наличие огромного количества людей в больших городах вынуждает нас выработать в себе сильную степень безразличия к другим людям. Мы не в силах устанавливать отношения со всеми, кого встречаем, и это правильно, поскольку мы бы погибли, если бы открывались каждому или брали на себя ответственность за всех, кого мы встречаем. Нам невольно приходится защищаться, скрываясь за оболочкой

сдержанности. Поэтому нет места, где люди более одиноки, нежели в большом городе.

Беспокойство о том, что современная производственная и городская жизнь значительно уменьшает возможность возникновения близких и личных дружеских отношений, проходит красной нитью сквозь целый ряд социологических исследований XX века, внешне подтверждающих эту печальную тенденцию. Люди жалуются на то, что чувствуют себя изолированными. У многих совсем нет близких друзей.

Можно поспорить о том, только ли современная производственная и городская жизнь лежала в основе этого феномена. Мы видели, как в XX веке дружба подвергалась давлению с разных сторон. Но общее развитие общества играло, конечно, большую роль. В XX веке произошли большие изменения в условиях жизни и работы людей. Если раньше люди жили в тесном соседстве и часто рядом с работой, так что их коллеги являлись одновременно их соседями и друзьями, то возрастание всеобщего благополучия и одновременный рост городов способствовали тому, что все больше людей переезжало жить в пригород и в города-спутники. После конца рабочего дня коллеги разъезжались в разные стороны, и если раньше можно было встретиться с товарищами по работе, соседями и друзьями в местном баре или кафе,

то теперь люди жили в районах, где они никого не знали. Домашние хозяйки, которым общий двор или прачечная раньше служили местом встреч, оказались в изоляции, каждая в своем доме или квартире.

ЭКСПЕРТЫ СЕРДЦА

В современном обществе немало одиноких людей. Легко найти мужчин или женщин, которые чувствуют себя изолированными и которым не хватает друзей. Однако многое указывает на то, что в отношении дружбы и социальных связей ситуация женщин лучше, чем у мужчин. Исследования показывают, что у женщин сегодня больше друзей и что дружба приносит им больше удовлетворения, чем мужчинам. Основательное исследование, охватывавшее 200 мужчин и женщин в США, показало, что две трети мужчин не могли назвать имени хорошего друга, тогда как три четверти женщин назвали одно или более имен. В 1998 году в Норвегии количество мужчин, ответивших, что у них нет близкого друга, было в два раза больше, чем количество женщин. Меньше всего друзей оказалось у мужчин в возрасте от 67 до 79 лет. Почти у половины мужчин в этой возрастной группе не

было близкого друга. Лучше всего дела обстояли у женщин в возрасте от 16 до 24 лет. В этой группе почти все указали, что у них есть по крайней мере один близкий друг¹. Эта картина подтверждается исследованием среди женщин в городе-спутнике в пригороде Бергена, проведенном социальным антропологом Марианной Гюллестад. Женщины здесь ходили друг к другу в гости гораздо чаще, чем мужчины, и не только во второй половине дня и по вечерам. Домашние хозяйки встречались также и днем.

Одной из причин сложившейся ситуации может, как это ни парадоксально, являться резкое разделение труда мужчин и женщин и устойчивые роли полов, которые так долго доминировали на Западе и которые предоставляли женщине отвечать за семью и детей, тогда как мужчины конкурировали друг с другом в профессиональной и общественной жизни. Это дало женщинам компетенцию в сфере социальных связей, которая, возможно, до сих пор приносит им пользу. Кроме того, вероятно, некоторым мужчинам до сих пор в большей степени, чем женщинам, сложно заводить близкую дружбу с кем-то по причине гомофобии. Как мы убедились, среди мужчин существует также тенденция предпочитать жену

---

¹ Афтенпостен // 2003. 19 янв. (Центральное статистическое бюро).

и семью друзьям. Наверное, это не так уж и странно. В браке мужчина может испытать такую близость с другим человеком, какую ему сложно ощутить в отношениях с мужчинами.

Как это ни парадоксально, но целый ряд исследований указывает также на то, что предпочтение мужчинами брака делает их неудачниками в социальном плане. Во-первых, многие браки, к сожалению, не соответствуют идеалу, отнюдь не являясь аренной человеческой близости. Опрос, проведенный среди женатых пар в США некоторое время назад, показал, что опрошенные разговаривают друг с другом лишь 20 минут в неделю, то есть в среднем меньше трех минут в день. Это, естественно, одинаково мало удовлетворяет как мужчин, так и женщин. Но тогда как у многих мужчин нет других близких людей, большая часть женщин компенсирует недостаток общения в браке с друзьями. Женщины также говорят, что общение с подругами дает им больше, чем общение с мужьями. Американский «Рапорт Хайт»¹ 1976 года указал, что у большинства замужних и незамужних женщин наиболее глубокая эмоциональная связь была с женщиной, а не с мужчиной.

---

¹ Автор отчета – Шир Хайт – исследовала вопросы женской сексуальности с точки зрения феминизма.

«С лучшими подругами чувствуешь себя надежней, — отвечает молодая девушка на вопрос журналиста. — Они понимают тебя и лояльны по отношению к тебе. С ними возникают тесные связи, и это похоже на отношения с любимыми. Тем не менее даже любимый молодой человек никогда не заменит лучшую подругу. У меня был такой человек, эмоциональный и умевший говорить о чувствах, но все равно общаться с моими подружками было намного легче»¹.

«У моей подруги Розе хорошая интуиция», — делится одна взрослая женщина. — Я могла бы рассказать одну и ту же историю ей и своему мужу, но он бы не понял ее, понимаете? Я имею в виду, что он упустил бы ее основной смысл. А вот Розе поняла бы. Я всегда от нее получаю гораздо больше. Она дает мне хорошие и обдуманные советы. И я знаю, что она действительно слушает меня, а не делает вид, что слушает, читая при этом газету».

Всегозадвестилетситуацияс мужской дружбой совершенно изменилась. Если раньше именно мужская дружба превозносилась в философии и поэзии, то сегодня дружба мужчин характеризуется как незначительная и поверхностная или же совсем отсутствует. Победителями в дружбе теперь предстают женщины.

---

¹ Дагбладет // 2003. 1 февр.

Чему может научить история дружбы? Это зависит от того, что нас интересует и чему мы придаем значение. Я лично многому научился, изучая, как изменилась мужская и женская дружба. Это интересно и потому, что изменения связаны с трансформацией ролей полов. Особенно важную информацию можно почерпнуть в изучении дружбы мужского пола. Сегодняшних мальчиков с самого раннего детства учат, что быть мужчиной означает быть твердым. В наиболее чистом виде мы встречаем идеального мужчину в американских вестернах и фильмах в жанре «экшн». Этот образ так выразителен, что мы верим, что именно такими были и всегда должны быть настоящие мужчины.

Я очень скептически отношусь к идее о том, что понятия «быть женщиной» и «быть мужчиной» стабильны и неизменны. История дружбы показывает, что мужчина предыдущих эпох не является устаревшим вариантом молчаливого ковбоя, одиноко едущего верхом на фоне заката. Мужчина предыдущих эпох эмоционален, заботлив и умеет слушать других. Он плачет и скучает по своим друзьям; он наиболее счастлив в те моменты, когда, лежа

на груди друга, может верить ему свои сокровенные мысли и чувства. И у него богатый словарный запас для выражения собственных переживаний.

Конечно, не все мужчины были такими! В истории человечества найдется немало самых разных мужчин и самых разных женщин — как чувствительных и заботливых, так и огрубевших и жестоких. Но именно это многообразие и интересно, и наиболее интересны, возможно, чувствительные мужчины, разрушающие стереотипы нашего времени, мужчины, которые умели слушать своих друзей и заботиться о них и которые могли делать это, не страшась обвинений в недостатке мужественности или в излишней женственности, как это легко может произойти сегодня. Ахиллес и Патрокл, Ланселот и Галехот были героями, перед которыми все преклонялись — и мужчины, и женщины; в свое время они были воплощением мужского идеала, причем мужественность их сочеталась с эмоциональным и внимательным отношением к своим друзьям в такой степени, которая кажется чуждой в наши дни.

Насколько мы можем воспользоваться этим историческим знанием, подлежит обсуждению. Можно возразить, что роли полов и дружеские отношения предыдущих эпох тесно связаны с обществом, в рамках которого они существовали и что мы не можем просто взять и перенести

отдельные элементы прошлого в наши дни (если бы нам этого захотелось), не переняв того целого, в пределах которого они существовали. Близкая мужская и, соответственно, женская дружба возникла, например, в обществе со строгими и подавляющими различиями между полами, в обществе, в которое мы вовсе не хотим вернуться. Мы также не хотим вернуться к бракам, организованным родителями или опекунами, где мужчины и женщины жили под одной крышей, но испытывали дефицит человеческого общения. Если современное ослабление дружеских связей объясняется тем, что отношения в браке стали лучше и равноправней, то нам следует принять эту тенденцию и считать ее позитивной.

Я думаю, что возможности выбора не так ограничены. Мне кажется, что необходимо сохранить то хорошее, что есть в нашем времени, и одновременно позволить себе черпать вдохновение в том лучшем, что было в прошлом. И мужчинам, и женщинам есть чему научиться, познакомившись с типами дружбы былых времен, причем мужчин это касается особенно. Не уверен, что мальчикам и мужчинам хорошо жить в обществе, культура которого характеризуется таким сильным страхом близости, как в наши дни. Сильная гомофобия среди мужчин является проблемой для гомосексуалистов, но она также является проблемой

для каждого мужчины в силу того, что затрудняет возможность возникновения хорошей и близкой дружбы с другими мужчинами. Может быть, изучение прошлого придаст нам храбрости допустить больше чувств в нашу дружбу, целеустремленно культивировать их, как это делали наши прабабушки и прадедушки.

Нам предстоит увидеть, будут ли тенденции последнего столетия в том, что касается дружбы, продолжать развиваться и в новом тысячелетии. Уже сейчас многое указывает на то, что мы на пороге изменений. С одной стороны, хорошо известная нехватка времени у родителей малолетних детей в сочетании со сверхурочной работой и долгими командировками способствуют тому, что и мужчины и женщины все меньше способны выкроить время хоть для чего-то, что не является самым необходимым. В то же время мы замечаем признаки того, что мужчины и женщины уделяют друзьям больше времени и места в своей жизни, чем раньше. Это, в свою очередь, связано с тенденцией, которую мы уже наблюдали: все больше людей в течение длительного времени живут без семьи. Все больше людей живут поодиночке. Это означает, что увеличиваются как потребность в друзьях, так и возможность поддерживать дружбу, поскольку у одинокого человека хватает на это времени. Растет число

людей, для которых друзья, а не семья являются точкой опоры в жизни. Любимые приходят и уходят, а друзья остаются. Друзья разделяют радость влюбленности и поддерживают во время кризисов или когда отношения с любимыми заканчиваются.

У многих отношения с друзьями приобрели черты, которые раньше характеризовали отношения с супругами или с семьей. Одна из сторон этого явления – распространение так называемой «семьи друзей». Семья друзей — это группа людей, которая регулярно встречается в течение многих лет, например для совместной еженедельной трапезы, проводит вместе отпуск и поддерживает тесный контакт друг с другом. Такой семьей являются друзья из сериала «Друзья на всю жизнь». Здесь показываются в основном позитивные стороны дружбы. Но когда друзья приобретают ту же функцию, что и семья, то могут проявиться и менее удачные черты, свойственные семейной жизни: друзья начинают следить друг за другом и контролировать друг друга, они претендуют на свободное время друг друга и ревнуют, если отношения оказываются под угрозой.

Тем не менее дружба, как правило, по-прежнему оставляет место независимости и личному выбору. Наверное, это также является важной причиной

возрастающей популярности дружбы. Косвенным образом это поддерживает идеи нашего времени о личной свободе и самореализации. Выбирая друзей, человек получает подтверждение идентичности собственной личности. Особенно в больших городах существует много субкультур, обратившись к которым можно завязать контакты в зависимости от собственных интересов. В дружбе мы также можем реализовать другую важную черту нашего времени — равноценность отношений и сторон. В основе хорошей дружбы изначально не заложены явные или скрытые формы подчиненности, характерные для отношений между мужем и женой, братьями и сестрами или родителями и детьми. В наше время существует сильное стремление к равноправным отношениям. Поэтому не случайно характерные черты дружбы переносятся в семью и в другие отношения. Лучшему другу не обязательно принадлежать другой семье. Друг может быть также матерью, старшей сестрой или супругой.

Последняя характерная особенность, с которой мы сталкиваемся в начале нового тысячелетия, это то, что мужская и женская дружба начинают все больше походить друг на друга. Мужчины придают большее значение разговорам на личные темы, а женщины перенимают образцы дружбы, которые когда-то были свойственны только муж-

чинам, — например, они встречаются в баре после занятий спортом. Это не означает, что все дружеские отношения постепенно станут совершенно одинаковыми. Скорее, возрастет разнообразие типов как мужской, так и женской дружбы. Мы можем также наблюдать новые проявления физической близости. Недавно в газете сообщалось о том, что двое близких приятелей имеют обыкновение целовать друг друга на вечеринках¹. Хотя это пока и воспринимается как экзотическая редкость, однако говорит о том, что роли полов и дружеские связи постоянно подвергаются незначительным изменениям. Возможно, нас ожидает время, когда вновь пропадет боязнь близости между мужчинами. Знамением времени является также и то, что возникают добрые дружеские отношения между мужчинами и женщинами. «У меня нет лучшей подруги, но у меня много хороших друзей и хороших подруг, — говорит молодая девушка в том же газетном репортаже. — И прежде всего — друзей. Мне кажется, что с мальчиками проще»².

---

¹ Верденс ганг // 2003. 2 нояб.

² Дагбладет от // 2003. 1 февр.

ЕЩЕ О ДРУЖБЕ И БЛАГОЙ ЖИЗНИ

«Самое необходимое в жизни — это дружба, — пишет Аристотель в «Никомаховой этике». — Даже обладающий всеми другими благами жизни не пожелал бы жить без друзей». «Лишить человеческую жизнь дружбы — то же самое, что лишить мир солнца, — пишет Цицерон. — Представь себе, что какой-нибудь бог забрал бы нас из нашей жизни и перенес бы в одинокое место. Там бы у нас было все, что нам нужно, кроме общества других людей. Никто бы не выдержал такой жизни, даже твердый как железо человек».

В течение времени целый ряд философов полагал, что существует взаимосвязь между дружбой и хорошей жизнью. Друзья не просто являются необходимым приложением к такой жизни. Общение с хорошими друзьями является такой формой жизни, которая сама по себе представляет благоую жизнь. Дружба движет жизнью, делает ее богаче

и способствует тому, что мы чувствуем себя более живыми, пишет Элизабет Телфер.

Новые научные исследования также подтверждают наличие взаимосвязи между дружбой и хорошей жизнью. Результаты показали, что дети, у которых много друзей, более уверены в себе, чем остальные. Они более гармонично развиваются и легче ориентируются в жизни. Есть медицинские свидетельства тому, что у взрослых дружба противодействует депрессии. И наше физическое здоровье, похоже, укрепляется благодаря дружбе. Как и витамины, дружба, вероятно, укрепляет иммунитет нашего организма, противостоит болезням и может защитить нас ото всего, начиная с простуды и заканчивая ранней смертью.

Кроме того, мы можем послушать, что большинство людей рассказывает о своей дружбе. Картина, которую они создают в своих рассказах, неизменна: вместе с хорошими друзьями мы чувствуем себя счастливее, чем без них. Когда мы вместе, ежедневные заботы отступают, проблемы, над которыми мы бились в одиночку, уже не кажутся такими серьезными или предстают в ином свете. «Вместе с тобой я всегда чувствую, что получаю дополнительные силы и энергию», — признается молодая женщина своей лучшей подруге в газетном интервью¹.

---

¹ Афтенпостен // 2003. 19 янв.

Другая женщина описывает ежедневные встречи с подругой как священные минуты, которые для нее важнее почти всего остального.

Как всегда, следует быть осторожными, чтобы не впасть в излишнюю восторженность. Дружба приносит не только счастье, она может также явиться источником волнения, ревности и горя, когда, например, находится под угрозой или обрывается. Кроме того, чтобы завести и поддерживать дружбу, требуются время, внимание и энергия. Если друзей слишком много, дружба может принести беспокойство, стресс и усталость. Однако в моем понимании, эти волнения не ставят под сомнение дружбу саму по себе. В глубине души мы знаем, что дружба — это благо. В ней заложена ценность, за которую стоит бороться. Она является важной составной частью хорошей жизни.

СЧАСТЬЕ

Дискуссии философов о хорошей жизни часто были связаны с понятием счастья. Для философов счастье — это нечто большее, чем просто субъективное чувство благоденствия. Платон описывает счастье как внутреннее равновесие. Аристотель особо выделяет счастье, которое появляется, когда мы гармонически развиваем наши способности,

живя вместе с другими людьми, тогда как такие средневековые философы, как Августин, указывают на счастье, которое можно найти в близости к Богу. Американский психолог Абрахам Маслоу напоминает нам об очевидности того, что счастье предполагает удовлетворение наших основных потребностей в питании, безопасности и любви. Но в противоположность тем психологам, которые придают значение исключительно этим потребностям, Маслоу указывает, что кроме того в нас заложено стремление к освоению мира, самовыражению и реализации самих себя. По мнению Маслоу, эти различные потребности и стремления могут быть помещены в такую иерархическую систему, где сначала должны быть удовлетворены потребности более низкого уровня, прежде чем можем перейти к следующему уровню. Например, прежде чем начать исследовать мир и реализовывать самих себя, следует удовлетворить наши основные потребности в еде и безопасности.

На примере маленьких детей мы видим, как исследование окружающего мира приносит спонтанное счастье. Нет ничего интереснее, чем исследовать содержимое ящиков и шкафов или находить что-нибудь странное в живой природе. И кто не наблюдал триумфа в глазах ребенка, когда ему удавалось что-то, над чем он долго

трудился? У взрослого мы можем наблюдать нечто похожее, когда ему удастся заниматься тем, что его интересует больше всего, особенно если ему приходится при этом совершенствоваться или напрягаться, чтобы решить поставленные задачи. Такие люди могут испытать то, что Маслоу называет *peak experience*, или пиковое переживание. Для такого переживания характерно полное погружение в то, чем занимаешься. В этом случае исчезают страхи, застенчивость или защитные реакции, человек чувствует себя сильным и энергичным. Важной чертой таких пиковых переживаний является также то, что они не утомляют так, как другие виды активности. Скорее, они придают новые силы. В этом их отличие от состояния опьянения, которое может напоминать пиковые переживания, но действует разрушительно и оставляет после себя ощущение внутренней пустоты.

Пиковые переживания могут возникать во многих ситуациях. Одни испытывают их, гуляя в горах, другие — слушая музыку или читая книгу. Дети, строящие хижину в лесу, могут испытать его, если с головой уйдут в работу и забудут обо всем на свете. Певческий хор может ощутить это, когда голоса и звуки соединяются в одно целое, а члены рабочего коллектива — когда хорошо идет и продвигается вперед совместное дело.

Если проанализировать то, что рассказывают о дружбе философы и другие люди, мы можем заключить, что общение с друзьями тоже приносит пиковые переживания, мгновения, когда мы чувствуем себя сильными, энергичными и приподнятыми над обыденностью. В романе о семнадцатилетнем Ярле Торе Ренберг описывает в том числе и такой эпизод, когда Ярле во время похода разговорился с Хельге, который на многие годы станет его лучшим другом. Под дождем они идут вдвоем немного позади остальных:

Мы шли часами [...] и говорили взахлеб, не прерываясь, о музыке, фильмах, книгах и политике. Один говорил — «Дэвид Линч», второй говорил — «Джим Джармуш», один говорил — «Достоевский», другой говорил — «Тургенев», как будто наши челюсти были смазаны маслом, как будто мы продолжали мысли друг друга.

Встреча и разговор погружают мальчиков в головокружительное ощущение исключительности ситуации. Они забывают обо всем на свете и часами ходят кругами, прежде чем находят дорогу назад в город. И этот день долго оставался светлым воспоминанием для Ярле.

В наше время материальные потребности не являются первым, о чем мы думаем в связи с дружбой. Это объясняется среди прочего тем, что у большинства из нас есть то, что нужно. Однако если мы присмотримся, то тем не менее увидим много примеров того, что друзья заботятся об удовлетворении материальных потребностей друг друга, считая это естественной частью дружбы. Социолог К. Х. Солано говорит об этом, разделяя потребности, которые удовлетворяются дружбой, на три группы: материальные, когнитивные и эмоциональные. Если друг приглашает тебя на художественную выставку, которая производит на тебя впечатление, это пример того, что дружба действует на нас когнитивно, то есть приносит нам новое знание или изменяет наше восприятие действительности. То, что вместе с другом мы можем испытать чувство глубокого единения, является примером эмоциональной стороны дружбы. Если друг одалживает тебе деньги, когда твой счет в банке пуст, это пример того, что дружба может также способствовать удовлетворению твоих материальных потребностей.

Однажды я одолжил лыжи другу, который задевал куда-то свои собственные во время переезда. Мне самому один друг предлагает воспользоваться его загородным домиком, если я захочу несколько дней побыть в одиночестве в горах. Когда у меня появился собственный сад, один из друзей отвез меня в магазин и помог купить землю и удобрения, а также подарил мне многолетние растения из своего сада. А когда я как-то дочиста опустошил свой банковский счет, мои друзья предложили дать мне займы, пока я не выйду из затруднительного положения. Таким образом, друзья способствуют удовлетворению наших потребностей в материальной сфере. Вспомним и то, сколько чашек кофе было выпито дома у наших друзей, сколько раз они приглашали нас на обед, вспомним автомобильные поездки, в которые они брали нас с собой, и сколько раз мы сами подвозили друзей в аэропорт, одалживали им рабочие инструменты, брали для них книги в библиотеке, покупали заболевшим друзьям продукты или оказывали еще какую-либо помощь.

Из истории нам известно множество примеров того, как друзья помогали друг другу в сложных жизненных ситуациях. Й. Фостер Бил ухаживал за другом Бригхемом Нимсом, когда он заболел. Когда в XIX веке в Копенгагене с Клеменсом Петерсеном случился скандал, то Бьёрнстjerne Бьёрн-

сон позаботился о том, чтобы тот получил деньги и смог уехать в Америку. Позднее Бьернсон также помогал другу материально и заботился о том, чтобы Петерсен получал помощь там, куда приезжал. То, что друзья должны помогать друг другу, является необходимым условием отношений в античных сказаниях о дружбе. У философа Лукиана (125—190 гг. н. э.) мы находим историю о друзьях Деметрии и Антифиле. Во время поездки в Египет Антифил был незаконно обвинен в краже из храма и заключен в тюрьму. Когда Деметрий узнал об этом и получил отказ посетить друга в тюрьме, он сдался властям с просьбой, чтобы его заключили в тюрьму вместе с другом. Позднее была установлена невиновность обоих юношей, и они получили компенсацию за причиненные им страдания. Тогда Деметрий отдал свою часть денег Антифилу и уехал в Индию, чтобы учиться там у брахманов. Он сделал это со спокойным сердцем и чистой совестью, потому как друг больше не нуждался в нем.

Читая историю о Деметрии и Антифиле, мы сталкиваемся с античным представлением об идеальной дружбе, когда друзья делятся друг с другом. В то же время античные философы не скрывают и того факта, что подобная помощь может потенциально угрожать дружбе. Причина заключается в том, что дружба в идеале должна быть

отношениями между равноценными сторонами. Если один друг выступает в роли помощника другому, то эта равнозначность оказывается под угрозой. Тот, кому помогают, оказывается в зависимом положении. В дружбе возникает асимметрия, где одна сторона предстает сильной, а другая — слабой. А можно ли в такой ситуации оставаться равноценными друзьями?

В теории Аристотеля о благой дружбе каждый из друзей считает другого своим вторым я. В рамках такой идеальной дружбы речь идет уже не о том, чтобы давать и получать. Все, чем обладают друзья, в идеале является общим и принадлежит обоим. Но и в теории Аристотеля взаимная помощь является проблемой. Для Аристотеля важно, чтобы каждый участник благой дружбы вступал в эти отношения, будучи самостоятельной и способной о себе позаботиться стороной. Вообще способность позаботиться о себе и независимость являются важными идеалами для Аристотеля. Приняв помощь, пусть даже от друга, можно воспринять это как унижительное напоминание о собственной беспомощности. Это не означает, что хорошие друзья не должны помогать друг другу. Но помощь легко может поставить под угрозу гордость второй стороны. Хотя помощь и оказывается с лучшими намерениями, в ней содержится потенциальный элемент унижения и стыда.

Идеал равноценности сторон выставляет определенные требования к тому, как в такой дружбе разделяются блага. Тот, кто делится с другом, должен позаботиться о том, чтобы не возникло впечатление, будто он делает это, чтобы получить что-то взамен или чтобы выделиться. Он должен сделать это так, будто это самое естественное, что есть на свете. Это должно произойти спонтанно, но в то же время дискретно. Дружба также предполагает, что один друг не требует от другого помощи. Подобное требование создает давление, нарушающее идеальные отношения, при которых друзья должны предоставлять друг другу свободу.

Эпидемия СПИДа, разразившаяся в 80-х годах XX века, для многих придала дружбе новое значение. Вначале болезнь особенно охватила мужчине-гомосексуалистов, живших в больших городах. Некоторые из них порвали с семьей, другие жили одни, а третьи ощущали себя преследуемым меньшинством, у которого натянутые отношения с системой здравоохранения. В отсутствие семьи или партнеров для многих из них друзья стали спасением. И друзья не подвели. Они помогали им закупать еду и ходить к врачам, давали утешение и общение.

Сегодня семья часто представляется социальной основой общества. В семье создаются надежные условия воспитания детей, новым поколениям

передаются важные этические нормы и ценности, в семье также возникают личностные связи, благодаря которым члены семьи заботятся друг о друге и поддерживают друг друга в течение всей жизни. Поэтому в большинстве стран существует семейная политика, задача которой укрепить и защитить семью. И семья, без сомнения, является важным социальным институтом. Она важна в том числе и потому, что в ней осуществляются социальные уход, забота и опека, которые являются лично мотивированными и индивидуально подобранными, с чем никогда не сможет сравниться государственный аппарат помощи и опеки. О своем больном ребенке ты заботаешься не потому, что этого требуют обычаи и традиции. Ты заботаешься о нем, поскольку он тебе не безразличен. Поэтому ты особенно стараешься, чтобы он поскорее выздоровел. И поскольку ты хорошо знаешь своего ребенка, ты можешь так ухаживать за ним, как никто другой вне семьи.

Но семья не единственный подобный институт. История со СПИДом показывает, что дружба может быть той основой для заботы и ухода, которая напоминает заботу и уход, оказываемые друг другу членами семьи. Она показывает, что люди часто очень сильно стараются и прикладывают дополнительные усилия, чтобы оказать помощь тем, кто в этом нуждается. Если помощь оказыва-

ется с должной охотой, щедростью и любовью, которые соответствуют идеальной дружбе, то тот, кому нужна эта помощь, вовсе не обязательно чувствует себя должником. Вместо этого обе стороны воспринимают помощь как нечто положительное, поскольку она сигнализирует о том, что они являются участниками благой дружбы.

БЫТЬ ДОМА

Что касается чувства надежности и безопасности, то речь идет не только о еде, тепле, деньгах и одежде. В широком смысле слова речь идет о том, чтобы чувствовать себя дома в этом мире. Говоря «чувствовать себя дома в этом мире», я имею в виду нечто другое и нечто большее, чем «иметь дом». Речь идет о том, чтобы ощущать себя дома там, где ты есть, о чувстве единения и общности. Некоторые дети растут, не испытывая этого ощущения, хотя у них есть дом и семья. Мне самому повезло. Тем, кто был вокруг меня, я не был безразличен. Но я также испытал и то, что чувство надежности дома может быть и слишком сильным. Мать, отец и хорошо знакомые домашние вещи стали слишком близкими. Будто даже невидимыми из-за того, что я слишком много смотрел на них. Мне нужно было на волю. Мне было необходимо глотнуть свежего воздуха.

Но у меня по-прежнему оставалась потребность в надежности и безопасности. Выходом было найти другие места, где я мог бы чувствовать себя как дома. И мои друзья помогали мне найти дорогу к таким местам. Первое такое место, которое я помню, оказалось домом соседа Метте. Там я так хорошо себя чувствовал, что просто приходил и уходил, когда мне вздумается. Позднее я испытал нечто подобное у Франка и Синдре, двух братьев, с которыми я провел большую часть детства. А их мама была для меня второй матерью. В какой-то период я обедал у них так же часто, как дома.

Помню то чувство, которое возникало у меня каждый раз, когда я приходил вместе с друзьями к ним домой, каково это было — прийти в дом, который был не таким как наш. Мебель, запахи, настроение — все было другим. В этом было что-то освежающее. Не все жили так, как мы, мир был велик! Но лучше всего я помню радость, которую мне приносило то, что я чувствовал себя как дома в чужой атмосфере, радость быть приглашенным и оказаться желанным гостем у других людей. Причем ощущение, о котором я говорю, связано не столько с местами, где я бывал, сколько с людьми, с которыми я общался. На школьном дворе я чувствовал себя хорошо, когда мог быть там вместе с моими лучшими друзьями. Я помню также радость, которую испытал, когда, переехав в Осло

учиться, нашел там друзей. Я приехал в столицу в середине августа, до начала семестра, и первую неделю ходил по городу в одиночестве. Когда начался семестр, я наконец-то встретил кого-то из знакомых. Затем у меня появились и новые знакомства. Теперь жизнь в Осло уже не казалось мне какой-то «другой»!

Позднее я испытал, как с помощью дружбы любое место может превратиться в «дом». Наиболее ярко это, наверное, проявляется в путешествиях. Я помню одного австралийца, с которым познакомился в гостинице во Флоренции. Мы разговаривали, а потом несколько дней вместе бродили по городу. И я вновь почувствовал, как город преобразился. Он больше не был чужим итальянским городом с дворцами и сокровищами искусства. Он стал местом, где я мог гулять бок о бок с другом и чувствовать себя как дома.

Мне кажется, что я могу называть друзьями тех, с кем познакомился подобным образом. Они были моими спутниками в течение нескольких дней. Затем мы разъезжались каждый в свою сторону. Но на это короткое время мы становились друзьями. Нас связывала взаимная симпатия, и мы вместе выбирали эти отношения. Подобный опыт убеждает нас, что хорошей дружбе не обязательно делиться всю жизнь. Иногда достаточно нескольких дней или нескольких часов. Конечно, эти дру-

жеские отношения зависят от того контекста, в котором они возникли. Они подчиняются определенным неписаным правилам, которые не обязательно действуют и дома, например, таким, что они будут длиться только короткое время. Но когда обе стороны принимают эти условия и заключают подобные дружеские отношения, для них характерно многое из того, что отличает более длительную дружбу. И так же как длительная дружба, они многое могут дать человеку, например чувство единения.

Тоска, вызванная разлукой и большими географическими расстояниями между друзьями, которую мы находим в дружеской переписке на рубеже XVIII и XIX веков и ранее, показывает нам силу этого ощущения «дома», о котором мы говорили, и о том, как может быть больно, когда это ощущение исчезает. Вероятно, потребность в единении и общности является одной из основных, наряду с потребностями в воздухе, еде и питье. Дети, пережившие одиночество и изоляцию, могут испытывать огромную ярость, которая выливается в желании все разрушать или мучить тех, кто меньше и слабее. У взрослого это может вызвать ощущение того, что не стоит жить. В конечном счете речь идет именно об этом — чувствовать, что жить стоит, потому что ты там, где тебя замечают, где ты что-то значишь, где ты являешься частью чего-то

большого, где тебе есть место и где ты можешь сказать: «Это мое». Возможно, не случайно, что когда греческое слово *philos*, означающее «друг», использовали как прилагательное, то оно могло также означать нечто среднее между «мой дорогой» и «мой собственный» в более общем смысле.

Одиночество не обязательно является чем-то негативным. Подчас именно в одиночестве наши впечатления приобретают особенную интенсивность, и мы испытываем особое чувство «присутствия здесь и сейчас». Мне вспоминается прогулка в горах, которую я предпринял самостоятельно, ужас, охвативший меня, когда стемнело, как я лежал в палатке один посреди огромной горной равнины и чувствовал, будто у меня нет кожи, но в то же время улавливал малейший звук и малейшее движение вокруг меня. Это пугало меня, но одновременно и восхищало. Иногда полезно предпринять что-нибудь самому, независимо от других. Не имея подобного опыта, я бы многое упустил. В то же время я испытываю страх перед одиночеством. Одна из самых страшных вещей — когда тебя не замечают. Если никто не видит меня, то кто я тогда?

Лучше хоть раз быть кем-то замеченным, чем никогда не узнать этого. Исследования показали, что люди, у которых однажды были друзья, могут жить воспоминаниями еще долго после того, как друзей не стало. Знать, что у тебя однажды был

друг, который ценил тебя и считался с тобой, дает долговременный эффект в том смысле, что какая-то часть благотворного воздействия дружбы продолжает существовать до тех пор, пока дружба жива в памяти.

ПРИКЛЮЧЕНИЯ

Дружба дает нам ощущение надежности и безопасности, но она также может быть ключом к приключениям.

В детстве я обладал большей свободой, чем большинство моих сверстников. Мы жили за городом в окружении крестьянских усадеб и загородных домов. В начале 60-х годов дорожное движение не было еще таким оживленным, и я мог бродить по округе, как вздумается. Когда у меня появился первый велосипед и радиус моих прогулок увеличился, мне также предоставили свободу передвижения. Особенно вспоминается велосипедная поездка, предпринятая вместе с соседским мальчиком. Он был на год старше меня, выше и крепче. Возможно, именно поэтому поездка длилась гораздо дольше, чем я предполагал. Мы доехали до реки, протекавшей довольно далеко от дома. На обратном пути нас застала темнота, и луна поднялась над горизонтом. Вокруг луны было кольцо,

и мой друг рассказал мне, что это кольцо имеет особенное значение: оно заставляет вампиров и волков-оборотней вылезать из своих убежищ. Я испугался не на шутку, даже мурашки побежали по спине. В то же время благодаря присутствию друга я все же чувствовал себя в безопасности. Только вернувшись домой, я осознал, как волновалась за меня моя мама. Но ее мягкие увещевания не нанесли урон тем трепетным чувствам, которые вызвала у меня эта прогулка. Я не просто прокатился на велосипеде. Я словно совершил экспедицию в места, где раньше не бывал. В моей шестилетней жизни подобного приключения еще не было. И его подарил мне мой друг. Без него я бы никогда не осмелился отправиться в такую поездку.

Друзья открывают нам дорогу приключений, поскольку вместе с ними мы решаемся на то, что не отваживаемся предпринять в одиночку. С друзьями мы не боимся поехать в далекие страны, отправиться в горы или посетить прокуренные бары на сомнительных улицах чужих городов. Чего мы боимся и в чем нам нужна поддержка — может варьироваться. Лично я всегда испытывал некоторый страх перед незнакомыми барами и пивными. Есть что-то неприятное во встречающих меня взглядах — реальное или воображаемое, — когда я захожу внутрь; беспощадные взгляды незнакомцев, осматривающих тебя с ног до головы, пугают.

Но если я вместе с другом, эти взгляды теряют свою силу. Когда рядом друг, я больше не жертва. Я — открыватель.

Таким образом, друзья помогают нам познавать мир. Впрочем, открытия не обязательно должны быть связаны с поездками и путешествиями в прямом смысле. Друзья заставляют нас делать новые открытия посредством своих интересов, которые часто отличаются от наших собственных и которые порой вдохновляют нас на исследование новых областей. В университете я год изучал математику, поскольку ею увлекся мой друг. Благодаря другому другу, любившему джаз, я познакомился с этим музыкальным жанром, который раньше не воспринимал. Так друзья помогают нам заметить многообразие мест и феноменов, из которых состоит действительность. Они вдохновляют нас на маленькие и большие открытия, на маленькие и большие приключения, на очень многое — от прочтения книги до кругосветного путешествия.

В очень простом, но и очень важном смысле друзья открывают нам мир в силу того, что они отличаются от нас, что они родом из других мест, происходят из других семей и растут при других обстоятельствах. Я вспоминаю Андерса, который рос в религиозной среде молельного дома на юго-западе Норвегии. Я не помню точно, какого рода предрассудки у меня были против этой среды до

того, как я познакомился с ним, но им был брошен мощный вызов, когда мы общались с Андерсом. Встречаясь с чем-то отличным от нашего опыта, мы замечаем это новое или видим его в новом свете.

Не только друзья заставляют нас искать новые пути или делать новые открытия. Многое вдохновляет нас и руководит нами. Но есть что-то особенное в том, как вдохновляют нас друзья. Во-первых, непредсказуемость: начиная с кем-то дружить, мы редко осведомлены обо всех интересах этого человека. И хотя мы часто выбираем себе друзей, которые, как мы думаем, похожи на нас, в них можно обнаружить много неожиданного. Дружба делает нас более открытыми к неизвестному. Симпатия и благорасположение, которые мы испытываем к другу, распространяются также на то, чем он интересуется. Если нам изначально и не нравилась музыка в стиле кантри, то мы, возможно, станем слушать ее с большим интересом, если узнаем, что наш друг является ее горячим поклонником. И не так-то легко категорически отвергнуть какую-либо религию, идеологию или направление в культуре, если выясняется, что друг имеет к ним отношение, хотя нам и чуждо это.

Говоря о том, что друзья превращают окружающий мир в приключение, мы приближаемся к понятию Маслоу о пиковых переживаниях, когда человек погружается в приключения с головой,

не испытывая страха или стеснения. Он чувствует себя сильным и полным энергии. Таким я почувствовал себя, когда ребенком вернулся домой после той долгой велосипедной прогулки. Разумеется, я был утомлен после сильного напряжения, но в то же время меня переполняла новая энергия.

Хорошая дружба может сама по себе быть приключением, независимо от того, где и что ты делаешь. Поэтому нет необходимости гоняться за приключениями, когда мы вместе с друзьями. Они сами найдут нас. «Настоящая дружба всегда является приключением, исследованием жизненных мистерий», — пишет Альберони. И это испытало большинство из нас. Не всегда и не со всеми друзьями, но иногда. Это может быть приключение, связанное с разговором, открывшим перед нами новые перспективы. Это могут быть волшебные мгновения, которые возникают сами по себе. Или это может выразиться в том, что мы обнаруживаем или развиваем в самих себе новые стороны.

ИДЕНТИЧНОСТЬ ЛИЧНОСТИ

Чтобы жить хорошо, важно знать, кто ты есть. Неясное или недостаточное понимание самого себя может в некоторых случаях быть источни-

ком психического расстройства. Поэтому, обсуждая хорошую жизнь, мы должны затронуть и тему самоидентичности.

Идентичность — это те качества, которые характеризуют тебя. Я, например, мужчина, в момент написания книги сорока с небольшим лет, норвежец, среднего роста, с университетским образованием, говорю на восточнонорвежском диалекте. Важные стороны личной идентичности даются при рождении и во время первых лет жизни: имеет значение факт рождения в определенном месте и в определенной культуре, определенные биологические признаки и наследственные факторы. На формирование личности воздействует также собственный выбор.

Часто утверждается, что наибольшее влияние на формирование нашей личности оказывают родители. Несомненно, их роль крайне важна. Тем не менее может стать, что влияние друзей отнюдь не менее важно. Мы видели, как друзья могут вдохновить нас на исследование новых сторон действительности. Благодаря им мы начинаем интересоваться чем-то новым, и таким образом они формируют нас. Но они влияют на нас и по-другому. Иногда превращение оказывается драматичным. В романе Туре Ренберга о Ярле герой размышляет о том, как изменила его встреча с лучшим другом — с Хельге:

Хельге вряд ли знал, что он делал со мной, когда мы в тот день шли через Йэрен. Для Хельге систематическое движение протеста было привычным, он с этим вырос.

Во время этой прогулки взгляд Ярле на мир основательно меняется:

До этого дня у меня было смутное представление о том, во что я верил, но после нескольких часов прогулки по горным тропам я был вновь обращенным коммунистом/анархистом.

Ренберг рассказывает здесь об основательном изменении взглядов, вызванном другом. Подобные драматичные события не должны затмевать более мелкие, но оттого не менее значительные изменения, которым мы подвергаемся, общаясь с друзьями. Я помню, как однажды заметил, что подражаю речи одного своего хорошего друга. У него было несколько характерных выражений, которые я перенимал.

Мы подвергаемся влиянию всех, кто нас окружает. Мы становимся людьми, подражая окружающим, копируя и перенимая их жесты, речь, ми-мику и способ действий. В том, что мы так легко подражаем окружению, так или иначе заключается некоторого рода несвобода. Но в этом

влиянии есть также и элемент свободы. Поскольку друзей мы выбираем сами, то мы таким образом выбираем тех, кому мы позволим оказывать на нас влияние. Я сам решаю, хочу ли я общаться с этим человеком, хочу ли я подвергнуться его влиянию. Я хочу этого, потому что этот человек мой друг.

Находясь вместе с моими друзьями, я обращаю внимание на то, как по-разному веду себя в зависимости от того, в чьем обществе я нахожусь. С одним я мягок и мил, с другим — остроумен и ироничен, третий дает мне возможность вести себя спокойно и обдуманно, а четвертый вызывает желание смеяться и шутить. С каждым новым другом я проявляю новую сторону самого себя. Что заставляет нас меняться в зависимости от того, с кем мы находимся? И действительно ли мы меняемся или изменяется только наше восприятие самих себя? Думаю, и то, и другое. Ощущение изменения частично объясняется тем, что мы сравниваем себя с другими. Рядом с низким человеком чувствуем себя высокими, а с тем, кто много и взволнованно говорит, чувствуем себя спокойными и уравновешенными. Говорящий на другом диалекте обращает наше внимание на то, как мы сами говорим, а человек жадный может дать нам почувствовать себя великодушными и щедрыми. В этих случаях меняется наше восприятие самих себя, а не мы сами. Но это очень важно. Нам не-

обходимо сравнивать себя с другими, чтобы понять, кто мы. Нам необходимо сравнивать себя с другими, чтобы осознать собственные качества. Но в общении с другими людьми изменяется не только наше восприятие самих себя. Мы действительно меняемся. Каждый человек пробуждает во мне что-то, а то, что во мне пробуждается, — варьируется от человека к человеку. Варьируется и то, как это происходит. Иногда мы идем на встречу другому человеку, открываемся ему и даем наполнить себя тем, кто он есть. Друг может обладать заразительно хорошим настроением, которое и нас приводит в прекрасное расположение духа, когда мы вместе с ним. Иногда это пробуждение более существенно. Друг, обладающий интеллектуальной любознательностью, может и в нас пробудить подобное любопытство. То же касается и друга, обладающего способностью радоваться природе. Боязливый друг может пробудить в нас способность утешать или защищать, а друг азартный — желание играть.

Все наши друзья, вместе взятые, способствуют тому, что мы становимся духовно более богатыми, более яркими и разносторонними личностями. Это обогащает наше восприятие самих себя. У нас появляется больше возможностей взаимодействия с другими людьми. Это тоже относится к хорошей и благой жизни.

Развивать свою личную идентичность можно только вместе с другими людьми. Как замечает еврейский философ Мартин Бубер в своем произведении «Я и ты», когда мы находимся лицом к лицу с другим человеком, с нами что-то происходит. Когда мы встречаемся взглядом с другим человеком, с нами происходит что-то, чего мы не можем в той же мере испытать при виде дерева, камня или ландшафта. Это не означает, что нас не затрагивают прочие ситуации или что вид красивой природы никак не воздействует на нас. Бубер даже пишет о том, что в редких случаях человек может быть с природой на «ты». Кроме того, религиозный человек способен достичь близких отношений с Богом. Но тем не менее, для большинства людей и в большинстве ситуаций, именно в отношениях с другим человеком возникает осознание своего «я» и осознание себя как уникального индивида.

По мнению Бубера, это универсальный феномен. Он может возникать каждый раз, когда мы оказываемся лицом к лицу с другим человеком. И я думаю, что это действительно так. Но все-таки чаще и в более сильной форме это происходит, когда мы находимся вместе с теми, кто нам близок, например с нашими друзьями. Это связано не

только с взаимной симпатией друзей, свободой, которую они предоставляют друг другу, и признанием их друг другом. Это объясняется еще и тем, что дружба — это отношения, при которых люди особенным образом встречаются как индивиды. Встречаясь с другом, мы видим его не в роли матери, отца, учительницы, врача или соседки. Все эти роли, которые мы обычно исполняем и которые присущи другим, оказываются в данный момент не столь важны.

Меня не раз поражало, как сложно порой ребенку узнать своих родителей, я имею в виду узнать по-настоящему — так, как он знает своих друзей. И наоборот. В какой-то момент родители теряют способность видеть новые стороны в своих детях. Даже когда Пер становится взрослым, для своей матери он остается «маленьким Пером». Таким же образом иногда сложно разглядеть, кто на самом деле сидит за письменным столом во врачебном кабинете или стоит за учительской кафедрой в школе. Мы видим только врача и учителя, а не самих людей, которые выступают в этих ролях. Вероятно, мы удивимся, встретив врача на боулинге или учителя на концерте. Кто бы мог подумать, что они этим интересуются?

Друг видит в тебе не представителя профессиональной группы или исполнителя определенной роли. Он видит в тебе индивида — уникального

и единственного в своем роде человека. Возможно, ты нравишься ему своей добротой и чувством юмора, поскольку он питает склонность к людям, обладающим этими качествами. И тем не менее он выбирает тебя в друзья не потому, что ты случайно оказался именно таким, при том что он мог бы выбрать любого другого человека с такими же качествами. Он выбирает тебя, поскольку ему нравишься именно ты. Ему понравились твоя особая доброта и твой особенный юмор.

Поэтому сложно найти ситуацию, которая могла бы подтвердить твою уникальную индивидуальность так, как это возможно в дружбе, пишет Элизабет Телфер. Хороший друг всегда особенным образом видит в тебе уникальную личность. И он будет любить тебя за то, кем ты являешься. Каждый хочет, чтобы его любили таким, какой он есть, независимо от всего остального, пишет Франческо Альберони: «Он хочет, чтобы весь мир отложил все в сторону ради него». В этом заключается абсолютное подтверждение собственной ценности и идентичности. И благодаря хорошему другу человек может и пытаться нечто подобное. «Быть другом означает, что тебя любят больше, чем остальных, и предпочитают всем остальным», — пишет Альберони.

Причина того, что друзьям легче, чем кому бы то ни было, признать в нас личность, кроется

также в той свободе, которая отличает отношения друзей. Одно из неписаных правил дружбы — это то, что друзья свободны в выборе. Нашим родителям, братьям, сестрам и другим членам семьи не всегда так же легко дать нам подобную свободу. Наш выбор касается их в большей степени. Поэтому они обсуждают с нами наш выбор, пытаются влиять на него, порой даже при помощи давления. Решение друга уволиться с работы, чтобы поехать в кругосветное путешествие, не вызовет такой реакции, какую бы вызвало подобное решение со стороны мужа или жены. Даже хобби спутника или спутницы жизни может оказаться угрозой, если оно будет осуществляться за счет времени, которое, по твоему мнению, ему или ей следовало бы потратить на тебя, семью или дом.

В дружбе человек так не связан, а если и связан, то иначе. Ты наверняка будешь переживать, если твой хороший друг решит переехать жить в другую часть земного шара. Но тебе не придет в голову просить его остаться только потому, что ты этого хочешь. Поскольку ты желаешь другу всего самого лучшего, ты пожелаешь ему счастья и попытаешься порадоваться за него — во всяком случае, этого требуют идеальные представления о дружбе. А по поводу менее разительных перемен у тебя будет еще меньше сомнений. Как друг

хочет жить, какую карьеру выбирает, с какими людьми общается — все это для тебя не столь важно до тех пор, пока это не мешает дружбе, поскольку дружба не связана с работой, доходом и т. п. Она связана с самим другом и с тем, что друг идет тебе навстречу.

Все это означает, что наши отношения с друзьями свободнее, чем отношения с супругами и семьей. Поэтому так много людей покидает тех, с кем они вместе живут, довольствуясь поддержкой и пониманием друзей. Поэтому так много людей чувствует, что вместе с друзьями они могут быть самими собой в такой мере, в какой им не удавалось этого в семье. У любимых или супругов есть требования и ожидания. И в некоторой степени так и должно быть. Отношения внутри супружеской пары, как и другие подобные отношения, строятся на взаимных обязательствах. Если одна из сторон чувствует, что обязательства не выполняются, возникает и возможность разочарования. Правда, дружба вовсе не лишена таких обязывающих «пут». И по поводу друга у нас могут быть ожидания, которые не всегда оправдываются и вызывают такое же разочарование. И на друга мы можем оказывать давление ради того, чтобы оправдались наши ожидания. Но такое давление возникает реже, и, как правило, оно не такое сильное.

В нашей части мира мы воспринимаем этику как свод строгих и незыблемых предписаний и запретов, распространяющихся на всех, вне зависимости от желаний и потребностей отдельного человека. В этом мы подвержены влиянию христианства, столетиями проповедуемого нам с церковных амвонов. Но в конечном счете большинство основных этических понятий базируются на идее о благой жизни. В древнегреческой этике, а также по большей части и в более поздней философской этической мысли эта связь четко формулируется. Этика — это учение о том, как вместе с другими людьми мы можем достичь благой жизни. И для многих философов это самый важный философский вопрос. Многие утверждают, что сознательное или бессознательное желание достичь благой жизни лежит также в основе всего, что мы делаем. Так, среди прочих Аристотель утверждает, что за каждым нашим выбором кроется идея о том, что этот выбор является очередным шагом на пути к благой жизни. Когда мы делаем что-то, мы делаем это потому, что думаем, что это хорошо для нас сейчас или что это принесет нам благо позже. Но мы не всегда правы. Ведь возможно, что

благо, к которому мы стремимся, только кажется нам таковым. Поэтому благая жизнь предполагает, что мы активно и открыто размышляем над тем, что делаем. Как лучше поступить в той ситуации, в которой я нахожусь? Вероятно, я мог бы предпринять нечто лучшее, чем то, что делаю сейчас?

Мне вспоминается один давний разговор с другом об отношениях внутри пары и о верности. Что, собственно, значит — быть верным своему партнеру? И я не единственный, кто вместе с друзьями размышлял об этических вопросах. Исследование Марианне Гюллестад, в котором участвовали женщины пригорода Бергена, показало, что они часто обсуждают проблемы совместной жизни и прочие дилеммы. Беседы помогают женщинам вырабатывать общее понимание того, каким образом лучше всего справляться с житейскими проблемами. Другие исследования подтверждают, что нечто похожее происходит в молодежных экстремистских группировках. Хотя подобная молодежь и предстает мятежной и оппозиционно настроенной по отношению к обществу, у нее есть четкие представления о том, что является правильным или неправильным, которыми она руководствуется, когда возникает необходимость, — например, когда кто-нибудь нарушает нормы, установленные внутри этой группы. Этот процесс, в свою очередь, вызывает в группе дискуссию о примене-

нии существующих норм, в ходе которой правила подвергаются критической оценке, рассматриваются со всех сторон, на них нападают или их защищают.

В наихудшем проявлении подобная деятельность может приобрести форму ограниченного, подавляющего социального контроля, ударяющего по всем, кто пытается идти своим собственным путем. В ходе истории эта форма контроля среди прочих задевала девушек, позволивших себе более свободное поведение, чем это предусматривала сексуальная мораль их времени. Но внимание группы людей к этическим вопросам может выполнять и позитивную функцию, явившись форумом для дискуссий и осознания проблем. Возможно, именно о таких дискуссиях думал философ Дэвид Юм (1711—1776), когда подчеркивал, как важно обсуждать использование этических норм с другими людьми. Эта мысль возникает также в современной этике, например у немецкого философа Юргена Хабермаса. Причина необходимости таких дискуссий в том, что моральные правила редко используются напрямую. Их нужно толковать и рассматривать в связи с конкретной ситуацией, в которой они применяются. Не всегда легко решить, как нам лучше поступить. Но, может быть, решение найдется в беседе с другом?

Как указывал Аристотель, общение с друзьями может положительно повлиять на наше восприятие жизни и без разговоров об этом. Как это происходит с нами с самого раннего детства, объясняет современная детская психология. Дружба с ровесниками играет незаменимую роль в процессе этического становления личности ребенка. Например, именно отношения с ровесниками учат детей воспринимать других людей как равноценных себе. Идея о равноценности является опорным пунктом современной этики. И целый ряд мыслителей, от Джона Локка (1632—1704) до Иммануила Канта (1724—1804), давали этой идее философское обоснование. Но одно дело — как идея о равноценности обосновывается, и совсем другое — как она возникает, то есть как мы ее усваиваем. Именно на этот вопрос дают ответ психологи: она возникает у детей при встрече с ровесниками и особенно в отношениях с друзьями.

Маленькие дети эгоцентричны. Они не умеют отделять свою собственную перспективу от перспективы других людей. Этот навык приобретается ими постепенно, в том числе и в играх детей друг с другом. Чтобы игра получилась, каждый отдельно взятый ребенок вынужден преступить пределы своей собственной ограниченной перспективы и присоединиться к обществу других детей. Позднее дети становятся более покладистыми.

Особенно при общении с лучшим другом у них развивается умение считаться с другим человеком.

Опыт равноценных отношений можно приобрести только в общении с кем-то, кто действительно находится на одном с тобой уровне. Этот опыт не может появиться в отношениях детей с родителями, поскольку они строятся на принципе силы и слабости, а не равноценности. Это одна из причин того, почему так важно для маленьких детей общаться со сверстниками. Это общение учит их не только выходить за пределы своей ограниченной перспективы и соотносить свои соображения и интересы с соображениями и интересами других. В этом общении они также приобретают и другие важные социальные навыки, например умение мирно разрешить конфликтную ситуацию.

«Лучшие друзья не только находят друг у друга признание, но и оказывают друг на друга влияние, — говорит психолог Лив Метте Гюльбрандсен из университета в Осло. — Им важно прийти к согласию, и это согласие достигается осторожным приближением. Они приспособливаются друг к другу»¹.

---

¹ Дагбладет // 2003. 1 февр.

ВСТРЕЧАТЬСЯ КАК ДРУЗЬЯ

Если ты научился подобным образом относиться к другим людям, ты также можешь кое-что почерпнуть в дружеских отношениях. Мысль о том, что в этических действиях мы руководствуемся идеалами, или так называемыми парадигмами, восходит к Античности. Мы используем что-то нам знакомое в качестве образца, который мы пытаемся применить в схожих ситуациях. В связи с религией речь часто идет о том, что верующий должен копировать поведение основателя религии. Например, Иисус Христос является для христианина жизненным идеалом, которому следует подражать. В обыденной жизни образцами нравственности нам могут служить люди, которых мы почитаем. Или мы можем использовать в этих целях наш собственный жизненный опыт, например опыт дружбы. Таким образом, дружба может стать парадигмой нравственного поведения. «В рамках дружбы мы обращаемся друг с другом так, как всем людям следовало бы обращаться друг с другом», — пишет Альберони.

Использование дружбы в качестве парадигмы не означает, что мы должны пытаться превратить все наши отношения в дружеские. Это означает, что в

разных случаях мы можем привносить отдельные элементы дружбы в актуальную ситуацию. Возьмем, например, дружелюбие. Общение с друзьями научило нас, что к другим людям следует относиться дружелюбно. Среди прочего это означает, что мы улыбаемся другому человеку при встрече, избегаем ненужных конфронтаций, пытаемся истолковывать действия другого в наилучшем смысле и стараемся помогать, в чем можем. Использование опыта дружбы в качестве этической модели может просто-напросто заключаться в том, чтобы перенести это дружелюбие и в другие обстоятельства. В некоторых случаях мы можем подключить и наш опыт равноценности, известный нам по дружбе. Для многих ролей, в которых мы выступаем в жизни, изначально не характерны отношения равноценности. Например, в отношениях эксперта и неэксперта те знания, которыми обладает одна сторона, являются потенциальным источником ее власти над другой стороной. Другим примером могут служить отношения между государственным служащим и теми людьми, с которыми он контактирует в силу своей профессии. Кто не чувствовал себя маленьким человеком, соприкасаясь с делопроизводителем районной управы, таможенником или банковским служащим? Равноценность сторон, известная нам по дружбе, может быть противопоставлена той разнице во власти

и влиянии, которая заключена в этих отношениях, и может также вдохновить стороны на заключение более равноправного партнерства. Дружба может показать, как на практике установить отношения равноценности.

Третья область, в которой дружба может послужить моделью, это наш разговор. У хороших друзей особая манера беседовать друг с другом, отличающаяся взаимной заинтересованностью и защищенностью участников беседы. Разговаривая с другом, мы не пытаемся завести его в тупик или поставить в неловкое положение. Мы разговариваем с другом не для того, чтобы научить его чему-то, а чтобы способствовать нашему общему пониманию чего-то или чтобы вместе с ним проверить правильность своей мысли. «Это может быть так? Подходит ли это? Или здесь что-то не так?» Дружеский разговор отличается также особой формой прямоты и искренности. Всем этим человек может в большей или меньшей степени воспользоваться и в других жизненных ситуациях.

Понятие, которое пригодится нам здесь, это понятие Майкла Полани¹ о *молчаливом знании*. Понятие относится к приобретенным нами навыкам, которые мы используем бессознательно и которые

---

¹ Майкл Полани (1891–1976) – английский физик, химик и философ венгерского происхождения, представитель постпозитивизма.

мы редко способны описать словами. Примером могут послужить навыки езды на велосипеде по городским улицам с оживленным транспортным движением. Мы управляем велосипедом в потоке машин, поворачиваем, когда это необходимо, ритмично крутим педали, держим равновесие и благополучно добираемся до цели, ни секунды не задумываясь над своими действиями. Мы можем в это время думать об обеде, который ждет нас дома, или о том, куда поехать в отпуск. В дружеских отношениях мы приобретаем огромное количество молчаливого знания о позитивном человеческом общении. Наверное, невозможно точно выразить словами, что это означает. Но так как это навыки, которыми в буквальном смысле слова обладает наше тело, мы тем не менее можем пользоваться ими и переносить их в другие ситуации.

Это означает, что людям, у которых никогда не было настоящих хороших друзей, недостает одного очень важного знания. Это знание не только о том, как общаться с друзьями, но и о том, как позитивно общаться с людьми и в более широком смысле. Люди, не обладающие этим молчаливым знанием, будут, конечно, вести себя этично. Они также могут обладать сильным нравственным сознанием с четкими представлениями о правильном и неправильном. Но существует опасность того, что недостаток этого молчаливого знания

негативно отразится на той этической системе, к которой они себя относят. Возможно, у них нет опыта благожелательных отношений между равноценными друг другу людьми, принимающими друг друга такими, какие они есть. Тогда им сложно установить подобные отношения с коллегами или другими людьми, с которыми они ежедневно встречаются. Они оказываются в ситуации людей, не умеющих кататься на велосипеде, которых все же просят прокатиться на нем. Однако их тело не обладает требуемыми навыками. И тогда они, скорее всего, будут восприниматься окружающими как поборники строгой морали, для которой характерны критика и осуждение. Их этика будет жесткой и бескомпромиссной, ей будет не доставать великодушия и умения прощать, которые существуют в отношениях друзей.

ОБЩЕСТВО ДРУЗЕЙ

Последние сто лет в нашей части мира наблюдается процесс, в котором дружба во все большей степени становится моделью, на которую мы ориентируемся не только в частной, но и в общественной жизни. Если раньше поведение людей определялось скорее их общественной ролью и статусом, а традиции и обычаи устанавливали

границы того, что можно говорить и делать, то теперь мы все чаще обращаемся друг с другом как с друзьями на рабочем месте, в школе или в семье. Общество претерпело процесс, который мы могли бы назвать одружелюбливанием.

Под Рождество норвежское телевидение вот уже много лет показывает фильм «Тетя Пусе», действие которого происходит в XIX веке в семье крупного государственного чиновника. И каждый раз мне кажется чем-то экзотическим, когда я вижу, как дети в фильме делают реверансы и кланяются родственникам, приходящим в гости, и как они вежливы по отношению к родителям. Сегодня родители и дети в большей мере являются друзьями и товарищами друг другу. Этот процесс одружелюбления влияет также и на наше поведение в общественных местах с посторонними людьми. Несколько лет назад в США меня поразило, что любой человек мог обратиться ко мне так, будто мы старые друзья. Вспоминаю, как однажды в супермаркете я стоял в очереди в кассу с тележкой с продуктами и как люди вокруг меня начали комментировать мои покупки так, будто мы знакомы с ними всю жизнь.

Что касается отношений на работе, то Норвегия часто считается страной, где ярко проявляется идеал равенства. Люди из других стран часто реагируют на то, что они воспринимают как

отсутствие четкой иерархии и структуры власти. Их приводит в замешательство то, что начальник — это обычный человек в будничной одежде, неформально обсуждающий проблемы с рядовыми сотрудниками. Это объясняется тем, что норвежская культура в большей степени, чем другие, издавна была культурой равенства с незначительными классовыми различиями. Кроме того, это связано еще и с тем, что общество становится все более дружелюбным. Мы обращаемся друг с другом, словно мы друзья, поскольку модель дружбы так сильна сегодня.

Американский философ и культуролог Ричард Сеннет предостерегает от такого развития, при котором стираются границы между частной и общественной жизнью. Он призывает сохранить старые формы вежливости, считая их некоторой формой защиты, к которой можно прибегнуть в общественной жизни и которая делает нас менее ранимыми и помогает нам сохранить самих себя. Человеку легче сохранить свою индивидуальность, не показывая каждому встречному свой внутренний мир, утверждает он. И вполне вероятно, он прав. Возможно, этот процесс, делающий общество все более дружелюбным, не только позитивен. Харальд Лемке нападает на идею общества, основанного на дружбе, с другой стороны. Мысль о том, что все будут обращаться друг с другом как

с друзьями, ложна, потому что она противоречит основополагающей идее о том, что такое друг, утверждает он. Друг — это тот, кого я сам выбираю в друзья. У меня есть свобода выбора в том, хочу я с кем-то дружить или нет. Именно эта свобода является неотъемлемой частью дружбы. Это означает, что у меня также есть право не обращаться с другими людьми, как с друзьями.

Подобное предостережение, конечно, имеет смысл, однако я тем не менее убежден, что дружба является важной моделью этического сосуществования людей. Как я уже говорил, это не означает, что мы должны пытаться подружиться со всеми. Но если эту модель использовать с умом и пониманием, мы убедимся в ее значительной ценности. Это не означает, что мы будем делиться нашими сокровенными тайнами с посторонними людьми на улице. Однако отдельные проявления дружбы мы можем с пользой для себя перенести и на улицу, и в другие места. А именно: готовность дружелюбно, благосклонно и великодушно относиться к другим людям, считать их равноценными себе, прислушиваться к их мнению и не пытаться манипулировать ими. Социологическое исследование дружеских отношений на рабочем месте показало, что дружба между коллегами по работе способствует более легкому разрешению конфликтов. Если «одружелюбливание» общества

будет происходить подобным образом, то я не боюсь за неудачные последствия. Напротив, я думаю, что то развитие, которое мы до сих пор наблюдали в этой области, способствовало тому, что мир стал лучше. И таким образом, дружба также способствует созиданию благой жизни.

ДОБРАЯ БЕСЕДА

Разговоры между друзьями могут содержать в себе всё, начиная с будничной болтовни и безобидных сплетен до серьезных бесед о жизни. Разговор может выполнять много разных функций. Он может быть средством создания ощущения надежности и общности. Он может быть только развлечением. Он может повлиять на формирование нашей личности и нашего самосознания. И он может быть обсуждением и изучением больших и серьезных вопросов. Иногда дружеский разговор может быть всем этим вместе взятым.

Так же как иногда мы можем забыть, как важна дружба, мы иногда забываем или недооцениваем, как важна беседа. Порой нам кажется, что мы участвуем в разговорах, когда больше нечего делать, что разговоры — это нечто, чем мы занимаемся, чтобы просто провести время. И возможно, это особенно касается разговоров с друзьями.

«Что вы делали вчера вечером? Мы всего лишь сидели и разговаривали». Словосочетание «всего лишь» разоблачает нас. Оно сигнализирует о том, что разговор для нас значит меньше, чем другие занятия. Некоторые разговоры, разумеется, представляются нам важнее, чем другие. Например, когда мы обсуждаем служебные дела или проблемы в жилищном кооперативе. Политическая и профессиональная дискуссия тоже может считаться важной и значительной. А как же обычный дружеский разговор?

Пылким защитником дружеской беседы был английский философ Фрэнсис Бэкон (1561—1626). Он сравнивал дружеский разговор с лекарством, очищающим и исцеляющим нас. Впервые, он дает возможность отвлечься от мучающих нас переживаний. «Ничто так не облегчает душу, как разговор с хорошими друзьями, которым ты можешь доверить свои радости и печали, свои страхи и подозрения, а также все, что есть у тебя на сердце», — пишет он. К тому же разговор положительно влияет на интеллект: «Так же как он обращает сумбур и бурю чувств в ясную погоду и покой на душе, он убирает тьму и хаос из наших мыслей и освещает ясным дневным светом наше сознание». Речь здесь идет не о том, что друг дает советы, хотя и это может быть полезным. Речь в основном идет о проясняющем действии бесе-

ды как таковой. Произнося вслух то, что нам не совсем ясно, мы приводим мысли в порядок. Как будто при помощи речи «мы выкладываем наши мысли перед собой, чтобы лучше их видеть, подобно тому как узор на ковре становится заметным только после того, как мы разворачиваем его на полу», — пишет Бэкон. Поэтому часовой разговор с другом лучше, чем целый день размышлений в одиночестве.

«Рассказывать означает думать вслух», — пишет Альберони. А выслушивающий нас друг — избавитель или даже исповедник, он вдохновляет нас на честный и объективный поиск. Мы сами оцениваем свои мысли и самостоятельно находим выход. Когда друг рассказывает нам о своем опыте, он делает это не потому, что хочет управлять нами. Он просто хочет дать нам информацию, которую мы можем использовать для решения своих проблем. Так что не удивительно, что Цицерону в разлуке с Аттиком больше всего не хватает их разговоров: «Теперь, когда тебя нет рядом, я скучаю не только по твоим добрым советам, но прежде всего по разговорам с тобой, которые являются для меня наибольшим источником радости в наших отношениях».

Дружеский разговор так хорош потому, что мы можем положиться на друга. В ситуациях с другими людьми мы часто не все высказываем вслух,

опасаясь того, что о нас подумают. И сознательно или бессознательно мы пытаемся высказать только то, что будет способствовать созданию нашего благоприятного образа. Это означает, что некоторые темы никогда бы не обсуждались, если бы у нас не было друзей. И дело не только в нашей собственной боязни или слабости. Дело еще и в тех наших мыслях и взглядах, в которых мы боимся признаться, потому что не знаем, как люди будут на них реагировать. «В нас всех есть глубокое стремление открыться и испытать чувство нераздельной общности, и подобная общность очень важна, поскольку только через нее мы можем попробовать высказать и при необходимости откорректировать наши воззрения, — пишет философ Кант. — С искренним и любящим другом мы можем создать подобную общность. И только так мы как люди можем достичь нашей конечной цели — жить благой жизнью».

А как быть с тем, что мы обычно называем болтовней или сплетнями? Традиционно такие разговоры связываются с женщинами: «Мужчины разговаривают, а женщины сплетничают». Это утверждение долго использовалось для того, чтобы нивелировать женскую дружбу. Американский литературовед Патриция Майер Спакс оспаривает это заключение. Ее критика исходит из опыта собственного общения с подругой. Несмо-

тря на сильную занятость, они каждое утро встречались на полчаса, чтобы попить кофе и поболтать, обсуждая все на свете — события в личной жизни и в жизни других людей, прочитанные книги и просмотренные фильмы. Иногда они замечали сдержанное недоумение во взглядах проходивших мимо мужчин. Их мужья тоже не понимали, почему, жалуясь, что у них нет ни одной свободной минуты, они тем не менее продолжают вести эти утренние беседы.

Все это заставило Спакс тоже задуматься над этим и попробовать сформулировать, что же делает эти встречи священными, почему она предпочитает их всему остальному, если, конечно, ей не мешают неожиданные серьезные ситуации. Она пришла к заключению, что разговоры, в которых они вроде бы бесцельно перескакивают с одного на другое, являются весьма ценными, поскольку, помимо укрепления дружеских отношений, также способствуют глубоким размышлениям. Рассказы о себе и о других создают более полную картину жизни. Это не означает, что все, что мы называем сплетнями, — хорошо. Сплетни могут выражаться и в злобном перемывании костей за чьей-то спиной. Или мы можем прикрываться пустой болтовней, скрывая за ней свои мысли и чувства. Но в своем лучшем проявлении сплетни помогают нам четче уви-

деть окружающий мир. Это напоминает процесс написания биографии или романа, утверждает Спакс, помогает создать взаимосвязанную историю, смысл которой тот же, что мы хотели бы придать своей жизни.

ИСКУССТВО ДРУЖБЫ

Если дружбу ведешь,
и в друге уверен,
и добра ждешь от друга,
открывай ему душу,
дары приноси,
навещай его часто.
Из «Речей высокого»¹

Можно ли научиться дружить? Можно ли сделать что-то для того, чтобы появилось больше друзей, и чтобы эти друзья были лучше, и чтобы дружба длилась долго? Можно ли научиться быть хорошим другом, который сохраняет своих друзей надолго, подобно тому как мы учим новые языки, учимся танцевать или осваиваем новые кулинарные рецепты?

---

¹ «Речи высокого» – одна из частей древнескандинавского эпоса «Старшая Эдда».

На этот вопрос есть два возможных ответа. Один из них — научиться дружить можно. Дружба не возникает сама по себе, мы создаем ее. Это искусство, в котором следует упражняться. Тому, кто обладает этим искусством, легче заводить новых друзей, сохранять имеющихся, а также чувствовать себя комфортно со своими друзьями.

Другой ответ заключается в том, что дружбу нельзя планировать или организовывать и что ею нельзя манипулировать. Так же как невозможно принудить или уговорить кого-то стать тебе другом, невозможно и принудить или уговорить самого себя подружиться с кем-то. В конечном счете нельзя контролировать и то, как дружба развивается, длится она долго или угасает. Дружба — это то, что просто «случается».

Воззрения, лежащие в основе большей части философской литературы о дружбе, особенно античной, придерживаются, похоже, первого взгляда на вещи. И Аристотель, и Цицерон пишут о дружбе, исходя из предположения о том, что возможно сделать что-то, чтобы увеличить свои шансы испытать благую дружбу. Оба придают значение, например, тому, что в благой дружбе человек становится лучше и что об этом он в некоторой степени может позаботиться сам. Американский психолог Стив Дак делается поборником схожего взгляда, сравнивая дружбу с родом искусства,

основным приемам которого можно научиться. Правда, сравнение с искусством подразумевает, что не так-то просто научиться быть хорошим другом. Чтобы стать художником, надо много упражняться, но и это не гарантирует того, что ты станешь новым Рембрандтом, Моцартом или Мадонной. Точно так же не существует упражнений, которые сами по себе могут сделать тебя хорошим другом, считает Дак. Но возможно научиться нескольким основным приемам, которые помогут твоим первым шагам на пути к тому, чтобы стать подлинным художником дружбы.

Будучи поборником второго взгляда, Альберони придает особое значение встрече (которая в конечном счете не поддается ни объяснениям, ни анализу) и, заходя еще дальше, считает ее самым существенным в дружбе. Дружба не только возникает при подобных спонтанных встречах, когда обе стороны эмоционально захватывают друг друга. Дружба также зависит от того, что подобные встречи постоянно происходят вновь, утверждает он. Эти встречи являются в некотором роде атомами, из которых состоит дружба. Дружба возникает и поддерживается не потому, что друзья постоянно общаются и обмениваются своими мыслями и чувствами. Дружба начинается как дисконтинуальное действие, как прыжок. А сама дружба состоит из серии таких

прыжков, когда друзья заново «плениают» друг друга и встречаются вновь.

Я думаю, что Альберони во многом прав. Дружба может возникнуть внезапно и неожиданно, как сюрприз. В то же время мысль о том, что дружба находится за пределами нашего контроля, что мы предоставлены ей и в хорошем и в плохом и что мы никак не можем повлиять на нее или управлять ею, разочаровывает нас. И вряд ли это вся правда о дружбе. Возможно, ответ находится где-то между этими двумя крайними точками зрения, обрисованными здесь. В одном плане дружба — это что-то эмоциональное, неконтролируемое, чем сложно управлять. Так же как мы не можем заставить себя влюбиться, мы не можем заставить себя подружиться с кем-то. В этом смысле каждая дружба — это что-то, что просто «случается», незаслуженный дар, за который мы должны поблагодарить и которому мы должны радоваться. Однако повлиять на получение этого дара мы не можем. Что мы, напротив, можем сделать — так это создать рамки и благоприятные условия, в которых дружба может произрастать. И мы можем упражняться в создании и поддержании в хороших условиях этих рамок, так чтобы у дружбы всегда было пространство для роста и чтобы она не погибла от недостатка питания. Поэтому существует также и искусство дружбы.

Но создание таких рамок для дружбы, безусловно, не является гарантией того, что то, что в них произрастает, действительно является дружбой. Иногда это только выглядит как дружба. То, что прорастает, внешне похоже на дружбу, но чего-то не хватает, например взаимной симпатии и радости общения. Такая «вроде дружба» легко может стать утомительной. Она становится пустым ритуалом, который отбирает у сторон ценное время и силы и изнуряет их.

В ПРАВИЛЬНОМ МЕСТЕ И В ПРАВИЛЬНОЕ ВРЕМЯ

Как приобрести больше друзей, если тебе этого хочется? Я рассказывал о художественной школе-интернате, в которой учился, когда мне было восемнадцать лет, и о друзьях, которые у меня там появились. И размышлял о том, почему не все, кого я там встретил, стали моими друзьями. Между нами не произошло встречи в альбероньевском смысле слова. Я использовал эту историю как иллюстрацию именно этого. Дружба не возникает просто оттого, что люди находятся вместе, общаются друг с другом и делают что-то вместе. Нужно нечто большее — личная и взаимная встреча. Но мой рассказ иллюстрирует и кое-что другое.

Мои друзья стали мне друзьями не только потому, что между нами произошла «встреча». Причиной возникновения нашей дружбы являлась также особенность ситуации: мы находились в незнакомом месте, наши старые друзья оказались далеко, и мы все были настроены на то, чтобы найти новых друзей. Если бы эта мотивация отсутствовала, я, скорее всего, никогда бы не познакомился с теми, кто стал мне друзьями. Если бы я встретил их в другой ситуации, например в Осло несколько лет позднее, то мы, вероятно, встретились бы со взаимной симпатией, но без того, чтобы из этого что-то получилось.

Таким образом, дружба возникает не только посредством взаимной симпатии и выбора. Необходимо также пространство для дружбы. Стороны, заключающие дружбу, должны чувствовать потребность в ней. И у них должны быть для этого силы и время. Все это, вместе взятое, я буду называть готовностью к дружбе. Если таковая готовность отсутствует, то дружбе сложно пустить корни. Я не знаю, насколько это взаимосвязано. Ведь и люди, обладающие разветвленной сетью дружеских связей, могут заводить новых друзей, даже если их друзья — хорошие друзья и даже если они изначально не испытывают недостатка в таковых. Но вероятность того, что дружба возникнет, меньше, чем когда эта готовность выражена более ярко.

Если ищешь людей, готовых завести дружбу, то полезно посещать различные курсы или объединения. Более того, многие приходят туда, желая встретить новых друзей. Так, моя мама при жизни использовала местное общество домашних хозяек. Другим местом, где она знакомилась с людьми, была церковь. Здесь она также встретила с той, кто стала, возможно, ее лучшей подругой в последние годы жизни. Эта женщина жила на расстоянии всего в несколько домов от нее, но познакомились они только тогда и вместе совершали долгие прогулки по утрам. Курсы и объединения являются также хорошим местом для возникновения дружбы, поскольку людей здесь объединяет общий интерес, и пока они заняты им, у них есть возможность присмотреться друг к другу и познакомиться поближе.

Друзей, конечно, можно встретить везде. И везде можно встретить людей, готовых завести новую дружбу. Но кто эти люди, не всегда легко увидеть. На вечеринке это может быть тот, что стоит в углу и выглядит застенчивым, но это может оказаться и тот, кто находится в центре внимания и вокруг кого все собрались, чтобы послушать. Популярность в одной ситуации не означает, что в другой ситуации, после вечеринки, человек не испытывает потребности в друге, с которым можно побыть наедине.

ПРОЯВИТЬ ИНИЦИАТИВУ

Один из моих учителей в гимназии в молодости много путешествовал и провел немало вечеров в барах незнакомых городов. Но, по его рассказам, он никогда не сидел там один, поскольку всегда вступал в контакт с другими людьми. «Нет смысла сидеть и ждать, когда кто-нибудь подойдет познакомиться с тобой, — говорил он, обводя взглядом класс. — Человек должен сам проявлять инициативу».

Существует большая разница между людьми в их умении проявлять такую инициативу. Сам я отношусь к тем, кто скорее выступает в роли наблюдателя, особенно в ситуациях, когда собирается много народу. Другие люди сразу приступают к делу. Им ничего не стоит вступить в контакт с посторонними в незнакомых местах. Таким был мой отец. Когда мы путешествовали, он всегда заговаривал со всеми, где бы и с кем бы он ни был. Некоторые люди по натуре своей так обаятельны, что притягивают к себе других людей, практически не прикладывая к этому ни малейшего усилия. Им достаточно просто стоять и улыбаться, чтобы кто-нибудь подошел к ним.

Возможно, такие люди живут более интересной социальной жизнью, чем те, кто более замкнут. И по всей видимости, замкнутым людям стоит

стараться быть более открытыми, когда они находятся на людях. Таким образом у них появится больше друзей. Но это само по себе не означает, что это будут хорошие друзья или что их дружба будет долгой. В этой связи я вспоминаю, как одинок был мой отец, когда стал слишком близорук для того, чтобы самостоятельно передвигаться по улице. Конечно, по-прежнему где-то было много людей, с которыми он общался в течение жизни, но большинство из них не стали навещать его, когда ему отказало зрение. То, что количество не означает качество, — избитая фраза. Важнее иметь одну хорошую пару обуви, чем много плохих. Так и в дружбе. Поэтому я не уверен, что нужно стремиться иметь много друзей. Вот и выходит, что даже экстраверту — тому, кто улыбается и заговаривает со всеми, — вовсе не гарантирована идеальная дружба.

Но все же как установить первый контакт? Когда я размышляю над теми случаями, когда я знакомился с кем-то, то замечаю, что часто что-то витало в воздухе еще до того, как мы начинали обмениваться первыми репликами. Взгляд или улыбка — происходило нечто подсказывающее мне, что с этим человеком можно спокойно заговорить. Иногда это проявляется через язык тела. Мы сигнализируем свою готовность к дружбе тем, как мы стоим, как смотрим на других людей

или двигаемся. Взгляд тоже важен. Взгляд показывает заинтересованность. Куда он направлен? Что привлекает внимание? Смотрит ли кто-нибудь на меня, и если да, то как?

Не всегда легко истолковать язык тела или движения других людей. Если ты не уверен в себе, это может оказаться особенно сложным. Что означает, если человек, с которым ты разговариваешь, озирается по сторонам? Почему он идет на кухню? Чтобы взять еще еды, как он сказал, или чтобы избежать моего общества? Такую неуверенность в себе сложно преодолеть. Но мы можем почувствовать ее в других людях. Неуверенные в себе люди, больше всех нуждающиеся в друзьях, которые могут поддержать их и улучшить их самооценку, парадоксальным образом часто сознательно или бессознательно избегают дружеских порывов других людей. Возможно, они боятся разочарований и обид или опасаются, что в них разглядят тех безнадёжных людей, которых они сами в себе видят.

ПЕРВОЕ ВПЕЧАТЛЕНИЕ

Исследования показывают, что первое впечатление, которое создается у нас о человеке, часто является решающим для того, как мы будем восприни-

мать его в дальнейшем. Это касается и внешности, и манеры поведения. Но особенно важным оказывается внешность. Даже опытные учителя порой обманываются фасадом. Они считают, что красивые и очаровательные ученики добрее остальных. Даже когда такой ученик делает что-то не так, они не меняют своего мнения, а пытаются объяснить происшедшее, говоря, например, что это было случайное, а не истинное проявление лица. Существует также тенденция верить, что жизнь красивых людей более счастливая, что им сопутствует больший успех, что их друзья интереснее, а работа лучше, чем у других.

Первый разговор двух незнакомых людей тоже важен для того, какой образ друг о друге они себе создадут. Каждый, наверное, испытал, как во время таких разговоров задаются ключевые вопросы, которые дают нам информацию о том, кем является другой человек. Откуда он родом? Кем работает? Что его интересует? Нам нужны сведения, которые смогут показать нам человека не только с внешней стороны. Мы хотим знать историю другого человека, рассказывающую нам, кто он такой. Сознательно или бессознательно мы также посылаем сигналы о том, кем являемся сами. Рассказ о том, что ты только что вернулся из отпуска в кемпинге, — это не то же самое, что рассказ об эксклюзивном отеле в Сингапуре. Мы также

не рассказываем всего о себе, разве только о том, что недавно начали заниматься на курсах резьбы по дереву, или что днем раньше побывали на выставке Йозефа Бойса¹ в культурном центре Хени-Унстад в Бэруме².

Разговор преследует несколько целей. Помимо того чтобы создать себе представление о другом человеке и наилучшим образом, как нам кажется, представить ему самого себя, мы ищем точки соприкосновения. Может быть, мы оба отдыхали в одном месте или планируем выучить один и тот же язык? В таком случае у нас появляется основание для продолжения разговора. Нас также занимает схожесть, поскольку она дает ощущение надежности. Может быть, мы мечтаем найти кого-то похожего на нас? Исследования подтверждают, что мы чувствуем себя более уверенно, встречаясь с теми, кто похож на нас. Особенно важно здесь отношение человека к жизни. Одно исследование, например, показало, что у пациентов, у которых такие же взгляды на жизнь, как и у их лечащих врачей, не только лучше отношения с врачом, но они и выздоравливают быстрее.

---

¹ Йозеф Бойс (1921–1986) – немецкий художник-постмодернист.

² Бэрум – местечко в 10 км к юго-западу от Осло, где находится музей современного искусства, носящий имя норвежской фигуристки Сони Хени и ее мужа Нильса Унстада.

Одежда, прическа, выбор темы для разговора, выражение лица, осанка и жесты — во всем этом заключается наше представление о самих себе, то есть то, как мы выражаем свою личность для других людей. И наверное, для большей привлекательности и популярности нужно целенаправленно использовать какие-то из этих составляющих. Но важно помнить, что дружба — это не то же самое, что популярность, и что к популярности не всегда следует стремиться. Человек, пользующийся популярностью, может ощущать себя глубоко одиноким, и у него может не оказаться хороших друзей, особенно если его популярность основывается на актерской игре, скрывающей важные стороны личности.

Кроме того, добрая дружба часто возникает вопреки механизмам, создающим популярность. Это не стоит понимать в том смысле, что человеку популярному не хватает способности заводить друзей. Но дружба может идти и совершенно другими путями. Возможно, Аристотель и прав, говоря, что пожилым людям с негативным взглядом на мир сложнее подружиться с кем-то, чем молодым и красивым людям. Но дружба тем и ценна, что доступна и пожилому человеку, и интроверту, и застенчивому, и тому, кто сторонится людей. Дружба может также распространиться и на того, кто почти никому не нравится, но в

котором кто-то вдруг заметит нечто, благодаря чему возникнет дружба.

Нильс Фредрик Даль рассказывает о такой дружбе в романе «По дороге к другу». В нем пожилой и нелюдимый «придворный граф» знакомится с одиноким мальчиком Вилготом. Кто бы мог подумать, что именно они станут друзьями? Но дружба зачастую и возникает именно там, где ее никто не ожидает. Возможно, в дружбе мы ищем кого-то похожего на нас, кого Аристотель называет вторым я. Но иногда сложно заранее предвидеть, какого рода сходство мы обнаружим. В романе «По дороге к другу» героев связывает то, что оба они чувствуют себя вне общества. И каждый из них видит в другом противовес своему одиночеству.

УМЕТЬ СЛУШАТЬ

Одна из наиболее популярных книг о дружбе нашего времени — это «Как завоевывать друзей», написанная американцем Дейлом Карнеги (1888—1955). Писатель вырос на бедной ферме в США и много лет ездил из города в город, занимаясь торговлей. Он быстро обнаружил, что его успех продавца зависел от того, насколько он понравился покупателям как человек. И он начал примечать, что конкретно в нем нравилось людям. В основ-

ном именно этот опыт он позднее использовал в своей книге, оказавшейся в списке мировых бестселлеров. Экземпляр этой книги лежал, например, на прикроватной тумбочке моего лучшего друга гимназических времен.

Один из самых важных советов Карнеги тому, кто хочет нравиться и кто хочет приобрести больше друзей, — научиться слушать. «Глубочайший инстинкт человеческой природы — это желание ощутить свою важность», — пишет он. И наша задача как слушателей состоит в том, чтобы говорящий с нами человек чувствовал свою значительность. Это происходит тогда, когда наш интерес к другому человеку неподделен. Мы также должны стараться, чтобы содержание разговора определялось интересами другого. Пусть он играет главную роль в разговоре, а мы лишь задаем вопросы на интересующую его тему. Особенно осторожно следует высказывать критику или исправлять то, что другой говорит. Критика непродуктивна, потому что вынуждает людей защищаться, утверждает Карнеги. Кроме того, критика опасна, поскольку задевает гордость людей, наносит урон их чувству собственного достоинства и вызывает досаду.

Многие были шокированы тем, как цинично и расчетливо относится Карнеги к дружбе. Другие увидели в книге пример того, как полностью коммерциализированное общество подавляет

подлинную дружбу, превращая ее в исключительно деловые отношения. Американский социолог Роберт Белла утверждает, что рассуждения Карнеги о дружбе насквозь пропитаны конкуренцией того общества продавцов и антрепренеров, в котором он жил, и что поэтому Карнеги делает из дружбы инструмент успеха в обществе. Возможно, это так. Возможно, он пишет не о дружбе в нашем понимании. Возможно, он пишет о том единственном, что знает, — как стать хорошим продавцом.

Тем не менее я думаю, что многие узнают себя в тех ситуациях, которые он описывает, и именно поэтому книга так популярна: мы хорошо знаем, как важно, чтобы тебя слушали. Последние исследования показали, что разговоры, в которых люди чувствуют, что их слушают, воспринимаются ими как более интересные. В одном опросе нужно было ответить, какой разговор считается скучным. Так вот, самым скучным разговором оказался тот, где занятый собой собеседник желает говорить только сам, особенно если он выступает в роли того, кто «знает лучше». Исследования также показывают, что люди ценят в разговоре. Нас радует, если собеседник проявляет интерес к сказанному нами и просит развивать тему дальше. Мы также воспринимаем положительно, когда собеседники перефразируют нас, то есть говорят то же самое, но другими словами, или ссылаются на то, что мы не-

давно сказали. Все это свидетельствует о том, что собеседник следит за разговором и запоминает то, что говорят. Хорошо известно, что особенно женщины умеют посылать маленькие сигналы о том, что они слушают, кивая, улыбаясь или издавая подбадривающие звуки.

Так что плохого в том, чтобы попытаться стать лучшим слушателем? Проблемой было бы, если бы понятие «слушать» редуцировалось до чисто технического действия, как у актеров, играющих роль, с которой они себя не идентифицируют. Что была бы нам за радость, если бы собеседник только прикидывался заинтересованным в том, что мы говорим? Разве мы этого хотим от наших друзей? И разве не является искренность одним из важнейших требований дружбы? Другой проблемой, если брать за основу представление Карнеги, было бы то, что понятие «слушать» у него носит характер торговой сделки: я тебя слушаю, потому что хочу тебе понравиться. Я слушаю тебя в обмен на твою симпатию. Но такая позиция может оказаться и неуместной. Карнеги не раз повторяет, что интерес, который человек выражает своим друзьям, должен быть искренним. Изображать заинтересованность — недостаточно. И хотя в своей книге Карнеги использует свой опыт продавца и даже включает в нее главу о том, как стать успешным бизнесменом, читателям вовсе не обязатель-

но придавать этому большое значение. Думаю, мы можем воспринимать его книгу просто как доброжелательный совет постараться проявлять больше интереса к тому, что говорят другие люди. Если бы я тем не менее решил покритиковать Карнеги, то обратил бы внимание на то, что он, кажется, забывает о взаимности, которая всегда должна присутствовать в дружбе. Дружба, низведенная до односторонних отношений говорящего и слушающего, вряд ли будет долгой. Взаимность предполагает, что каждая сторона имеет возможность высказаться и что другая сторона встречает ее с настоящим и искренним интересом.

ДРУЖЕСКАЯ КРИТИКА

А как быть с критикой? Следует ли нам воздержаться от критики друзей? Не все в этом вопросе заходят так далеко, как Карнеги. Наоборот, многие подчеркивают, что дружба хороша еще и тем, что предоставляет нам прекрасную возможность исправиться, когда мы говорим или делаем что-то неразумное. Если другим людям безразличны наши ошибки или в худшем случае они вызывают у них злорадство, то друг хочет защитить нас, если мы делаем глупость, хотя это и означает выступить с критикой. Поэтому критические

высказывания могут быть проявлением дружбы. «Некоторые люди хвалят все и не высказывают никакого противодействия, — пишет Аристотель. — Другие критикуют все подряд, не волнуясь о том, что обижают кого-то. Дружба находится где-то посередине между этими двумя крайностями».

В то же время выставляются требования и к форме критики, высказывающейся друзьями. Как и все остальное в дружбе, она должна быть дружеской. Она не должна иметь форму нападок, направленных на то, чтобы уничтожить позицию или уверенность в себе другой стороны. Психолог Стив Дак формулирует это следующим образом: «Друг — это тот, кто, увидев, как ты танцуешь в пьяном виде на столе, являясь тем самым всеобщим посмешищем, отведет тебя в сторону, причем сделает это как можно незаметней, чтобы ты не выглядел еще более глупо». Пример того, как можно критиковать друзей, не роняя их чувства собственного достоинства, из более далекого и более чуждого нам времени мы находим у древнегреческого философа и историка Плутарха (ок. 46—120 гг. н. э.). Его учитель Аммоний однажды посчитал, что его ученикам грозит опасность перенять слишком экстравагантный образ жизни. И как-то, когда все они собрались трапезничать, он вызвал к себе раба и, обвинив его в том, что тот ведет роскошный образ жизни, приказал его вы-

сечь, бросая при этом многозначительные взгляды на учеников. Пример для нас экзотичен. У нас больше нет рабов, и мы в еще меньшей степени признаем право рабовладельца сечь своих рабов. Возможно, мы также осудим несправедливость того, что порка раба является частью нравственного воспитания студентов. Но суть истории мы тем не менее можем оценить: Аммония было важно не формулировать критику слишком напрямую. Он, очевидно, опасался, что прямая критика вызовет у учеников защитную реакцию и тем самым приведет к противоположному результату. Или, может быть, он считал учеников своими друзьями и не хотел унижать их. Эту задачу он решил при помощи спектакля с рабом. И хотя мы и осуждаем его действия, мы можем оценить этот пример, а также мотивы поведения Аммония.

Плутарх дает не один совет о том, как следует все хорошо обдумать, прежде чем критиковать друзей. Одно дело — честность по отношению друг к другу, которая вовсе не означает, что искренность должна принять форму нападок и обвинений. Важно также выбрать время: мы должны научиться распознавать мгновения, когда наши друзья готовы воспринять критику. Нельзя выступать с прямой критикой в присутствии других людей, также ее следует всегда сочетать с ука-
занием сильных сторон друга.

Подобным образом это делает и Хельге в романе Туре Ренберга о Ярле и его товарище Хельге:

«О'кей, — сказал Хельге, сделав последний удар. Он посмотрел на меня. — О'кей, теперь это хоть на что-то похоже, кисло правда, ты играл, как слепой, и мычал, как корова, но в этом была энергия».

Семнадцатилетний Хельге проявляет строгость, критикуя друга. Они играют в одном музыкальном коллективе, и им сложно сыграть. Хельге прямо указывает на недостатки, но в то же время сочетает критику с похвалой. Таким образом он щадит чувства друга.

Как лучше всего высказывать критику, является отдельной темой в области, называемой руководством. Среди прочего в ней рассматривается и то, как следует высказывать и воспринимать критику отдельному члену коллектива. Золотым правилом здесь считается следующее: прежде чем критиковать сотрудника, всегда следует спросить, что он сам думает о проделанной работе. Очень часто оказывается, что человек и сам задумывался над тем, что проделанная им работа была недостаточно хороша. Возможно, он также знает, что ему следовало бы сделать или что он может сделать в следующий раз, чтобы избежать данной проблемы. В подобных ситуациях гораздо

лучше ограничиться вопросом и дать другой стороне подумать над своей работой, чем занять осуждающую или оценивающую позицию. И дело не только в том, что подобное отношение может казаться унижительным. Большинство людей будут также сознательно или бессознательно пытаться защитить себя от унижения, ставя критику под сомнение и тем самым теряя возможность научиться чему-то новому. Это, разумеется, можно также перенести и на дружбу.

Однако иногда мы, возможно, оказываем нашим друзьям услугу, говоря им и не очень приятные вещи, как, например, делает Хельге, обнаружив, что его друг Ярле соврал ему и своей девушке Катрине:

«Ты — фальшивый, Ярле, — сказал он и посмотрел на меня. — Ты это знаешь?»

Конечно, можно дискутировать о том, является ли прямая конфронтация лучшим способом разрешения критических ситуаций. Но Хельге выбирает в данном случае эту стратегию. Во всяком случае, мы можем уважать его за честность. А кто будет с нами честен, если не наши друзья?

ВРЕМЯ, КОТОРОЕ ЗАНИМАЕТ ДРУЖБА

В большей части классической философии дружбы идеальная дружба представляется как чисто избыточный феномен. Мы должны приходить к друзьям не потому, что они нам нужны, а потому, что хотим поделиться с ними избытком наших чувств, мыслей, энергии и т. п. В действительности дружба вряд ли такова: мы приходим к друзьям также и потому, что они нужны нам. Мы хотим видеть их, ибо иначе нашей жизни не хватает чего-то существенного. И нам не просто не хватает дружбы вообще. Поскольку дружба всегда является чем-то личным, мы скучаем по конкретным людям. И если эта нехватка становится слишком большой или продолжительной, дружба исчезает. Лучше прекратить ее, чем жить, постоянно скучая. Эта нехватка чувствуется особенно сильно, если мы не понимаем, почему друг не уделяет нам столько внимания, сколько нам бы хотелось.

Так что дружба требует ухода. Она требует, чтобы друзья показывали, что не безразличны друг другу и что им хочется видеться. Это банальная мысль, тем не менее одна из самых важных. Обычной причиной неудавшейся дружбы является то, что друзья не проводят достаточно времени

вместе, утверждает немецкий философ Харальд Лемке. Дружба требует присутствия, напоминает также Аристотель. Дружба требует, чтобы друзья действительно встречались и проводили время вместе.

Почему мы так легко пренебрегаем этим? Частично причина заключается в том, что жизнь предъявляет нам слишком много других требований. Работа, образование и семья требуют своего. У нас есть интересы, которым мы также хотим уделять время. Возможно, мы пренебрегаем дружбой еще и потому, что наше молчаливое знание о дружбе было ослаблено на протяжении последних ста лет, особенно среди женатых и живущих вместе взрослых людей. Мы не уверены в том, что следует делать, чтобы поддерживать дружеские отношения. Чаще всего мы делаем то же самое, что делали наши родители, приглашая людей на обед и на кофе. Однако вовсе не факт, что это правильные условия для развития дружбы. На таких приемах люди обычно встречаются как группа, и часто сложно завести разговоры на личные темы. «Группа стимулирует разговоры, базирующиеся на бесконечных повторениях, где не возникает ничего нового, в том числе и настоящих человеческих встреч», — предупреждает Альберони.

Чтобы выжить, большинству дружеских отношений требуется соединить два одиночества, то

есть друзьям нужно встречаться наедине — только они вдвоем, и больше никого, уделяя тем самым внимание тому особому, что делает именно их двоих друзьями. Некоторым порой очень сложно находить время для таких встреч, поскольку его всегда не хватает. Тем не менее это необходимо. Речь опять-таки идет о выборе. Чтобы сохранить хорошего друга надолго, есть только один способ: найти время для дружбы. Иногда при этом необходимо побороть ощущение, что подобный способ включает в себе предательство по отношению к другим, например к любимому человеку, мужу или жене. Решение дилеммы может заключаться в том, что обе стороны дадут друг другу возможность уделять внимание своим друзьям. От этого могут выиграть и дружба, и брак.

ХОРОШАЯ ОСНОВА

Начиная с античных времен и вплоть до XIX века через все написанное о дружбе красной нитью проходит мысль о том, что в друзья надо выбирать хороших людей. Когда ищешь друга, следует остановиться на человеке с твердым характером, надежном и последовательном, пишет Цицерон. Эхом Античности звучит Кант, когда описывает хорошего друга как человека с прямой спиной —

серьезного, надежного, с чувством собственного достоинства, чье поведение свободно от фальши и предательства, а темперамент отличается теплом, сердечностью и легкостью. Не так уж просто на первый взгляд определить нравственные качества другого человека. Поэтому, прежде чем привязаться к нему, следует дать себе время познакомиться с ним поближе, советует Аристотель. Друзья должны хорошо узнать друг друга, или, как гласит пословица, на которую ссылается Аристотель, съесть пуд соли, чтобы узнать друг друга. Цицерон понимает, что многие дружеские отношения завязываются до того, как друзья хорошо узнают друг друга. Чувства часто затягивают нас в дружбу быстрее, чем требуется, чтобы хорошо узнать друг друга. Необходимо быть разумным и попытаться укротить чувства, пока не разглядишь другого человека.

Лично я критически отношусь к приданию такого значения хорошим человеческим качествам. Я боюсь, что в конечном счете это обернется некоторого рода элитарностью — представлением о том, что только нравственно совершенные люди могут заключать благую дружбу. А ведь подавляющее большинство наших друзей обладает как хорошими, так и не очень хорошими сторонами, и, может быть, именно поэтому они нам нравятся. Американский литератор Эндрю Салливан описы-

вает своего друга Патрика как человека, которому было сложно понравиться другим людям: «То, как он избегал контакта, когда ему нужно было побыть одному, его вспыльчивый нрав и упрямая гордость иногда делали его невозможной личностью». Тем не менее эти двое стали лучшими друзьями. Многим наверняка это покажется знакомым. У нас тоже есть друзья с непростыми чертами характера. Но все же они у нас есть. В том числе и поэтому большинство из нас считает то внимание, которое в Античности уделяли хорошему человеку, несколько преувеличенным, чтобы не сказать неуместным. И все же то обстоятельство, что философы Античности признавали дружбу и добро понятием неразделенным, производит впечатление. По всей видимости, нам не следует просто так отбрасывать эту мысль, пока мы не рассмотрим ближе, что лежит в ее основе.

Современные исследования подтвердили, что нравственные качества имеют значение для дружбы. Иногда дружба прекращается, потому что один друг не может согласиться с нравственным выбором другого, даже если это не касается его лично. В то же время следует заметить, что во времена Античности внимание к этике было глубже, чем рассматривание отдельных взглядов человека на различные вопросы. В эпоху Античности этика в первую очередь рассматривала осново-

полагающие воззрения человека, которые выражались в его поведении, — то, что называлось его добродетелями. Французский философ Андре Конт-Спонвиль в книге «Маленький трактат о великих добродетелях» дает модернизированное описание классических греческих добродетелей. Он пишет о вежливости, верности, мужестве, справедливости, великодушии, смирении, благодарности, мягкости и др. Если в античном соединении этики и блага что-то есть, то нам следует искать именно эти качества в тех, кого мы хотим видеть нашими друзьями. Так ли это?

Я думаю, речь здесь идет о чем-то очень простом и само собой разумеющемся. Давайте возьмем в качестве примера великодушие и будем рассматривать это качество не только как щедрость в деньгах и подарках, но и в более общем смысле. Великодушный человек — это тот, кто отдает себя с легким сердцем и кто легче остальных прощает другим их ошибки и слабости. Нет сомнений в том, что общение с таким великодушным другом будет приятным. Также и многие другие проблемы, возникающие между людьми, легче разрешить с таким человеком. То же самое касается и других только что упомянутых добродетелей.

Это также частично является более глубоким обоснованием культивирования древними греками добродетелей. Для античных греков добро-

детели были теми качествами, к которым надо стремиться, поскольку они являются условиями мирного человеческого сосуществования. Как у Сократа, так и у Платона и Аристотеля — трех философов, придавших основную форму этике добродетели, — это является ярко выраженным главным мотивом. Все трое осознают, что у человеческой природы есть и теневые стороны, угрожающие обществу и в большом, и в малом. Греческая история того времени богата примерами того, как плохо все может обернуться, когда эти более темные стороны человеческой природы начинают доминировать. И все трое видят в классических добродетелях противовес этим опасностям. Общей для них является также вера в возможность развивать себя — или дать толчок развитию других — и сделаться как можно лучше, то есть более добродетельными людьми. Можно стать более вежливым, верным, великодушным, мужественным и справедливым. Эта мысль также подразумевается в античной теории дружбы, призывающей нас выбирать в друзья людей, далеко продвинувшихся на этом пути.

Одновременно нас самих призывают развиваться в этом направлении, что вполне логично. Если добродетели способствуют мирному сосуществованию, то вероятность возникновения благой дружбы, разумеется, наиболее велика, когда этому

способствуют обе стороны. Однако собственный вклад человека наиболее важен. Сложно контролировать добродетель других людей, но мы, по крайней мере теоретически, можем управлять своей. Это часто повторяется в античной философии дружбы: тот, кто хочет иметь доброго друга, должен в первую очередь стараться развивать себя так, чтобы предстать достойным кандидатом в друзья для других хороших людей. Тому, кто делает это, будет также легче подружиться с кем-то. Как полагали греческие философы, хорошему человеку можно не страшиться одиночества. Потеряв друга, например, из-за того, что тот умер, такой человек легко найдет себе нового друга. Затем эту мысль подхватывает Кант: «Как только мы сделаемся достойными, став хорошими и цельными людьми, мы можем быть уверены, что появится кто-нибудь, кто выберет нас в друзья, а с течением времени мы испытаем, что дружба будет становиться все лучше и ближе». Кант критикует также всех тех, кто жалуется на недостаток дружбы, считая, что другие являются недостаточно хорошими друзьями. Вместо того чтобы жаловаться на других, им следует обратить свой взгляд на самих себя, советует он. Возможно, недостаток друзей объясняется тем, что им самим не хватает дружелюбного настроения. Обвиняя других в недружелюбии, они, таким образом, в действитель-

ности сами отталкивают от себя друзей своими эгоистичными и чрезмерными требованиями.

Вероятно, мысль о том, что нам следует совершенствоваться, чтобы стать более вежливыми, верными, щедрыми, мужественными и справедливыми людьми, и что нам следует делать это ради того, чтобы испытать лучшую дружбу, многим сегодня покажется странной. Бессознательно мы как раз ищем вежливых, верных, храбрых и справедливых друзей. Но мысль о том, что мы сами могли бы совершенствоваться в этом направлении и что это было бы на благо нашей дружбе, сегодня, скорее, редкость. И тем не менее следует быть более внимательными к тому, как наше собственное поведение влияет на нашу дружбу. И также важно — или даже важнее — понаблюдать, как мы вместе развиваемся посредством дружбы, ведь, как объяснял Аристотель, дружба обладает облагораживающей силой. Не все дружеские отношения заключают ее в себе, и не все в одинаковой степени. Но благая дружба обладает этим свойством. Поэтому искусство дружбы заключается и в том, чтобы быть чутким к тому, что дружба делает с тобой. Становишься ли ты более сильным, открытым, щедрым, энергичным, любознательным и храбрым или дружба ломает тебя? Если правильно последнее, то, возможно, следует иначе оценить эти отношения.

Когда Ионафан предложил свою дружбу Давиду, он снял с себя плащ, меч и лук и отдал их тому в знак дружбы между ними. Согласно древним восточным обычаям, в этом заключался глубокий смысл. Отдавая свои личные вещи, человек словно отдавал самого себя. Когда Ахиллес услышал о смерти Патрокла, он стал посыпать голову пеплом и рвать на себе волосы и одежду. В старые времена в Европе двое мужчин или женщин обычно клялись друг другу в вечной дружбе, скрепив клятву кровью или получив у священника благословение на дружбу, согласно существовавшим ритуалам.

Сегодня подобные ритуалы кажутся экзотичными, старомодными и неестественными. Наше время относится к ритуалам довольно враждебно. Я тоже не считаю, что мы должны пытаться воскресить обычаи предыдущих времен. Но мы можем научиться чему-то у самой идеи, лежащей в основе использования ритуалов. Речь идет о такой простой вещи, как создание рамок для поддержки чего-то, что человек считает важным. Религиозные ритуалы возникли, чтобы помочь верующему направить внимание на определенные стороны веры. Но ритуалы существуют и вне религии.

То, что мы едим в определенное время, делим неделю на семь дней, не работаем по выходным — все это я считаю некоторого рода ритуалами. Речь опять-таки идет о рамках, помогающих нам упорядочивать и уравнивать жизнь, отводить время и место на то, что важно: на еду, общение, отдых и здоровье. По той же причине следует своим собственным ритуалам и отдельный человек: чтению газет за завтраком, перерыву на кофе, тренировкам два раза в неделю или посещению бабушки каждое второе воскресенье. В этом смысле ритуалы помогают нам делать то, что является важным. И чем лучше они отработаны, тем легче им следовать. Мы оставляем время на тренировки по понедельникам и четвергам, потому что всегда занимаемся спортом в эти дни. Мы знаем, что это так, и планируем неделю, исходя из этого.

Возможно, следует упорядочить и наши дружеские отношения? И пусть скрепление дружбы кровью кажется нам ненужным, преувеличенным выражением чувств, есть другие вещи, которые стоит делать. Например, встречаться с друзьями раз в месяц или чаще, что, кстати говоря, делают многие женщины, выделяя по-другому один день в неделю — скажем, четверг. Тогда и ты, и твои близкие знают, что в этот день ты встречаешься со своим лучшим другом или с другими друзьями.

Вероятно, мы можем также яснее говорить или показывать другим способом нашим друзьям, что они нам не безразличны. То, что во времена романтической дружбы XIX века люди заключали дружбу с такой же серьезностью, с какой мы сегодня вступаем в брак, кажется нам чуждым. «Я выбрал Вика в друзья, и он принял это, — пишет молодой инженер Джеймс Блейк в дневнике. И продолжает: — Да живет он долго и счастливо, и да никогда не разорвутся узы между нами». Нам следует подыскать выражения, которые будут естественны для нас, но в то же время нам есть чему поучиться у яркого языка XIX столетия, посвященного дружбе и той открытости, с какой люди выказывали свои дружеские чувства. Например, мы могли бы просто сказать: «Ты хороший друг».

КРИЗИСЫ И ИЗМЕНЕНИЯ

Согласно Аристотелю, искусство жизни заключается в поисках золотой середины между слишком мало и слишком много. Если дружба относится к подобному искусству, значит, важно сохранять пропорции и в ней. Другам не следует видеться слишком редко, но и слишком частые встречи вряд ли необходимы. Не стоит скупиться, отда-

вая себя, но также важно и не переусердствовать. Не в последнюю очередь это относится и к равновесию между дающей и принимающей сторонами в дружбе. Не должно быть так, что одна сторона все время дает, а другая все время принимает.

Ответ на вопрос о том, что действительно является равновесием, вряд ли однозначен. Во-первых, это зависит от личности заинтересованных сторон. То, что один воспринимает как нейтральную информацию, другой может считать неприятным выворачиванием частной жизни. Один хочет видеться с другом раз в неделю, а другой доволен и более редкими встречами. Это, конечно, может быть причиной того, что люди осторожно приближаются друг к другу в начале дружбы, пока они не узнают друг друга хорошо. Впрочем, в дружбе речь, скорее, идет не об объективном балансе, а о субъективном ощущении равновесия. Один друг может быть щедрым, часто угощать другого и покупать ему что-то, не чувствуя нарушения внутреннего баланса их отношений. Многие зависят от того, насколько он чувствует отдачу в других сферах, хотя, впрочем, сама возможность давать воспринимается некоторыми как подарок.

Поскольку равновесие в дружбе в большой степени является субъективным ощущением, то и нарушено оно может быть в субъективном восприятии одной из сторон, так что никто другой этого

и не заметит. Это может, например, произойти, если один друг считает, что он вкладывает в дружбу больше, чем другой, и это воспринимается им как проблема. Другой стороне может при этом казаться, что все в порядке. И тогда у первой стороны возникает ощущение резкого дисбаланса. Иногда совсем небольшое – неосторожное замечание, жест или отсутствие желаемого действия – может вызвать настоящий кризис. Как и во многих других межличностных проблемах, речь здесь идет о несбывшихся ожиданиях. Человек хочет или ожидает чего-то от друга, а этого не происходит или происходит нечто иное, что приносит разочарование.

Кризис означает, что человек чувствует себя неуверенным в дружбе; ему кажется, что его предадут и недооценивают. И если кризис возник, то он легко усугубляется. «Кризис проистекает из разочарования и грозит смертельным столкновением, — пишет Альберони. — То, что совсем недавно было счастливым сосуществованием, в одно мгновение превращается в арену стратегической борьбы и самоутверждения». Речь идет о том, чтобы спастись от кризиса, сохранив самоуважение, пусть даже и обидев или отвергнув другого.

Описанием Альберони кризиса дружбы легко увлечься. «В кризисе дружба походит на влюбленность, — пишет он. — Человек испытывает то же беспокойство и ту же постоянную смену

беспокойства на надежду. Но если при влюбленности беспокойство является неотъемлемой частью отношений, на дружбу оно действует как яд». За короткое время оно может уничтожить даже самые лучшие дружеские чувства.

Как пережить кризис дружбы? Это, конечно, зависит от того, какого рода этот кризис. Иногда правильное решение заключается в том, чтобы отказаться от дружбы. И это не обязательно означает поражение. Любая форма жизни, в том числе разрывы и трансформации, означает развитие, и мы должны позволить меняться и нашей дружбе. Очень немногие дружеские отношения длятся всю жизнь. Быть может, прерванная дружба даст пространство для новых дружеских отношений? Прерванная дружба может также продолжать свою жизнь, оставшись хорошим воспоминанием.

Но что, если есть возможность спасти дружбу и мы хотим этого? Как и во многих других конфликтах и кризисах, лучший помощник здесь – слово. Я часто слышу, как люди жалуются на то, что друзья обидели их или пренебрегли ими и что поэтому их дружба переживает кризис. Почему же нам так сложно обсудить это с теми, кого это напрямую касается?

Когда дружба переживает кризис, нужно понять, почему он возник, какие силы спровоцировали его, а затем обезвредить их, пишет Альберони.

Но в конечном счете кризис может разрешиться только новой встречей, подобной той первой встрече, при которой возникла дружба. Необходимо, чтобы друзья заново увидели друг друга и восхитились тем, что они увидели.

Можно также упражняться в том, чтобы выдавать великодушие по отношению к другу, как это делали древние греки. Вместо того чтобы разочаровываться и обижаться, можно постараться рассмотреть отношения с другом в целом, сфокусировавшись на том, что хорошо, а не плохо. Унижение, за которым следуют злость и мысли о мести, может привести к чему-то хорошему, если это помогает освободиться от чего-то, что больше не является благом. Но лучше всего нас освобождает прощение, которое помогает оставить плохое позади и думать не о нем, а о том, что ждет впереди, то есть думать конструктивно.

ДРУЖБА В КОМПАНИЯХ

В этой книге речь в основном идет о дружбе между двумя людьми. И это не случайно. Именно между двумя людьми чаще всего зарождается благая дружба. Такой дружбе сложнее возникнуть в большой компании. Одна из причин этого заклю-

чается в том, что сложно достичь такой же степени доверительности со всеми членами группы, какая бывает с отдельным человеком. В результате, находясь в компании, человек может замкнуться в себе и перестать делиться тем, что можно было бы доверить лучшему другу. Другой причиной является то, что в группе невозможно уделить каждому человеку столько внимания, сколько друг уделяет другу, находясь с ним наедине. В группе нам приходится в большей степени рассеивать наше внимание, и это приводит к тому, что у нас меньше возможности вести беседу с каждым в отдельности. Третья причина заключается в том, что в группе легко может возобладать ревность, если между некоторыми ее членами возникает более тесный контакт. Порой это болезненно воспринимается остальными. Иногда компания как единое целое может выработать нечто вроде групповой ревности, которая будет эффективно препятствовать тому, чтобы двое членов группы встречались наедине. Если же встречи происходят, то они воспринимаются как предательство по отношению к группе, и в ход пускаются различные санкции, чтобы не допустить повторения подобного. Группа может стать «компактным коллективом, осуществляющим тотальный контроль над своими членами, подобно городу или племени», – предупреждает Альберони.

Поддержание дружбы в компании требует от нас настороженности. Возьмем, к примеру, разговор. Когда он ведется двумя людьми, редко приходится волноваться, как это происходит, поскольку его участникам предоставляется возможность высказываться по очереди. В группе все иначе. Здесь часто возникают модели разговора, где двое или трое монополизируют разговор, а остальные оказываются вне его. Это происходит не нарочно и не по злему умыслу, а потому, что говорящие невнимательны к происходящему. Они привыкли брать слово, когда им захочется. И не замечают, что таким образом они отнимают у других возможность делать то же самое. Это в первую очередь ударяет по молчаливым людям, по тем, кому нужно время, чтобы собраться с мыслями, и по тем, кто, возможно, из вежливости не любит перебивать других. Парадоксальным является то, что, скорее всего, именно эти люди могли бы лучше всего содействовать развитию беседы.

Мне думается, что друзья, которые встречаются компанией, могут упражняться в дружбе точно так же, как упражняются во взаимодействии игроки футбольной команды. Спортивная командная игра в мяч никогда не будет хорошей, если каждый будет действовать сугубо по своему разумению. Игрок должен видеть, где на поле находятся другие игроки, какие существуют варианты, а чтобы

забить мяч в ворота, отдельному игроку часто приходится пасовать мяч тому, у кого больше шансов забить гол. Подобным образом должен проходить разговор в компании друзей. После того как высказался один член группы, слово должно переходить к другому, и все должны следить за тем, чтобы каждый присутствующий получил возможность высказаться. В некотором смысле речь здесь идет о доброй старой вежливости. Нужно давать возможность высказаться другим людям, научиться сдерживать себя. Необходимо немного редуцировать ту спонтанность, которая отличает дружбу между двумя людьми.

БУДТО СКЛАДЫВАТЬ КОСТЕР

Искусству разводить костер можно научиться. Нужно так складывать дрова, чтобы получалась пирамида. Не все поленья должны быть большими. Чтобы костер разгорелся, в нем должны быть и маленькие щепки, которые легко поджигать. Имеет значение и расстояние между поленьями. Оно не должно быть слишком маленьким, чтобы пропускать воздух, но оно и не должно быть большим, чтобы огонь мог перекидываться с полена на полено. И последнее, но очень важное —

тот банальный факт, что для того, чтобы разгорелось пламя, нужна искра. Без нее тщетной будет работа даже самого искусного мастера костра.

Думаю, что и с искусством дружбы все обстоит таким же образом. Существует много приемов, которым можно научиться. Существуют вещи, которые делать стоит, и те, которые вряд ли целесообразны. Это касается как стадии начала дружбы, так и стадии поддержания дружбы. Но как бы мы ни были искусны в этом, все равно нет гарантии, что дружеские отношения возникнут и будут развиваться. Для этого нужна искра. И в отличие от ситуации с костром ни одна из сторон не может сознательно и активно решить привнести эту искру. С этой точки зрения дружба сродни любви. Мы не можем заставить себя полюбить то, что мы не любим. Возможно, дружба даже является частью любви.

Мы также можем сравнить дружбу с хорошим и глубоким сном. Можно делать все что угодно, чтобы хорошо спать ночью. Мы можем лечь в постель, плотно закрыв двери и опустив жалюзи, в тихом месте, куда не проникает ни звука. Можно постараться утомить себя, совершив долгую прогулку перед сном, выпить чашку горячего липового чая. Можно сделать многое, чтобы вызвать глубокий сон. Но над самим сном мы не властны. Положив голову на подушку, мы

сделали все, что было в нашей власти. Придет сон или нет — находится вне нашего контроля. Попробуй заставить себя заснуть в определенный момент времени. Скажи самому себе, что досчитаешь до десяти и заснешь на десятом ударе. Конечно, ничего не получится.

Вот и любовь с дружбой похожи на сон. Мы можем создать хорошие условия для их возникновения и развития, но мы не властны над самим процессом возникновения. Приход дружбы или любви следует ценить как дар. Это нечто, что дается нам свыше, что-то хорошее, чего только можно ждать и за что следует лишь поблагодарить, если это произойдет.

Поэтому мы можем быть сколь угодно открытыми. Мы можем научиться быть хорошими собеседниками, а также справляться с кризисами. Все это может подпитывать дружбу. Тем не менее у нас нет гарантии, что дружба возникнет и будет развиваться. В то же время дружба может возникнуть, когда мы меньше всего этого ждем. Но как узнать, что это та самая долгожданная дружба, а не ее пустая оболочка? Самое важное — это особое ощущение счастья, связанное с дружбой. Если рядом с другими людьми мы чувствуем себя одинокими, испуганными, неуверенным или обиженными, значит, они нам вовсе не друзья, даже если внешне отношения и выглядят как

дружба. Во всяком случае, это не хорошие друзья. Благая, или хорошая, дружба пропитана счастьем. Друзья чувствуют, что они вдохновляют друг друга, интересуют друг друга и придают друг другу сил. Когда они вместе, исчезает время, обыденность блекнет, а мир становится приключением.

ИСТОЧНИКИ И ПРЕДЛОЖЕНИЯ
К ДАЛЬНЕЙШЕМУ ЧТЕНИЮ

Простая, но хорошая английская вводная книга, в которой также есть много ссылок на литературу, это книга «О дружбе»¹ Рэя Пала². Введение в психологическую литературу о дружбе дает Стив Дак в книге «Друзья на всю жизнь». Книга Пэт О'Коннор «Дружба между женщинами» может послужить введением в социологические исследования женской дружбы, а книга под редакцией Петера М. Нарди «Дружба мужчин» фокусируется, соответственно, на мужской дружбе. Недавно изданная на норвежском книга Марит Ланге и Биргитте Слагсвольд «Друзья на всю жестокую

---

¹ В этой главе все названия произведений переведены на русский язык; в списке литературы вы найдете названия книг и имена авторов на языке оригинала. – Прим. перев.

² Полные выходные данные приводятся в списке литературы в конце книги.

жизнь» представляет тему с общественно-научной точки зрения.

Книга содержит много цитат и ссылок на Франческо Альберони. Все они относятся к его книге «Дружба». Аристотель пишет о дружбе в «Никомаховой этике», в «Эвдемовой этике» и в «Риторике». Большинство цитат Аристотеля взято из восьмой и девятой книг «Никомаховой этики». Источники других философских цитат в книге можно найти по фамилии философов в списке литературы в конце книги, если, конечно, в тексте нет ссылок на иных авторов. Если не указано другое, то приведенные цитаты переведены самим автором¹. Названия книг в тексте даются по-русски, даже если сама книга не переведена².

К ГЛАВЕ
«ЧТО ТАКОЕ ДРУГ?»

Книга Туре Ренберга о Хельге, Ярле и Ингве называется «Мужчина, любивший Ингве» (Осло, Октябрь, 2003).

---

¹ А на русский язык, соответственно, переводчиком. – Прим перев.

² Прим. перев.

Абзацы о древнегреческой и древнеримской дружбе взяты в основном из книги Пэт Истерлинг «Дружба и древние греки» и книги Дэвида Констана «Дружба в классическом мире». Абзацы, в которых есть ссылки на письма Цицерона, основываются на его текстах. Абзацами о средневековой дружбе я обязан книге Брайана Патрика Мак-Гуайра «Дружба и Общество. Монастырский опыт». Элизабет Осен написала книгу «Сад прекрасного. Писавшие женщины Средневековья» о женщинах той эпохи.

Что касается дружбы между женщинами в XVII и XVIII веках, то здесь мне очень помогла книга Лиллиан Фадерман «Превосходя любовь мужчин». Интересна также книга Джанет Тодд «Женская дружба в литературе». Дружба между Сарой Понсонби и Элинор Батлер описана в книге Элизабет Мэйвор «Леди из Лланголлена». О дружбе между Бьёрнстjerne Бьёрнсоном и Клеменсом Петерсеном рассказывает Ян Улав Гатланд в книгах «Между строками» и «Пол моей жизни: дружба Бьёрнстjerne Бьёрнсона с Клеменсом Петерсе-

ном и другими мужчинами». Замечательным исследованием дружбы Конрада Н. Шваха и Морица К. Хансена является работа Марианне Берг Карлсен «В раю дружбы. Исследование понятия “мужское” и дружбы между мужчинами».

Романтическая дружба мужчин в США описана Энтони И. Ротундо. Отношения Блэйка и Вика упоминаются в его статье «Романтическая дружба: мужская близость и молодежь среднего класса в северных штатах, 1800–1900». Переписка Била и Нимса упоминается в работе Карен В. Хансен «Наши взгляды остановились друг на друге. Мужчины и интимная дружба в Антебеллуме в Новой Англии». История о первом студенческом жилье Авраама Линкольна описана Кэрол Смит-Розенберг в книге «Женский мир любви и ритуала. Отношения между женщинами в Америке XIX века», которая также дает хорошее представление о романтической дружбе между женщинами. Карин Лютцен дает также интересное описание идеологической дискуссии о дружбе женщин с 1825 по 1985 год в книге «Чего хочет сердце». Смотрите также работу Туне Хеллесюнд «Норвежская старая дева. О культурной модели полов и организации одиночества».

Развитие взглядов на гомосексуальность начиная с XIX века описано среди прочих Мишелем Фуко в первом томе «Истории сексуальности».

Смотрите также книгу Эдварда Стейна «Недооценка желания». Изменения, происходившие в то же время в воззрениях на роли полов, хорошо описаны Томасом Лакёром в книге «Занятия сексом. Тело и гендер от древних греков до Фрейда». Джордж Л. Моссе больше фокусируется на мужской гендерной роли в книге «Образ мужчины». Истории гомофобии уделяется особое внимание в книге Бирна Фоуна «Гомофобия». Взгляд на гомосексуальность в античной Греции описан также К. Й. Довером в книге «Нравы греческого народа во времена Платона и Аристотеля». Реплика Бента о том, что «мужчины не могут смотреть на мужчин» взята из книги Стейна Рённова «Дружба и близость между мужчинами».

Классикой темы романтической любви является книга Дени де Ружмона «Любовь и Запад». Более новая история этой темы затрагивается Энтони Гидденсом в «Трансформации интимности». Цитата из немецкого философа Фридриха Паульсена о дружбе и браке приведена в книге Харальда Лемке «Дружба» (с. 21–22). Исследование дружбы и брака 80-х годов, охватывавшие тридцать американских мужчин из Бостона и его пригорода, упоминается в работе Теодора Ф. Козна «Семьи мужчин. Друзья мужчин. Структурный анализ принуждения в мужских социальных связях». Исследования, охватившие 200 мужчин и женщин

в США и показавшие, что две трети мужчин не могли назвать имени лучшего друга, в то время как три четверти женщин могли назвать одного или более друзей, описываются у Гидденса на с. 126, а исследования, показавшие что женатые люди в США разговаривают друг с другом в среднем меньше, чем три минуты в день, описаны у О'Коннор (с. 15). Высказывание женщины об интуиции подруги Розе взято у Пала (с. 39).

К ГЛАВЕ
«ЕЩЕ О ДРУЖБЕ
И БЛАГОЙ ЖИЗНИ»

Связь между дружбой и благодеянием в общем плане и психическим и физическим здоровьем в особенности документируется целым рядом исследований. Некоторые из них описываются у Пала (с. 102сл. и 144сл.), у О'Коннор (с. 17) и у Дака (с. 11). Смотрите также «Афтенпостен» от 28.04.03 и статью «Добрые друзья смягчают боль» («Gode venner lindrer smerte») в «Афтенпостен» от 19.10.03, которая рассказывает об исследованиях Ливе Фиранд в этой области в Норвегии. История о друзьях Деметрии и Антифиле передается у Констана (с. 119). Вспышка эпидемии СПИДа в 80-е годы описана Эдрю Салливаном в «Незаметный. Записки о дружбе. Секс и выживание».

Исследования, показавшие, что люди, хоть раз имевшие друзей, могут долго жить воспоминаниями, приводятся у О'Коннор (с. 50). Значение дружбы у детей описывается среди прочего у Эдриана Фарнхэма в книге «Дружба и развитие личности».

К ГЛАВЕ
«ИСКУССТВО ДРУЖБЫ»

Многим в этой главе я обязан Даку. Он приводит в том числе исследования, которые показывают, как мы оцениваем человеческую личность по внешности (с. 51 сл.), и как нам нравится, когда к нам прислушиваются в разговоре (с. 73). Он также рассказывает, какое значение для дружбы имеют общие взгляды (с. 67 сл.). Эта же тема поднимается у Гоулднер и Стронг в работе «Разговор о дружбе. Женщины среднего класса и их друзья». История Плутарха об Аммонии и его учениках передается у Констана (с. 103). Историк Джон Босвелл замечательно описал дружеские ритуалы прежних времен в книге «Однополые союзы в Европе до Нового времени».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Альберони Ф. Дружба и любовь. М.: Прогресс, 1991.

Аристотель. Сочинения в 4 т.; М.: Мысль, 1976–1983.

Бубер М. Я и ты // Два образа веры. М., АСТ, 1999.

Гидденс Э. Трансформация интимности. Сексуальность, любовь и эротизм в современных обществах. СПб.: Питер, 2004.

Гомер. Илиада. М.: Правда.: 1985.

Кант И. Сочинения в 6 т. М.: Мысль: 1963–1966.

Карнеги Д. Как завоевывать друзей и оказывать влияние на людей. Минск: Попурри: 2007.

Кьеркегор С. Или – или. М.: Арктогея, 1993.

Маркс К, Энгельс Ф. Манифест коммунистической партии. М.: Директ-Медиа, 2002.

Монтень М. Опыты. М.: Наука, 1981.

Полани М. Личностное знание. М.: Прогресс, 1985.

Сартр Ж.-П. Бытие и ничто: опыт феноменологической онтологии. М.: Республика, 2000.

Сенека. Нравственные письма к Луцилию. М.: Наука, 1977.

Сеннет Р. Падение публичного человека. М.: Логос, 2002.

Фуко М. Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. М.: Кастань, 1996.

Цицерон. О старости. О дружбе. Об обязанностях. М.: Наука, 1993.

Rougemont Denis de. Love in the Western World. Princeton: Princeton University Press 1983; главы из этой книги также переведены на русский язык: *Ружмон Д. де.* Любовь и Запад (главы из книги) // Новое литературное обозрение. 1998, № 31. С. 52–72.

Simmel Georg. Die Großstädte und das Geistesleben / Aufsätze und Abhandlungen 1901–1908. B.1. Frankfurt am Main: Suhrkamp, 1995.

Simmel Georg. The sociology of Georg Simmel. London: The free Press, 1964. Труды этого автора также переведены на русский язык: *Зиммель Г.* Избранное в 2 т. М.: Юрист, 1996.

Wittgenstein Ludwig. Philosophische Untersuchungen. Frankfurt am Main: Suhrkamp, 1984. Книга также была переведена на русский язык: *Витгенштейн Л.* Философские исследования // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. М., XVI. 1985. С. 79–128.

Allan Graham. Kinship and Friendship in modern Britain, Oxford: Oxford University Press, 1996.

Beck, Ulrich and Beck-Gernsheim Elisabeth. The Normal Chaos of Love. Cambridge: Polity Press, 1995. *Bellah Robert N.* and others. Habits of the Heart. Individualism and Commitment in American Life. New York: Harper and Row, 1985.

Boswel John. Same-Sex Unions in Premodern Europe. New York: Vintage Books, 1995.

Brain Robert. Friends and Lovers. New York, Basic Books, 1976.

Coben Theodore F. Men's Families, Men's Friends. A Structural Analysis of Constraints on Men's Social Ties / Men's Friendships. Peter M. Nardi (ed.), Newbury Park: Sage, 1992.

Comte-Sponville André. Petit Traité des Grandes Vertus. 1995. (Автор использовал английский перевод: A Short Treatise on the Great Virtues. London, Vintage, 2003.)

Dabl Nils Fredrik. Påvei til en venn. Oslo, Forlaget Oktober, 2002.

Dover K. J. Greek Popular Morality in the Time of Plato and Aristotle. Oxford: Basil Blackwell, 1974.

Duck Steve. Friends, for life: The psychology of personal relationships. New York: Harvester, 1991.

Easterling Pat. Friendship and the Greeks / The Dialectics of Friendship. Porter Roy and Tomaselli Sylvana (ed.). London: Routledge, 1989.

Faderman Lillian. Surpassing the Love of Men: Romantic Friendship and Love between Women from the Renaissance to the Present. London: The Women's Press, 1982.

Fone Byrne. Homophobia. New York: Metropolitan Books, 2000.

Furnham Adrian. Friendship and Personal Development / The Dialectics of Friendship. Porter Roy and Tomaselli Sylvana (ed.) London: Routledge, 1989.

Gatland Jan Olav. Mellom linjene. Oslo: Aschehoug, 1990.

Gatland Jan Olav. Mitt halve liv: Bjørnstjerne Bjørnsons vennskap med Clemens Petersen – og andre menn. Oslo: Kolofon, 2002.

Gouldner Helen and Strong Mary Symons. Speaking of Friendship: Middle-Class Women and Their Friends. New York and London: Greenwood Press, 1987.

Gullestad Marianne. Kitchen-table Society. A case study of the family life and friendships of young working-class mothers in urban Norway. Oslo: Universitetsforlaget, 2001.

Hansen, Karen V. «Our Eyes Behold Each Other» Masculinity and Intimate Friendship in Antebellum New England / Men's Friendships. Peter M. Nardi (ed.), Newbury Park: Sage, 1992.

Hellesund Tone. Den norske peppermø. Om kulturell konstituering av kjønn og organisering av enslighet. Bergen: Universitet i Bergen, 2001.

Hite Shere. The Hite Report. A nationwide study on female sexuality. New York: MacMillan, 1976.

Høgset Grete. Frendskap og vennskap. Hovedoppgave, Universitetet i Bergen: 1995.

Karlsen Marianne Berg. «I Venskabs Paradiis». En studie av maskulinitet og vennskap mellom menn. Oslo: Den norske historiske foreningen, 2000.

Konstan David. Friendship in the Classical World. Cambridge: Cambridge University Press, 1989 / Lancelot of the Lake. The World's Classics. Oxford University Press, 1989.

Lange Birgitte og Slagsvold Marit. Venner for harde livet. Oslo: Aschehoug, 2003.

Laqueur Thomas Making Sex. Body and Gender from the Greeks to Freud. Cambridge: Harvard University Press, 1990.

Lemke Harald. Freundschaft. Ein philosophischer Essay. Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft, 2000.

Lewis C. S. The Four Loves. New York: Harcourt Brace Jovanovich, 1978.

Lützen Karin. Hva hjertet begjærer. Oslo: Cappelen, 1987.

Maslow Abraham, H. Toward a Psychology of Being. New York: Van Nostrand, 1968. (Существует также русский перевод: Маслоу А. Психология бытия. М.: Рефлбук – К.: Ваклер, 1997.)

Mavor Elizabeth. The ladies of Llangollen. Harmondsworth, Penguin Books, 1974.

McGuire Brian Patrick. Friendship and Community. The Monastic Experience. Kalamazoo: Cistercian Publications, 1988.

Mosse George L. The Image of a Man. The Creation of modern masculinity. Oxford: Oxford University Press, 1996.

- Müller Reimar.* Die Epikureische Gesellschaftstheorie. Berlin: Schriften zur Geschichte und Kultur der Antike nr. 5, 1974.
- Nardi Peter M.* (ed.) Men's Friendships. Newbury Park: Sage: 1992.
- Nardi Peter M.* Seamless Souls / Men's Friendships. Peter M. Nardi (ed.), Newbury Park: Sage 1992.
- O'Connor Pat.* Friendships Between Women: A Critical Rewiew. New York: Harvester Wheatsheaf, 1992.
- Oliker S.J.* Best Friends and Marriage. Exchange among women. Berkeley, Los Angeles and London: University of California Press, 1989.*Pabl Rey.* On Friendship. London: Polity / Blackwell 2000.
- Pakaluk Michael* (ed.). Other Selves. Philosophers on Friendship. Cambridge: Hackett Publishing Company, 1991.
- Porter Roy and Sylvana Tomaselli* (ed.). The Dialectics of Friendship. London, Routledge 1989.
- Renberg Tore.* Mannen som elsket Yngve. Oslo: Forlaget Oktober, 2003.
- Rotundo E. Anthony.* Romantic Friendship: Male Intimacy and Middle-Class Youth in the Northern United States, 1800–1900 / Journal of Social History, vol. 23, N 1.
- Rotundo E. Anthony.* American Manhood – Transformation in Masculinity from the Revolution to the Modern Era. New York: Basic Books, 1993.

- Rønnow Stein.* Vennskap og nærhet mellom menn. Hovedfagsoppgave i psykologi Universitetet i Oslo, 1976.
- Smith-Rosenberg Carol.* The female World of Love and Ritual. Relations between Women in Ninetenth-Century America / Signs № 1 (1975). P. 1–29.
- Solano C. H.* People. Without Friends / Friendship and Social Interaction. New York: Springer, 1986.
- Spacks Patricia Meyer.* Gossip. Chikago, University of Chicago Press, 1986.
- Stein Edward.* The Mismeasure of Desire. Oxford, Oxford University Press, 1999.
- Stone Lawrence.* The Family, Sex and Marriage in England 1500–1800. London: Weidenfeld and Nicolson, 1977.
- Sullivan Andrew.* Love Undetectable. Notes on Friendship. Sex and survival. New York, Alfred A. Knopf, 1998.
- Telfer Elizabeth.* Friendship / Other Selves. Philosophers on Friendship. Cambridge: Hackett Publishing Company, 1991.
- Tiger Lionel.* Men in Groups. London: Nelson, 1969.
- Todd Janet.* Women's Friendship in Literature. New York, Columbia University Press, 1980.
- Urstad Kristian.* Epicurus & The Pleasure of Friendship. Hovedfagsoppgave i filosofi, Universitetet i Oslo, 2001.
- Vidal Gore.* Palimpsest. A memoir. New York, Random House, 1995.

Wellman Barry. Men in Networks / Men's Friendships. Newbury Park: Sage 1992.

Wright, Paul. Men's Friendships, Women's Friendships and the Alleged Inferiority of the Latter / Sex Roles. 1982, № 8. P. 1–20.

Aasen Elisabeth. Driftige damer. Oslo: Pax Forlag, 1993.

Aasen Elisabeth. Det skjønnnes hage Middelalderens skrivende kvinner. Oslo: Pax Forlag: 1996.

*В этой серии вышли
также книги:*

Ларс Свендсен
ФИЛОСОФИЯ СКУКИ, 2003

Ларс Свендсен
ФИЛОСОФИЯ МОДЫ, 2007

Ларс Свендсен
ФИЛОСОФИЯ ЗЛА, 2008

Ларс Свендсен
ФИЛОСОФИЯ СТРАХА, 2010

Арне Юхан Ветлесен
ФИЛОСОФИЯ БОЛИ, 2011

НАУЧНОЕ ИЗДАНИЕ

Хельге Сваре
Философия дружбы

Директор издательства *Б.В. Орешин*
Зам. директора *Е.Д. Горжевская*

Верстка *Е.Г. Булычев*

Формат 70х100/32. Бумага офсетная № 1.
Печать офсетная. Объем 8,0 печ. л.
Тираж 800 экз. Заказ №

Издательство «Прогресс-Традиция»
119048, Москва, ул. Усачева, д. 29, корп. 9
Телефон 8 (499) 245-49-03

ISBN 9785898263447

Отпечатано в типографии им. Скворцова-Степанова ФГУП
Издательство «Известия» УД П РФ
Генеральный директор *Э.А. Галузов*

127994, ГСП-4, г. Москва, К-6, Пушкинская пл., д. 5.

